

ПРАВОСУДИЕ JUSTICE

2025

Том 7, № 3

2025

Vol. 7, no. 3

Научный журнал

Scientific Journal

Учредитель и издатель:

Российский государственный
университет правосудия
имени В. М. Лебедева

Founder and Publisher:

Russian State University of Justice
named after V. M. Lebedev

Издаётся с сентября 2019 года
Периодичность издания – 4 раза в год

Published since September 2019
Publication frequency: quarterly

E-mail: vestnik@rsuj.ru
<http://justice.study>

Научный журнал «Правосудие/Justice» публикует оригинальные, соответствующие установленным требованиям статьи, в которых исследуются наиболее значимые для отечественной и зарубежной юридической науки проблемы, относящиеся к следующим направлениям: теория и история права и государства, глобализация и правосудие, современные правовые доктрины, судопроизводство, судебные реформы и судебные системы отдельных стран, цифровизация и право. Издатель со-зданием журнала ставит цель представить научному сообществу результаты научных исследований российских и зарубежных ученых по специальному кругу вопросов, касающихся осуществления правосудия.

Наименование и содержание рубрик журнала соответствуют отраслям науки и Номенклатуре научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени.

С целью экспертной оценки каждого поступающего в редакцию материала осуществляется научное рецензирование. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов. Редакция журнала направляет копии рецензий при поступлении соответствующего запроса в Министерство науки и высшего образования Российской Федерации.

Журнал следует стандартам редакционной этики согласно международной практике редактирования, рецензирования, издательской деятельности и авторства научных публикаций и рекомендациям Комитета по этике научных публикаций (COPE) и Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ).

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (категория К1).

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору за соблюдением законодательства в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-76078 от 24 июня 2019 г.

Научный редактор А. Б. Архипова (кандидат юридических наук)
Корректор К. В. Чегурова
Компьютерная верстка Г. С. Гордиенко

Адрес редакции:
Российская Федерация, 117418, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69
Тел.: +7(495) 332-51-49; +7(495) 332-51-19

При перепечатке и цитировании
ссылка на журнал «Правосудие/Justice» обязательна.
Полное или частичное воспроизведение в СМИ материалов,
опубликованных в журнале, допускается только с разрешения редакции

ООО «Полиграф-Плюс»
Подписано в печать 29.09.2025
Формат 70×100/16
Объем 15,6 усл. печ. л.
Тир. 100 экз.

The academic and scientific journal “Pravosudie/Justice” publishes original articles in accordance with the established requirements, which research the most significant for the domestic and foreign legal science problems in the following areas: theory and history of law and state, globalisation and justice, modern legal doctrines, legal procedures, judicial reforms and judicial systems of individual countries, digitalisation and law. The publisher of the journal’s aims to present to the scientific community the results of scientific research carried out by the Russian and international scientists and to introduce to the scientific community publications on a special range of issues relating to the administration of justice.

The titles and contents of the rubrics of the journal correspond to the branches of science and Nomenclature of scientific specialities in which degrees are awarded.

All materials submitted to the editorial board undergo a scientific peer review process. All reviewers are recognised experts in the subject matter of the reviewed material. The editorial board sends copies of reviews to the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation upon request.

The journal follows the standards of editorial ethics according to international practices for editing, reviewing, publishing and authorship of scientific publications and the recommendations of the Committee on the Ethics of Scientific Publications (COPE) and Association of Science Editors and Publishers (ASEP).

The journal is included in the List of peer-reviewed scientific journals, in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Science and for the degree of Doctor of Science are published (K1).

The Journal is registered in the Federal Service
for Supervision in the Sphere of Communications,
Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor)
Certificate: ПИ № ФС77-76078, 24.06.2019

Scientific editor L. B. Arkhipova (Cand. Sci. (Law))
Proof-reader K. V. Chegulova
Computer layout G. S. Gordienko

Postal address:

69 Novocheremushkinskaya ul., Moscow, 117418, Russian Federation
Tel.: +7(495) 332-51-49; +7(495) 332-51-19

When reprinting or quoting,
the reference to the journal “Pravosudie/Justice” is necessary.
No part of this publication may be reproduced
without the prior written permission of the publisher

JSC “Poligraph-Plus”
Signed to print 29.09.2025
Sheet size 70×100/16
Conventional printed sheets 15,6
Number of copies 100

Главный редактор

Корнев Виктор Николаевич (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного права имени Н. В. Витрука Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Редакционная коллегия

Антушин Сергей Сергеевич (г. Москва, Россия), доктор философских наук, доцент, действительный член Академии военных наук, заведующий кафедрой философии и социально-гуманитарных дисциплин Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Аржамов Андрей Анатольевич (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, проректор по научной работе Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Бирюков Павел Николаевич (г. Воронеж, Россия), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и евразийского права Воронежского государственного университета

Бриллиантов Александр Владимирович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой уголовного права Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Бурдина Елена Владимировна (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой организации судебной и правоохранительной деятельности Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Габов Андрей Владимирович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, и. о. заведующего сектором гражданского и предпринимательского права Института государства и права Российской академии наук, член-корреспондент Российской академии наук

Дорская Александра Андреевна (г. Санкт-Петербург, Россия), доктор юридических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, заведующий кафедрой общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Жуков Вячеслав Николаевич (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Качалов Виктор Иванович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-процессуального права имени Н. В. Радутной Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Кирпичев Александр Евгеньевич (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Колюшин Евгений Иванович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации

Кононов Павел Иванович (г. Киров, Россия), доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и административного процесса Волго-Вятского института (филиала) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Корнев Аркадий Владимирович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Кулаков Владимир Викторович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, ректор Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Лапаева Валентина Викторовна (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, главный научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права Института государства и права РАН

Монжальль Пьер-Ив (г. Тур, Франция), доктор публичного права, профессор Университета Франсуа Рабле

Нештатаева Татьяна Николаевна (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Никитин Сергей Васильевич (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Прошушин Максим Михайлович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры финансового права Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Скляров Сергей Валерьевич (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Спиридонов Андрей Алексеевич (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, заместитель директора Департамента обеспечения регуляторной политики Правительства Российской Федерации, академик РАЕН, почетный работник Аппарата Правительства Российской Федерации, действительный государственный советник Российской Федерации 2 класса

Стародубцев Григорий Серафимович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Фаргиев Ибрагим Аюбович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Судья Верховного Суда Российской Федерации

Фролова Елизавета Александровна (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Editor-in-Chief

Viktor N. Kornev (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Vitruk Constitutional Law Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Editorial board

Sergey S. Antyushin (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Philosophy), Associate Professor, Full Member of the Academy of Military Sciences, Head at the Philosophy and Social and Humanitarian Disciplines Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Andrey A. Aryamov (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Rector for Scientific Work of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Pavel N. Biryukov (Voronezh, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the International and Eurasian Law Department, Voronezh State University

Alexander V. Brilliantov (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Criminal Law Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Elena V. Burdina (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Organization of the Judiciary and Law Enforcement Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Andrey V. Gabov (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Acting Head of the Civil and Entrepreneurial Law Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences

Alexandra A. Dorskaya (St. Petersburg, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Deputy Director for Scientific Work, Head of the General Theoretical Legal Disciplines Department, North-West Branch, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Vyacheslav N. Zhukov (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Dr. Sci. (Philosophy), Professor at the Theory of State and Law and Political Science Department, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University

Viktor I. Kachalov (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Professor at the Radutnaya Criminal Proceedings Law Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Alexander E. Kirpichev (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Business and Corporate Law Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Evgeny I. Kolyushin (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Member of the Central Election Commission of the Russian Federation

Pavel I. Kononov (Kirov, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Professor at the Civil and Administrative Procedure Department, Volga-Vyatka Institute (Branch), Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Arkady V. Kornev (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Theory of State and Law Department, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Vladimir V. Kulakov (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Rector of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Valentina V. Lapaeva (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Chief Researcher at the Sector of Philosophy of Law, History and Theory of State and Law, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences

Pierre-Yves Monjal (Tours, France), PhD in Public Law, Professor at the Francois Rabelais University

Tatyana N. Neshataeva (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the International Law Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Sergey V. Nikitin (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Civil and Administrative Proceedings Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Maxim M. Proshunin (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Professor at the Financial Law Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

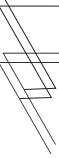
Sergey V. Sklyarov (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Professor at the Criminal Law Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Andrey A. Spiridonov (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Deputy Director of the Department for Ensuring Regulatory Policy of the Government of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Honorary Worker of the Office of the Government of the Russian Federation, Actual State Advisor of the Russian Federation 2nd class

Grigory S. Starodubtsev (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Professor at the International Law Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Ibragim A. Fargiyev (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Judge of the Supreme Court of the Russian Federation

Elizaveta A. Frolova (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor at the Theory of State and Law and Political Science Department, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University

Содержание

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Фролова Е. А. Политическое миросозерцание в Античности (Сократ, Платон, Аристотель).....	8
Степаненко Р. Ф., Степаненко Г. Н. Правовое сотворчество в научных воззрениях Г. Гурвича (философско-правовые аспекты).....	29
Новикова Л. И. Фразеологизмы с концептом «правда» как выражение философии права и правовой психологии русского народа.....	42

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

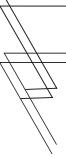
Малахов Д. М. Об информационно-техническом обеспечении личной безопасности судей	55
Писарев А. Н. Конституционные функции и полномочия Президента Российской Федерации по поддержанию гражданского мира и согласия в стране	67
Полова С. П. Правосудие в системе правовой защиты местного самоуправления.....	85

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Ершов В. В. (мл.). Дифференциация правовых и индивидуальных регуляторов трудовых правоотношений.....	98
Райников А. С. Переговоры о заключении договора в контексте цивилистического учения о добреей совести	109
Болдырев В. А. Крепкая семья, брак, многодетность: нравственные идеалы и правовое регулирование имущественных отношений.....	122
Кокова Д. А. Сравнительно-правовой анализ основных начал семейного законодательства Российской Федерации и Республики Беларусь	137
Хоршева Ю. О. Тенденции правовой защиты инвалидов: национальный и международный аспекты	147

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Марковичева Е. В. Влияние информационных технологий на систему гарантий прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства	162
Лазарь К. К. Квалификация кибератак как «применения силы» или «акта агрессии» в международном праве: анализ статьи 51 Устава ООН и перспективы самообороны в киберпространстве.....	179

Content

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

<i>E. A. Frolova.</i> Political worldview in Antiquity (Socrates, Plato, Aristotle)	8
<i>R. F. Stepanenko, G. N. Stepanenko.</i> Legal co-creation in the scientific views of G. Gurvich (philosophical and legal aspects)	29
<i>L. I. Novikova.</i> Phraseologisms with the concept of "truth" as an expression of the philosophy of law and legal psychology of the Russian people	42

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

<i>D. M. Malakhov.</i> On information and technical support for the personal safety of judges.....	55
<i>A. N. Pisarev.</i> Constitutional function and powers of the President of the Russian Federation to maintain civil peace and harmony in the country	67
<i>S. P. Popova.</i> Justice in the system of local self-government legal protection.....	85

PRIVATE LAW (CIVIL LAW) SCIENCES

<i>V. V. Ershov, Jr.</i> Differentiation of legal and individual regulators of labor relations	98
<i>A. S. Raynikov.</i> Negotiations in the context of the civil law doctrine on good faith.....	109
<i>V. A. Boldyrev.</i> Strong family, marriage, having many children: moral ideals and legal regulation of property relations	122
<i>D. A. Kokova.</i> Comparative legal analysis of the main principles of family legislation of the Russian Federation and the Republic of Belarus	137
<i>Yu. O. Khorsheva.</i> Trends in legal protection of persons with disabilities: national and international aspects	147

CRIMINAL LAW SCIENCES

<i>E. V. Markovicheva.</i> The impact of information technology on the system of guarantees of rights and legitimate interests of participants in criminal proceedings	162
<i>C. C. Lazari.</i> Qualification of cyberattacks as "use of force" or "act of aggression" in international law: analysis of article 51 of the UN Charter and perspectives of self-defense in cyberspace	179

Научная статья

УДК 34.01

DOI: 10.37399/2686-9241.2025.3.8-28

Политическое миросозерцание в Античности (Сократ, Платон, Аристотель)

Елизавета Александровна Фролова

Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация
frolova.msu@mail.ru

Аннотация

Введение. Актуальной задачей современной юриспруденции является формирование правового мышления. Эта цель во многом достигается благодаря теоретико-правовым наукам, среди которых особое место занимает философия права. Мировоззренческий (личностный) компонент философии права придает ей особую значимость как науки фундаментальной юриспруденции.

На примере этико-правовых воззрений Сократа, Платона и Аристотеля показаны систематический и генетический подходы к изучению государства и права. В теоретическом аспекте античная философия права представляет особый интерес: греческие философы рассмотрели все основные понятия и проблемы в области права и государства, показав их смысловые характеристики. Выработанные ими начала во многом важны для развития юридического мышления и в XXI в.

Теоретические основы. Методы. Целью настоящей работы является исследование политico-правовых учений в Древней Греции как социокультурных явлений. Для достижения поставленной цели решались следующие задачи: анализ этико-политических воззрений Сократа; определение государства как идеи правды и добра в учении Платона; рассмотрение методологических основ философии права Аристотеля.

В ходе исследования применялись следующие методы: анализ и синтез, герменевтический, компаративистский подходы.

Результаты исследования. Анализ политico-правовых явлений и их оценок античными авторами позволил автору сформулировать ряд выводов.

1. Государство, согласно Сократу, должно быть основано на справедливости.
2. Платон стремился реализовать идею блага в действительности. Нравственная жизнь, считал он, может осуществиться только в государстве. Поэтому нравственное учение Платона вырастает в учение о государстве, индивидуальная этика становится социальной.
3. Этика Аристотеля направлена не на познание единого, вечного, неизменного идеала; предмет его исследований – достижимые человеком конкретные блага.

В фокусе его внимания – вопросы определения государства, анализ его форм и причин смены государственной власти в каждой из этих форм.

Обсуждение и заключение. На примере анализа философии права в Античности (Сократ, Платон, Аристотель) автором показана ценность истории и методологии права, истории политических и правовых учений, философии права. Утверждается, что логико-теоретической основой учений античных мыслителей выступала философия. Античные мыслители рассматривали государство, право, человека в их единстве и целостной взаимосвязи. Важная тема философии права в античном мире – создание государства и права, основанных на справедливости. В качестве характерной черты античной философии права называется диалогичность, позволяющая увидеть и оценить авторские подходы к раскрытию сущности политico-правовых явлений.

Ключевые слова: история и методология права, история политических и правовых учений, философия права, Сократ, Платон, Аристотель

Для цитирования: Фролова Е. А. Политическое миросозерцание в Античности (Сократ, Платон, Аристотель) // Правосудие/Justice. 2025. Т. 7, № 3. С. 8–28. DOI: 10.37399/2686-9241.2025.3.8-28.

Original article

Political Worldview in Antiquity (Socrates, Plato, Aristotle)

Elizaveta A. Frolova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
frolova.msu@mail.ru

Abstract

Introduction. The current task of modern jurisprudence is the formation of legal thinking. This goal is largely achieved thanks to the theoretical and legal sciences, among which the philosophy of law occupies a special place. The ideological (personal) component of the philosophy of law gives it special significance as a science of fundamental jurisprudence.

Using the example of the ethical and legal views of Socrates, Plato and Aristotle, a systematic and genetic approach to the study of the state and law is shown. In theoretical terms, the philosophy of law of Ancient Greece is of particular interest: Greek philosophers considered all the main concepts and problems in the field of law and state, showing their semantic characteristics. The principles they developed are largely important for the development of legal thinking in the 21st century.

Theoretical Basis. Methods. The purpose of this work is to study the political and legal doctrines in Ancient Greece as socio-cultural phenomena. To achieve this goal, the following tasks were solved: analysis of the ethical and political views of Socrates; definition of the state as the idea of truth and goodness in Plato's teaching; consideration of the main methodological foundations of Aristotle's philosophy of law. The following methods were used in the study: analysis and synthesis, hermeneutic, comparative approaches.

Results. The analysis of political and legal phenomena and their assessments by ancient authors allowed the author to formulate a number of conclusions.

1. According to Socrates, the state should be based on justice.
2. Plato sought to implement the idea of good in reality. Moral life, he believed, can only be realized in the state. Therefore, Plato's moral teaching grows into a doctrine of the state, individual ethics becomes social.
3. Aristotle's ethics is not aimed at understanding a single, eternal, unchanging ideal; the subject of his research is specific benefits achievable by man. His focus is on the issues of defining the state, analyzing its forms and the reasons for the change of state power in each of these forms.

Discussion and Conclusion. Using the example of the analysis of the philosophy of law in Ancient Greece (Socrates, Plato, Aristotle), the author shows the value of the history and methodology of law, the history of political and legal doctrines, and the philosophy of law. It is argued that philosophy served as the logical and theoretical basis for the teachings of ancient thinkers. Ancient thinkers considered the state, law, and man in their unity and integral interrelation. An important theme of the philosophy of law of this time is the creation of a state and law based on justice. A characteristic feature of ancient philosophy of law is its dialogic nature, which allows one to see and evaluate the author's approaches to revealing the essence of political and legal phenomena.

Keywords: history and methodology of law, history of political and legal doctrines, philosophy of law, Socrates, Plato, Aristotle

For citation: Frolova, E. A. Political worldview in Antiquity (Socrates, Plato, Aristotle). *Pravosudie/Justice.* 2025;7(3):8-28. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2025.3.8-28.

Введение

Философия права – отрасль знания о предельных основаниях права и государства, их сущности и ценностных качествах и ориентирах правовой культуры общества¹. Одна из отличительных характеристик философии права – наличие мировоззренческого компонента, раскрывающегося во всей полноте в авторской трактовке оценок социально-политических явлений. Субъективный момент оказывает порой на содержание доктрины большее влияние, чем, например, условия времени, национальности и др. Нет ни одного трактата по философии права, который был бы свободен от этого влияния личности своего творца, – все проекты по философии права являются продуктами индивидуального творчества. Элементы мировоззрения у каждого автора складываются из разных факторов: личного осознания реальных политico-правовых проблем, доктрины и идеалов своего народа и времени и др. Отсюда – то разнообразие и обилие форм, которые образуют содержание философии права. Насколько бы мышление ни было связано с интересами и задачами общественной группы и как бы оно ни поглощалось последней, все же именно личность привносит в философско-исторический процесс нечто особенное, субъективное, индивидуальное. По мнению В. Виндельбанда, личностный фактор исследования

¹ Жуков В. Н. Философия права : сл. 2-е изд., дораб. и доп. / под ред. и сост. В. Н. Жукова. М. : Мир философии : Алгоритм, 2021. С. 761.

заслуживает дополнительного внимания, поскольку наиболее видные философы права являются самостоятельными индивидуальностями, особенности которых оказывают влияние на выбор и группировку проблем, на их разработку как в собственных учениях, так и в учениях их последователей [1, с. 21]. Поэтому философию права с не меньшим основанием, чем историю, можно считать «царством индивидуальностей», неповторяющихся и обособленных единиц.

Теоретические основы. Методы

Философия права Древней Греции – яркий образец сочетания систематического и исторического компонентов социальных наук. С этих позиций она представляет особый интерес: греческие философы не только изучали формы и движения вещей, их причины и природу, но и рассмотрели все основные понятия и проблемы права и государства, показав их смысловые характеристики. Выработанные античными авторами этические и политические начала важны для развития юридического мышления и поныне.

Результаты исследования

Древнегреческий философ Сократ (468 г.(?) 471 г.(?) 469(?)–399 гг. до н. э.) сохраняет для всех времен и народов значение как величайший тип философа. Он является одним из тех мыслителей, учение которых неразрывно связано с их личностью: философия для него была не отвлеченным теоретическим рассуждением – она выражала смысл его существования. Сократа по праву считают не только великим мыслителем, но и великим философским характером: его значение в истории философии определяется его личным влиянием.

Сократ родился и жил в Афинах [2, с. 8–68]. Он сообщал свои мысли исключительно в форме устной беседы, диалога, поэтому все сведения о нем почерпнуты из воспоминаний его учеников, унаследовавших путем устного предания все богатство его идей. О жизни и творчестве Сократа известно из сочинений Платона («Апология Сократа», «Парменид», «Критон», «Федон»), Ксенофона Афинского, Диогена Лаэртского, Плутарха, Либания. Учился он у лучших философов своего времени – Парменида, Демокрита, Гераклита, Анаксагора, Эмпедокла. Участвовал в Пелопонесской войне. Встретив Протагора, Сократ решил посвятить себя философии. Сократ был беден, считал, что взимание платы за преподавание – безнравственный акт. Отличался честностью, нравственной чистотой,держанностью, прямодушием, спокойствием духа. По надуманным обвинениям философ был предан суду. В апреле – мае 399 г. до н. э. Анит, Мелет, Ликон подали на Сократа донос в суд гелиастов со следующим обвинением: «Он нарушает законы государства, не признавая национальных богов и вводя новых, а также разворачивает молодое поколение». Успех обвинения был предрешен по нескольким причинам: большинство судей были демократами, многие из которых испытывали личную неприязнь к Сократу (побеждал их в споре); Сократ не отказывался от преподавания философии, более того, на процес-

се он выступил с изложением своих мыслей. В итоге Сократ был признан виновным и приговорен к смертной казни. Уходя из зала, философ заявил: «Итак, час разлуки настал: мы расходимся: я – чтобы умереть, вы – чтобы жить; но что лучше – знает один лишь Бог». Тридцать дней томился в оковах; Критон предложил ему бежать (в Фессалию), Сократ отказался [3, с. 153–159]. Отказавшись от побега, Сократ принял яд из рук тюремщика.

Сократа справедливо признают родоначальником всех философских учений древности, живым олицетворением греческой философии [4, с. 20–21]. Начала, которые он высказывал, заключались не в каких-либо определенных доктринах, а в методе мышления. Согласно взглядам Сократа, истинное благо состоит в самопознании. «Существо вещей» древнегреческий философ стремился раскрывать с помощью логических построений; он утверждал, что целью и основой научной работы является понятие. При этом Сократ не столько выявлял определенное содержание знания, сколько приглашал к размышлению, к проверке всего, что принимается за знание. В еще большей степени, чем софисты, он отходил от философии природы и обращался к мышлению и воле человека. Не обосновывая в качестве самостоятельной науку логики (это сделал Аристотель), Сократ предложил научный метод – индукцию (исходит из обыденного и несомненного). С помощью бесед, т. е. постановки вопросов и методического нахождения ответа, он стремился выявить объективную истину. Он исследовал, что благочестиво и что нечестиво, что справедливо и что несправедливо, что есть благородумие и что – безумие, что – храбрость и что – трусость, что – государство и что – государственный муж, что есть человеческая власть и что – человек, способный властвовать над людьми, и т. д. Только тот, кто знает ответы на эти вопросы, по мысли Сократа, может считаться человеком достойным [5, с. 106]. Через сравнение фактов и перекрестные вопросы философ находил для искомого точное понятие. Сократ убеждал, что истина должна зародиться в собственной голове собеседника – только то знание ценно, которое добыто самим мыслящим субъектом. Согласно его мнению, нравственность есть единственный предмет, достойный уважения и изучения. С этих позиций Сократ выступал против этического релятивизма софистов [6].

Основополагающие идеи Сократа следующие: 1. «Я знаю, что я ничего не знаю», суть которой заключается в том, что истина – одна, ее знают философы, постигающие мир разумом. Мнение свойственно толпе, оно порождается чувствами. 2. В человеке есть искра Божья (разум), отсюда требование: «Познай самого себя». Познание разума идет через логику понятий. Добротель тождественна знанию, добротели можно научиться. Знающий доброе обязательно и поступает по-доброму, а поступающий по-злому или не знает, что такое добро, или творит зло в целях конечного торжества добра. Таким образом, нравственное зло от неведения, человеку необходимо просветить разум, тогда зло исчезнет само по себе.

Государство, по Сократу, должно быть основано на справедливости. С этих позиций он выступал против всех форм государства (монархии, тирании, аристократии, плутократии, демократии), если они не основаны на

справедливости. Согласно Ксенофонту Афинскому, Сократ критиковал софистов за выборы правящих лиц, поскольку эта система не обеспечивает появление лучших людей у власти: нельзя самых разумных людей выбирать из толпы по жребию. Сократ утверждал, что править должен знающий, а не толпа; противопоставлял знание одного лучшего безнравственному мнению большинства.

Значение идей Сократа огромно. Он внес существенный вклад в анализ познавательной человеческой способности. Впервые было доказано, что все содержание знания выражается в общих представлениях – понятиях; он сформулировал требование всеобщности истинного знания; указал на индуктивный метод как путь к истинному знанию, показав, что для правильной индукции необходим всесторонний анализ единичных представлений и что только такое обобщение можно назвать знанием в противовес мнению [4, с. 33–34]. Сократ требовал сознательного (не слепого, рабского) подчинения нравам и обычаям, законам и учреждениям государства; признавал важное значение государства, которое должно осуществлять добро и благо.

Свою систему философии создает ближайший выдающийся ученик Сократа – Платон. В то время, когда Гераклит задавался вопросом, существует ли что-либо постоянное, или все находится в движении и вечном потоке, а софисты в принципе отрицали общеобязательное познание (все течет, все изменяется), Платон, вслед за своим легендарным учителем, защищает общеобязательность – наука должна строиться на основе понятий и принципов.

Платон (Аристокл) (427–347 гг. до н. э.) родился в Афинах, происходил из богатого аристократического рода с прочными традициями, его предки – афинский царь Кодр, знаменитый государственный деятель Солон, к его родственникам принадлежал олигарх Критий [2, с. 71–136]. Будущий философ получил хорошее воспитание, обучался живописи, музыке; его любимыми поэтами были Гомер, Эпихарм, Софрон. Платон хотел стать поэтом, однако после встречи с Сократом сжег все свои стихотворения. Платон познакомился с учениями Гераклита и Анаксагора, однако именно дружеское общение с Сократом на протяжении пяти лет направило его на философский путь. После смерти своего учителя, которого он тщетно старался спасти, Платон переселился в Мегару, а затем отправился в длительное путешествие. В возрасте 40 лет Платон основал Академию, где разрабатывал и преподавал свою философию: частично в форме диалогов (подражая Сократу), отчасти – в лекциях. Умер Платон на 81-м году жизни, занятый своими сочинениями. Созданная Платоном Академия просуществовала на протяжении почти тысячи лет.

Учение Платона об идеях – первая научная попытка разрешить гносеологическую проблему: как возможно познание? Согласно Платону, чувства не могут дать прочного познания, однако они ведут к образованию мнения или представления. Познание неизменного или сущего можно назвать наукой. Платон впервые возвышается до представления чисто мысленного,

идеального бытия, которое существует благодаря тому, что мыслится [7, с. 86–90]. Гипотетический метод есть его излюбленный прием. Согласно Платону, идея – это предпосылка, условие любого научного мышления. Наука о чистых идеях в его философии называется диалектикой. Ее задача – свести многообразие действительности к родовому понятию и затем разложить на виды, возвысив тем самым представление до объективной идеи, отбросив при этом все субъективное и шаткое. Истинным диалектиком, по Платону, может быть только систематик, т. е. тот, кто способен охватить своим разумом целое.

Большое внимание в философии Платона уделяется этике. Идея естественной закономерности его натурфилософии отошла на второй план по сравнению с идеей целесообразности. Развивая взгляды Сократа, Платон утверждал, что только истинное познание есть добродетель, а истинная добродетель основывается на познании. Этика, по Платону, является наукой. Единство добродетелей – дружбы, храбрости, благочестия, самообладания – состоит в их общей зависимости от знания, содержание которого надо искать в чем-то высшем по сравнению с чувствами. В диалоге «Горгий» философ замечал, что более сильным может быть только более разумный. Эти же идеи Платон разрабатывал в первой книге диалога «Государство» относительно понятия справедливости: «Справедливый – это человек достойный и мудрый, а несправедливый – невежда и недостойный» [8, с. 109]. В учении Платона взгляды Сократа выступают «очищенными» от идей пользы и удовольствия. Однако следует помнить, что «правильное представление» еще не является наукой; необходимо отличать обыденную добродетель, покоящуюся на благоприятных природных задатках и внешних условиях, от философской добродетели, состоящей в свободном самоопределении.

На философию права Платона сильное влияние оказали его этические взгляды, точнее, его учение об идеях [7, с. 98]. Идея – это вечное и неизменное бытие. Из всех идей высшей является идея блага. Идея добра пре-восходит по своему достоинству познание истины. Важным моментом обоснования этики является принципиальное отрицание Платоном чувства удовольствия как определяющего основания этики (предтеча Канта в этом вопросе). Различие благого и приятного присутствует уже в его первых диалогах («Апология Сократа», «Критон», «Филеб»). Платон стремился реализовать идею блага в действительности, благодаря чему чистая (теоретическая) идея превращается в прикладную. Идея нравственности включает в себя три главные добродетели: разумение, мужество и благоразумие (самообладание). Добродетель производительного класса – благоразумие и самообладание, воинов – «яростный дух» или мужество в отношении с врагами и кротость по отношению к своим гражданам, правителей – разум, умственное развитие. Нравственная жизнь, по Платону, может осуществляться только в государстве. В противоположность Сократу у Платона нравственное учение вырастает в учение о государстве; индивидуальная этика становится социальной.

Сочинение Платона «Государство» (360 г. до н. э.) сохраняет значение и в наше время как одно из наиболее значимых произведений философского идеализма. Центральная его тема – определение справедливости, но по мере раскрытия этого вопроса исследование расширяется за пределы этики и политики. По многогранности задач, разработанных в нем, данный диалог может считаться изложением всей системы зрелого периода жизни и деятельности Платона [9, с. 529–530]. Идеальное государство Платона имеет эллинскую почву и остается на ней: рабство не отменяется, эллин не должен продаваться в рабство, ни один полис не должен быть разрушен. Образец – военный строй Спарты. Платоновский государственный идеал – это не фантастическая мечта [8, с. 280]; философ считал себя призванным к политической реформаторской деятельности. Уже в самом начале диалога, в рассуждениях о происхождении и развитии государства, он выступает как реалист: признает основой государства хозяйственную деятельность, разделение труда, деньги как посредника в обмене продуктов, существование промышленного, военного, правящего классов. Целью идеального государства, по Платону, является наивысшее счастье всех через осуществление наивысшей добродетели, научное познание которой возможно только с помощью философии.

Трем добродетелям («душевным силам») в государстве соответствуют три разряда граждан. Земледельцы, ремесленники, купцы – это материальная основа государства, они пользуются защитой и покровительством со стороны первых двух сословий, но сами участия в государстве не принимают. Для них существуют частная собственность и семья. Второй класс – воины (стражи или хранители) имеют своей задачей охрану существующего государства от внешних врагов, заботятся о соблюдении законов внутри государства [8, с. 136–139]. У них нет частной собственности, нет индивидуальной семьи, ибо никакой личный интерес не должен мешать им осуществлять свои служебные обязанности. Высший класс – правители или философы, их призвание – законодательство, надзор за соблюдением законов, воспитание. Они проводят время в философских размышлениях, науках, осмысливании идеи добра.

Добродетели производительного класса – благоразумие и самообладание, воинов – мужество, правителей – умственное развитие; идеальное государство в целом представляет собой справедливость в ее совершенной форме. По своей сути идеальное государство Платона есть учреждение для воспитания человеческого общества, которое должно воспринять высший нравственный идеал. Все чувственное и расслабляющее, все, что может нанести ущерб нравственности, изгоняется из музыки и поэзии.

С проектом построения идеального государства Платон соединил критику существующего государственного и общественного строя. Философ говорил о двух государствах – государстве богатых и государстве бедных. Он критиковал погоню за деньгами, спекулянтов, праздную и разгульную жизнь «золотой» молодежи. Необходимо, по его мнению, радикальное преобразование существующего строя. Однако идеал не может воплотиться в

сфере опыта полностью, к нему можно только приблизиться. Поскольку государственные формы коренятся в мировоззрении граждан, следовательно, жизнь народа должна наполниться новым нравственным содержанием. В этом должно помочь то новое воспитание, которое Платон стремился осуществить в своей Академии.

Для управления государством, рассуждал Платон, не годятся как люди непросвещенные и несведущие в истине, так и те, кому всю жизнь предложено заниматься самоусовершенствованием: первые – потому, что в их жизни нет единой цели, стремясь к которой они должны были бы действовать, а вторые – потому, что по доброй воле они не станут действовать [8, с. 300]. Правитель, по мысли Платона, должен уметь видеть благо не одного какого-либо слоя населения, а благо всего государства. Поэтому для построения нового общества определяющим должно явиться руководство со стороны философов: «Пока в государствах не будут царствовать философы либо так называемые нынешние цари и владыки не станут благородно и основательно философствовать и это не сольется воедино – государственная власть и философия... государствам не избавиться от зол» [8, с. 255]. Но для достижения благородства правители должны быть не мнимыми, а «подлинными» философами, под которыми Платон понимает тех, кто «любит усматривать истину». По прошествии ряда столетий эту мысль будут развивать Сен-Симон и Конт.

Идеальной формой правления, той, где господствует мудрость, Платон называл аристократию или монархию. Мудрость, по его мысли, не какое-либо техническое умение или обычное знание, но высшее знание, или способность дать добрый совет по вопросам государства в целом – о способе направления и ведения его внутренних дел и о руководстве им в его внешних отношениях [9, с. 547]. Однако в действительности, рассуждал Платон, существуют разнообразные политические учреждения. В диалоге «Государство» выделяются четыре отклонения от идеала, в порядке, обозначающем путь постепенного падения государственного устройства. Первое – это **тимократия** как власть честолюбцев (спартанское правление), для которой характерно господство силы и храбрости; в этом государстве преобладают военные качества. С течением времени гармония нарушается, появляется вражда между сословиями, сильнейшие подчиняют остальных, развиваются честолюбие, стремление к богатству. Деньги становятся мерилом почестей и влияния на общественные дела. Бедные исключаются из участия в политике, вводится имущественный ценз, правление из тимократии переходит в **олигархию** – власть богатых. В таком государстве царит алчность, но правители еще заботятся о сохранении приобретенного и удерживают низших от своеулюния. Правление в олигархии вручается не по достоинству, а по богатству. При общем стремлении к стяжанию каждый получает право распоряжаться своим имуществом, как ему угодно. Поскольку в таком государстве большинство людей – бедные, устанавливается **демократия** – господство неограниченной свободы. В таком обществе каждый человек считает себе все позволенным; в обществе исчезает

уважение к властям и законам. Дети приравнивают себя к родителям, ученики – к наставникам, рабы – к господам. Народ преследует всякого, кто возвышается над толпой богатством, знатностью, способностями. В таком обществе начинаются раздоры: богатые составляют заговоры, чтобы защитить свое достояние, а народ ищет вождя. Последний постепенно берет власть в свои руки, окружает себя наемными телохранителями и, наконец, уничтожает все народные права, становясь тираном. **Тирания**, по Платону, это худшая форма правления. Она подразумевает господство безумной и безмерной страсти, которая прибегает ко всем средствам для своего удовлетворения. В диалоге «Государство» Платон таким образом описывал тирана: «В первые дни, вообще в первое время он приветливо улыбается всем, кто бы ему ни встретился, а о себе утверждает, что он вовсе не тиран; он дает много обещаний частным лицам и обществу; он освобождает людей от долгов и раздает землю народу и своей свите. Так притворяется он милостивым ко всем и кротким. Когда же он примирится кое с кем из своих врагов, а иных уничтожит, так что они перестанут его беспокоить, я думаю, первой его задачей будет постоянно вовлекать граждан в какие-либо войны, чтобы народ испытывал нужду в предводителе... да и для того, чтобы из-за налогов люди обеднели и перебивались со дня на день, меньше злоумышляя против него. А если он заподозрит кого-нибудь в вольных мыслях и в отрицании его правления, то таких людей он уничтожит под предлогом, будто они предались неприятелю. Ради всего этого тирану необходимо постоянно будоражить всех посредством войны» [8, с. 356]. Тиран вынужден поддерживать смуты и войны, чтобы народ всегда чувствовал потребность в предводителе.

Так выглядит постепенное отклонение образов правления от идеала в диалоге «Государство», однако, как уже замечал Аристотель, этой цикличности нельзя придавать абсолютного значения. На примере Греции видно, что здесь аристократия большей частью переходила в демократию через тиранию. Кроме этого, отчасти в Греции, а еще больше в Риме переходной формой было правление, основанное на цензге, которое по сути являлось смешением аристократических и демократических начал.

Диалог Платона «Политик» [9, с. 3–70] хронологически относится к позднему творчеству философа, в идейном плане это продолжение диалога «Софист», промежуточный между «Государством» и «Законами». Участники диалога: Сократ, начинающий диалог, математик Феодор Киренский, гость из Элеи и молодой Сократ. В центре внимания Платона в этом диалоге – сущность подлинного политика, которая отличается от других, более частных форм деятельности человека. Управление государством есть особая миссия, оно не является простым трудом свободнорожденного или раба; политику нельзя рассматривать как деятельность государственных людей, стоящих близко к правительству, как жречество, царскую власть, деятельность в области науки или искусства, риторику, военное дело или юриспруденцию. Политика – это специфическое «знание», а именно знание власти над людьми, взятое в своем предельном обобщении. Согласно Пла-

тону, «править должен мудрый», а там, где нет мудрого, должен править «хотя бы закон».

В диалоге «Политик» в систематизированном виде представлены формы государства: 1) монархия в двух видах: тирания (в основе правления лежит насилие) и царская власть (основу правления образуют добрая воля, разум); 2) правление немногих в двух видах: аристократия (отличительная черта правящих лиц – знатность) и олигархия (отличительная черта правящих лиц – богатство); 3) правление большинства в двух видах: законная демократия и демократия без закона. Лучшей формой правления названа монархия, основанная на законе, с оговоркой, что править должны «истинно знающие», и неважно, правят они «по закону» или «без закона», согласно «доброй воле» или против нее, бедны они или богаты, главное – управлять государством на основе знания и справедливости. Платон замечал: «Прекраснее всего, когда сила не у законов, а в руках царственного мужа, обладающего разумом» [9, с. 48]. Предписаниями закона нельзя со всей точностью и справедливостью охватить все то, что является наилучшим для каждого. Несходство, существующее между людьми, не допускает однозначной и единой законодательной регламентации.

Диалог «Законы» – последнее большое сочинение Платона, написанное приблизительно в 354 г. до н. э. По свидетельству Диогена Лаэртского, Платон работал над ним до последнего дня. Книга была оставлена на восковых дощечках, т. е. в рабочем виде. Произведение вышло в свет после смерти Платона, переписанное его учеником Филиппом Опунтским. «Законы» представляют собой неторопливую беседу трех старцев, оттаскивающих тонкости законодательства того общества, которому было дано теоретическое обоснование в «Государстве» [9, с. 729]. Место действия диалога: остров Крит. Его участники: некий афинянин, который в качестве гостя приезжает на остров (от его имени выступает Платон), критянин Клиний и спартанец Мегилл. Время, избранное Платоном для диалога «Законы», – день летнего солнцеворота (июнь – июль). Эти детали композиции символичны: в канун нового года, в самый долгий день, когда солнце в течение недели стоит практически неподвижно, три старца в зените своей мудрости устанавливают идеальное, по их мнению, устройство общества. Платон подчеркивал, что в день летнего солнцеворота принимают обычно важные государственные решения.

«Законы» – второй созданный Платоном план преобразования греческого государства. В этом проекте изображается уже не идеальное («Государство»), а приближающееся к идеалу государство. Это земледельческая колония на острове Крит. Граждане в «Законах» – землевладельцы, обрабатывающие свои участки с помощью рабов. Земля принадлежит государству и распределяется на 5040 равных участков. Отчуждение земли и дробление участка не допускаются: лишние сыновья-наследники отправляются в колонии. Ремеслом и торговлей в этом государстве занимаются только иноzemцы (не граждане). Вместо философов во главе правления стоит союз знающих и опытных людей. Сохраняются частная собственность и инди-

видуальные семьи, но браки подлежат строгому контролю со стороны государства. Деление на классы выступает в этом проекте в смягченной форме. Правители связаны твердыми законами. Хозяйственный труд ценится значительно выше. Духовная жизнь людей, воспитание детей и юношества находятся под строгим контролем государства. Познание идей сменяется изучением математики и поэзии. Вводится цензура, не допускаются отклонения от традиционных образцов в скульптуре, музыке, танцах, детских играх. Заграничные поездки граждан ограничиваются во избежание вредных влияний извне. Частная жизнь гражданина всецело определена государством: «...Никто никогда не должен оставаться без начальника – ни мужчина, ни женщина. Ни в серьезных занятиях, ни в играх никто не должен приучать себя действовать по собственному усмотрению: нет, всегда – и на войне, и в мирное время – надо жить с постоянной оглядкой на начальника и следовать его указаниям. <...> Словом, пусть человеческая душа приобретет навык совершенно не уметь делать что-либо отдельно от других людей и даже не понимать, как это возможно» [9, с. 406]. Результат такого режима заключается, по мысли Платона, в создании сплоченного целостного общества, в котором свобода приносится в жертву общественной цели – гражданин живет исключительно для государства. Вместе с тем уже Аристотель замечал, что в действительности в греческих полисах регламентация частного быта не доходила до таких масштабов, как это описано в диалогах Платона.

К заслугам философии права Платона можно отнести его критику уязвимых черт демократии, главная опасность которой, как показал греческий мыслитель, заключается в деятельности демагогов, и критику тирании. Платон возводил понятие государства к вечным идеям правды и добра. Однако во имя этих начал он стремился произвести объединение, противоречащее человеческой природе. Аристотель, критически оценивая учение своего учителя, утверждал, что излишнее единство разрушает сущность государства, которое должно быть менее едино, чем семья, и еще менее, чем отдельное лицо.

Наиболее выдающимся из учеников Платона был Аристотель (Стагирит) (384–322 гг. до н. э.) – ученый-энциклопедист, основатель перипатетической школы, изложивший свое видение этики, государства и права. Он родился в греческой колонии Стагире; был сыном македонского придворного врача Никомаха [2, с. 140–202]. Происхождение из старинного рода врачей повлияло, вероятно, на его интерес к эмпирической области. Рано осиротев, Аристотель был воспитан родственниками. В 17–18 лет он приехал в Афины и вошел в платоновский кружок; позднее выступал в качестве писателя и преподавателя красноречия. В общении с Платоном он находился на протяжении 17 лет и до смерти своего учителя не открывал собственной школы. При всем различии взглядов с Платоном он испытывал величайшее личное уважение к своему учителю. В 343 году до н. э. Аристотель принял предложение Филиппа Македонского воспитывать его 13-летнего сына Александра. Царственный воспитанник на всю жизнь сохранил

к Аристотелю чувства преданности и уважения. В 334 году до н. э. Аристотель переселился в Афины и основал Лицей, где в тенистых аллеях вместе со своими учениками обсуждал философские проблемы (отсюда их название – перипатетики). Рано начав учиться, Аристотель поздно начал учить сам, олицетворяя своим творчеством поговорку: «Медленно зреет то, чему предназначено долго жить». По утрам он читал лекции для более подготовленных слушателей (акроаматические или систематические), после обеда – популярно-риторические (экзотерические) для более широкой публики. Благодаря собственным денежным средствам и помощи македонского двора Аристотель создал библиотеку. Во главе своей школы философ стоял 12 лет; после смерти Александра Великого он был осужден номинально за «бездожие», в реальности – за связь с македонским царственным домом, бежал в Халкидику, где в следующем году умер.

Аристотель создал фундаментальные сочинения по естествознанию, логике, этике, философии; его политическое и правовое учение изложено в работах «Политика», «Афинская полития», «Никомахова этика». Цель философии Аристотеля – познать сущее и общеобязательное. Вслед за Сократом и Платоном он убежден, что только с помощью познания, оперирующего понятиями, возможно достигнуть истинного знания (науки). Однако методологически его учение является антитезой философии Платона: между этими учениями имеются существенные отличия. Если Платон начинает с критики познания, то Аристотель догматически определяет явления и считает необходимой только их логическую обработку. Под субстанцией он понимает единичные вещи. Интерес Платона – гносеологический и направлен на достоверность познания, на истинность бытия; интерес Аристотеля – генетический: он стремится открыть и объяснить причины, действующие в чувственных вещах. Поэтому Аристотель критикует платоновское учение об идеях, считая, что сущность вещей надо искать не обособленно от внешних предметов, а в них самих, единое находится не рядом со множеством, а в множественном. Реализм Аристотеля важен тем, что таким образом уделяется большое внимание исследованию фактов, однако, по оценкам К. Форлендера, в его учении отсутствует прочная критическая основа [7, с. 115].

Система Аристотеля охватывает огромный материал, вопрос классификации наук становится одним из главных в его учении; весь материал распределается в следующем порядке: 1) логика, 2) метафизика, 3) учение о природе и душе, 4) практическая философия: этика и политика, 5) риторика и учение об искусстве. Аристотеля справедливо называют «отцом» логики [7, с. 116]. Кант утверждал, что со времен Аристотеля логика не сделала ни одного шага ни вперед, ни назад. Во всяком случае, можно говорить о том, что формальная логика до начала XX в. базировалась на его системе.

Основной вопрос философии Аристотеля – решение проблемы, каким образом мы достигаем познания общего. Философ выделял четыре основных принципа: единичное и общее; материя и форма (возможность и действительность); движимое и движущая причина; цель. О цели следует ска-

зать особо; все остальные принципы в той или иной степени заимствованы философом у предшественников: Эмпедокла, Анаксагора, Платона. Принцип цели впервые встречается у Аристотеля. Согласно его учению, все несовершенное стремится к совершенству, любое возникновение существует только ради бытия. Сущность и причина каждой вещи есть содержащаяся в ней цель. Цель отождествляется с формой, материя представляет собой случайное, незакономерное, нецелесообразное в природе, являющееся препятствием для реализации цели. Его учение противостоит механицизму Демокрита, сводившего все только к необходимости; Аристотеля справедливо называют «отцом» не только логики, но и телеологии.

Этика Аристотеля направлена не на познание единого, вечного, неизменного идеала; предмет его исследований – достичимые человеком конкретные блага, которые различны в зависимости от пола, общественного положения, профессии и т. д. Идея добра сама по себе не может осуществиться и потому недостижима для познания человека: непонятно, рассуждал он, каким образом ткач или плотник могут извлечь пользу для своего искусства в познании общего понятия блага, каким образом сделается лучшим врачом или полководцем тот, кто созерцал только лишь саму идею без практических навыков. Благо, по Аристотелю, есть то, к чему все стремится, т. е. цель каждой вещи: для медицины – здоровье, для военного дела – победа, для строительства – дом и т. д. [10, с. 62]. Масштабом оценки блага является полезность, поскольку наша цель заключается не в познании, а в деятельности: мы занимаемся этикой не ради теории, не для того, чтобы знать, что такое добродетель, а для того, чтобы быть добродетельными людьми. Благо, к которому стремятся все люди, есть счастье, высшая из всех целей, высшее из всех благ. В «Никомаховой этике» добродетели делятся на высшие (разум, наука, мудрость, искусство, практический здравый смысл) и этические (мужество, умеренность, благородство, самостоятельность, правильная самооценка, гуманность, правдивость, бодрость, дружба, справедливость). Этическая добродетель – это правильная середина между двумя крайностями, которых следует избегать (например, храбрость – середина между трусостью и безумной отвагой, щедрость – между склонностью и расточительностью). Критерий «правильной середины» Аристотель не раскрывает, а отсылает к понятию «практического здравого смысла». Совершенная из всех этических добродетелей и одновременно основа государственной жизни есть справедливость, которая проявляется в двух видах: распределяющая (наделяет каждого материальными благами и почестями в зависимости от его достоинства) и уравнивающая (при юридических сделках и в случаях преступлений определяет, что кому надлежит).

Этика в учении Аристотеля не является наукой; этика выстраивается на основе психологии и антропологии и является введением в политику. Нравственная задача, по учению Аристотеля, может быть решена только в государстве. Природа вселила в человека стремление к общению с себе подобными. По времени семья и деревенская община предшествуют государству, но по своей «природе», т. е. по своей цели, государство стоит выше

своих частей, ему принадлежит право вмешиваться и регулировать все человеческие отношения. По Аристотелю, возникнув из потребностей существования, государство продолжает существовать ради счастливой жизни. Гражданам необходимы досуг и свобода для размышлении и участия в делах государства. Целью последнего являются: обеспечение пропитанием и комфорта, защита, достаток, религиозный культ, справедливость. Как и Платон, Аристотель выступает против жажды наживы, считает необходимым, чтобы гражданин принадлежал государству, а не самому себе: «Даже если для одного человека благом является то же самое, что и для государства, более важным и более полным представляется все-таки благо государства, достижение его и сохранение» [10, с. 55].

Несмотря на то что идеалом государства у Аристотеля, как и у Платона, выступает полис, учение Аристотеля представляло собой другой психологический склад по сравнению с философией его учителя [7, с. 131]. Единство в мышлении, чувствовании и воле, характерные для Платона, Аристотель считает излишними, поскольку потребности, стремления, действия людей разные: следует требовать относительного, рассуждал он, а не абсолютного единства как семьи, так и государства. Если это единство зайдет слишком далеко, то и само государство будет уничтожено. Масштаб Аристотеля – не идеальный, а средний человек, его учение о государстве – не политика долженствования, а политика золотой середины, приближающаяся к исторически реальному.

Государство, по Аристотелю, занимает высшее место в области человеческих отношений. Государство есть «союз семей и селений для возможно более счастливой жизни», оно существует для блага человека. Существует три рода отношений: муж – жена; отец – дети; господин – раб; так образуется дом. Дома образуют села, села объединяются в государство. Внешне этот подход напоминает патриархальную теорию происхождения государства, однако у Аристотеля другая логика исследования. Согласно его философии, все частные цели входят в общую (государство). Государство существует по природе и по природе предшествует каждому человеку [10, с. 378–379]. Человек по своей природе есть «существо политическое»; будучи изолирован, человек уже не есть самодостаточное существо. Вне государства существуют только зверь, неспособный к общению, и Бог, который в себе самом имеет все необходимое. Таким образом, по порядку физического происхождения лицо предшествует государству, но по природе, т. е. по своей сущности, государство предшествует лицу, как целое предшествует частям и только в целом части находят свое назначение и достигают истинного естества. Человек только в государстве, под управлением правды и закона становится человеком.

Аристотель – противник обобществления имущества: только частная собственность дает возможность проявлять акт милосердия. Общность имущества оказывается невыгодной и экономически: люди заботятся все-голее о том, что принадлежит лично им, и менее заботятся о том, что является общим.

Большое внимание философ уделял анализу существующих форм государства, причинам политических переворотов и описанию средств, с помощью которых государство может сохраниться. Формы государства классифицируются по двум основаниям: по цели, осуществляющейся в государстве (общее благо или частные интересы правителя) и по числу правящих лиц (один, немногие, большинство). Аристотель различал три «правильных» (нацеленных на реализацию общего блага) формы правления. **Царская власть** (монархия) – форма правления, при которой власть принадлежит одному правителю, получающему ее по наследству. Извращением царской власти является **тираны**. **Аристократия** – форма правления, при которой верховная власть принадлежит гражданам, владеющим собственностью и имеющим в виду высшее благо государства. Извращение аристократии – **олигархия**, форма правления, при которой верховная власть принадлежит гражданам, владеющим собственностью и имеющим в виду выгоду состоятельных граждан. **Полития** – форма правления, при которой ради общей пользы правит большинство. Как правило, в политии верховная власть сосредоточивается в руках воинов, которые вооружаются за собственный счет. Извращение политии – **демократия**, власть, имеющая в виду не общее благо, а выгоду неимущих. В каждом государстве, рассуждал философ, есть богатые и бедные, составляющие два полюса, в зависимости от перевеса тех или других в обществе устанавливается олигархия или демократия. Причина политических волнений в государстве заключается в отсутствии надлежащего равенства: олигархи подавляют народ, демократы грабят олигархов. Поэтому для создания прочного государства правителю необходимо умерять крайности.

Наилучшей формой государства Аристотель считал политию, возникающую из сочетания олигархии и демократии, в которой господствует средний класс, обеспечивающий стабильность общественного порядка. Средний класс занимается экономикой (умело ведет домашнее хозяйство); экономика противостоит хрематистике (искусству накопления ради наживы, которым занимаются богатые в виде спекуляций и ростовщичества). Занятие коммерцией Аристотель осуждал, поскольку не считал обогащение добродельной целью существования человека. В политии предусматриваются совместные мероприятия (например, трапезы), призванные солидаризировать всех граждан. Социальной опорой власти в политии являются собственники земли. Из числа граждан исключаются лица, занятые физическим трудом. Хотя землепашцы, ремесленники и поденщики необходимы в государстве, тем не менее важнейшими его частями являются воины и правители, они обладают гражданскими правами в полном объеме. Таким образом, к «правильным» формам государства Аристотель относил монархию, аристократию, политию; к «неправильным» – тиранию, олигархию, демократию.

Аристотель исследовал причины политических переворотов: 1) стремление к равенству. К восстанию прибегают те, рассуждал философ, кто считает себя обделенным и думает, что ему не воздается должное; 2) че-

ловеческие страсти (честолюбие, зависть, негодование, страх наказания, презрение к правителям и др.). В демократии революции происходят от неистовства демагогов, которые заставляют высшие классы соединяться и сговариваться для ниспровержения существующего строя. В олигархии – из-за притеснения низших классов и раздоров в среде олигархов. В аристократии – в силу плохого сочетания элементов государства. Среди причин нестабильности называются: «разноплеменность населения», личные противоречия в среде правящего класса, демагогия, посредством которой один человек способен сосредоточить в своих руках всю полноту власти и стать тираном. Государственные перевороты производятся, по Аристотелю, путем либо насилия, либо обмана. При этом обман может быть двойкого рода: иногда, обманув народ, производят переворот с его согласия, а затем, по прошествии некоторого времени, насищенным путем захватывают власть, уже против воли народа. Иногда сначала действуют на народ убеждением, затем снова убеждают его и правят с его согласия [10, с. 535–536].

Для сохранения стабильности государственного строя Аристотель предлагал: «возбуждать у граждан разные опасения» с тем, чтобы они охраняли имеющийся строй подобно тому, как «заботятся о ночной охране», предупреждать законными средствами соперничество и распри среди знатных, упрочить власть закона, разделить обязанности, заботиться о воспитании молодого поколения. Но самое главное при всяком государственном строе, по мысли Аристотеля, – это посредством законов устроить дело так, чтобы должностным лицам невозможно было наживаться. Поскольку внутренние причины падения монархии заключаются в заговорах подчиненных, а в тирании – в стремлении правителей к деспотизму, то средствами их поддержания будут умеренность (для монархии), нравственное унижение подданных, возбуждение между ними недоверия, поддержание народа в бедности (для тирании). При этом, если тирания будет держаться умеренности, она может перерасти в монархию. Вообще же, рассуждал философ, все односторонние образы правления только тогда могут рассчитывать на некоторую прочность, если будут приближаться к среднему.

Аристотель различал два вида справедливости: уравнивающую (равенство числительное) и распределяющую (равенство пропорциональное). Уравнивающая справедливость затрагивает отношения обмена, возмещения ущерба, определение наказания за имущественные преступления и др. Закон «...обращает внимание лишь на различие ущерба, а с лицами обходится как с равными во всем». При распределяющей справедливости учитывается положение человека в обществе; ее принципом является вознаграждение по достоинствам и заслугам. Этот вид справедливости применяется в политических отношениях, при определении наказаний против чести и достоинства.

Большое внимание Аристотель уделял географическому положению государства. Его территория должна быть достаточной для удовлетворения потребностей населения и одновременно обозримой, чтобы граждане «знали

друг друга». Благоприятные условия для существования прочного государства создаются умеренным климатом Эллады – приморское расположение удобно для торговли и для защиты полисов. В «Политике» (7-я книга) Аристотель оценивает свойства гражданского населения, заявляя, что у эллинов мужество и ум находятся в гармонии, именно поэтому они сохраняют свою свободу, пользуются лучшим государственным устройством, способны властствовать над всеми. У европейцев есть мужество, но недостает ума и способностей к ремеслам – они сохраняют свою свободу, но не способны к государственной жизни и не могут господствовать над своими соседями. У азиатского населения есть ум, способность к ремеслам, но им недостает мужества – «поэтому они живут в подчинении и рабском состоянии».

Аристотель обосновывал рабство: «Кто по природе принадлежит не самому себе, а другому и при этом все-таки человек, тот по своей природе раб». Раб – это живое орудие, служащее для жизни, собственность хозяина; рабы пригодны для телесной работы. Рабство, считал Аристотель, установлено природой: варвары имеют могучее тело, однако слабы умом, поэтому их назначение – исключительно физический труд. Природа человека состоит из тела и души (разум властвует над влечениями). Рабы имеют разум настолько, насколько они способны понимать чужие веления, поэтому они призваны быть рабами. Кроме этого, рабство вызвано потребностями ведения хозяйства, общественной необходимостью: «Если бы ткацкие челно-ки сами ткали, а плектры сами играли на кифаре, тогда и зодчие не нуждались бы в работниках, а господам не нужны были бы рабы» [10, с. 381].

Право, согласно Аристотелю, есть мерило политической справедливости [10, с. 380]. Вне политического общения право не существует. Люди, не находящиеся в подобных отношениях, не могут иметь и относительно друг друга политической справедливости. Поэтому право отсутствует в отношениях господ и рабов, отцов и детей, при деспотической власти. Государственное право («судие» – по терминологии Аристотеля) подразделяется на естественное и узаконенное; право считается естественным, если оно повсюду имеет одинаковую силу и не зависит от признания или непризнания его со стороны людей. Узаконенное право – то, которое первоначально могло быть без существенного различия таким или иным, но раз оно определено, то это безразличие прекращается [10, с. 160]. По смыслу учения Аристотель относил к предписаниям естественного права семью, частную собственность, рабство. Под узаконенным правом философ понимал законы, установленные государством, и обычное право, которое оказывалось важнее писанных законов. Постановления народного собрания и правителей не являются законами в собственном смысле слова (не имеют предписаний общего характера).

«Политика» Аристотеля воздействовала на последующую политico-правовую мысль. Несмотря на свою незавершенность, это произведение – один из важнейших текстов по политической науке античности: в нем соединились наблюдения фактов (Аристотель собирал сведения о различных государственных устройствах, законодательных системах, обычаях и др.),

политический опыт (близость Аристотеля к македонскому царскому двору), представление о высшем человеческом благе, коренящееся в предшествующей философии и в онтологии Аристотеля. Влияние этого сочинения Аристотеля прослеживается в трактатах Цицерона; усвоенные через Фому Аквинского идеи «Политики» послужили Данте для обоснования проекта всемирного государства («О монархии»). Трактат повлиял на политico-правовые взгляды Оккама; отдельные положения его учения использовал Марсилий Падуанский. Макиавелли, Эразм Роттердамский, Боден, Гоббс, Гроций, Спиноза, Локк, Монтескье, Руссо, Кондорсе опирались на идеи, высказанные в «Политике», и неоднократно цитировали Аристотеля.

Обсуждение и заключение

Первые попытки философско-теоретического осмысления государства и права появляются в Древней Греции. Сократ, Платон, Аристотель рассматривают государство, право, человека в их единстве и целостной взаимосвязи. Важная тема философии права этого периода – создание государства и права, основанных на справедливости. Для античных авторов характерны полемичность и диалогичность; мировоззренческий и философский уровень их трактатов был очень высок [11]. В их сочинениях проявились нацеленность авторов на поиск связей личности и общества, сущности права и государства, возведение их к идеям правды, добра и справедливости. Диалектика, понимаемая как искусство рассуждать, прежде всего отличала диалоги Платона, воспринявшего приемы Сократа (перекрестные вопросы, уточнения и др.). Теоретические конструкции понимания свободы и равенства, сформулированные Платоном и Аристотелем, оказались востребованными в философии права последующих веков и остаются актуальными в наше время.

Список источников

1. Виндельбанд В. История философии : пер. с нем. Киев : Ника-Центр, 1997. 560 с.
2. Сократ. Платон. Аристотель. Сенека : биогр. очерки. М. : Республика, 1995. 267 с.
3. Ксенофонт. Защита Сократа на суде // Ксенофонт. Воспоминания о Сократе. М. : Наука, 1993. 378 с.
4. Трубецкой Е. Н. История философии права: Древняя Греция. Древний Рим. Раннее христианство. 2-е изд. М. : Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 184 с.
5. Ксенофонт. Воспоминания о Сократе // Суд над Сократом : сб. ист. свидетельств. СПб. : Алетейя, 1997. 262 с.
6. Фролова Е. А. Философско-правовые идеи античности: софисты и Сократ // Аграрное и земельное право. 2019. № 4 (172). С. 82–85.

7. Форлендер К. История философии. Античность. Средние века : пер. с нем. / под ред. В. А. Савальского. 2-е изд., испр. М. : Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 280 с.
8. Платон. Собрание сочинений : в 4 т. Т. 3 : пер. с древнегреч. / общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи ; авт. вступ. ст. и ст. в примеч. А. Ф. Лосев ; примеч. А. А. Тахо-Годи. М. : Мысль, 1994. 654 с.
9. Платон. Собрание сочинений : в 4 т. Т. 4 : пер. с древнегреч. / общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи ; авт. вступ. ст. и ст. в примеч. А. Ф. Лосев ; примеч. А. А. Тахо-Годи. М. : Мысль, 1994. 830 с.
10. Аристотель. Сочинения : в 4 т. Т. 4 : пер. с древнегреч. / общ. ред. А. И. Доватура. М. : Мысль, 1984. 830 с.
11. Фролова Е. А. Философия права античности: Платон о государстве и законах // Аграрное и земельное право. 2019. № 3 (171). С. 50–54.

References

1. Windelband, W. *[History of philosophy]*. Transl. from Germ. Kyev: Nika-Tsentr; 1997. 560 p. (In Russ.)
2. *[Socrates. Plato. Aristotle. Seneca]*. Biographical essays. Moscow: Respublika; 1995. 267 p. (In Russ.)
3. Xenophon. *[Defense of Socrates at the trial]*. In: Xenophon. *[Memories of Socrates]*. Moscow: Nauka; 1993. 378 p. (In Russ.).
4. Trubetskoy, E. N. *[History of the philosophy of law: Ancient Greece. Ancient Rome. Early Christianity]*. 2nd ed. Moscow: LIBROKOM; 2012. 184 p. (In Russ.)
5. Xenophon. *Memories of Socrates. [The trial of Socrates]*. Collection of historical evidence. St. Petersburg: Aletejya; 1997. 262 p. (In Russ.)
6. Frolova, E. A. *[Philosophical and legal ideas of antiquity: the sophists and Socrates]*. *Agrarnoe i zemel'noe pravo* = *[Agrarian and Land Law]*. 2019;(4):82-85. (In Russ.)
7. Forlender, K. *[History of philosophy. Antiquity. Middle Ages]*. Transl. from Germ. Ed. V. A. Savalsky. 2nd ed., correct. Moscow: LIBROKOM; 2011. 280 p. (In Russ.)
8. Plato. *[Collected works]*. In 4 vols. Vol. 3. Transl. from Ancient Greek. Eds. A. F. Losev, V. F. Asmus, A. A. Takho-Godi. Auth. of introd. and notes A. F. Losev. Notes by A. A. Takho-Godi. Moscow: Mysl', 1994; 654 p. (In Russ.)
9. Plato. *[Collected works]*. In 4 vols. Vol. 4. Transl. from Ancient Greek. Eds. A. F. Losev, V. F. Asmus, A. A. Takho-Godi. Auth. of introd. and notes A. F. Losev. Notes by A. A. Takho-Godi. Moscow: Mysl'; 1994; 830 p. (In Russ.)
10. Aristotle. *[Works]*. In 4 vols. Vol. 4. Transl. from Ancient Greek. Ed. A. I. Dovatur. Moscow: Mysl'; 1984. 830 p. (In Russ.)

11. Frolova E. A. [Philosophy of Law in Antiquity: Plato on the state and laws]. *Agrarnoe i zemel'noe pravo = [Agrarian and Land Law]*. 2019;(3):50-54. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

Фролова Елизавета Александровна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права и политологии юридического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (Российская Федерация, 119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 13, 4-й учебный корпус).

Elizaveta A. Frolova, Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Theory of State and Law and Political Science Department, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University (4th academic building, building 13, 1 Leninskie Gory, GSP-1, Moscow, 119991, Russian Federation).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 09.06.2025; одобрена после рецензирования 19.06.2025; принята к публикации 24.06.2025.

The article was submitted 09.06.2025; approved after reviewing 19.06.2025; accepted for publication 24.06.2025.

Научная статья

УДК 340.11

DOI: 10.37399/2686-9241.2025.3.29-41

Правовое створчество в научных воззрениях Г. Гурвича (философско-правовые аспекты)

Равия Фаритовна Степаненко^{1, 2},**Герман Николаевич Степаненко^{1, 3}**¹ Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань,
Российская Федерация² Университет управления «ТИСБИ», Казань, Российская
Федерация² *stepanenkorf@yandex.ru*, ³ *German.Stepanenko@kpfu.ru*

Аннотация

Введение. В статье рассматриваются проблемы правового створчества публичной власти с институтами гражданского общества. Признавая определенную несогласованность общественных и государственных интересов при формулировании нормативных установлений, авторы обращаются к научным идеалам и воззрениям соотечественника, известного философа и социолога права Г. Гурвича. Правовое створчество как высшая форма коммуникации и сотрудничества законодательных органов власти с представителями гражданского общества исследовалось с античных времен философами, а позднее – социологами, отмечавшими необходимость совместной правотворческой деятельности. Одним из последовательных представителей данного научного направления стал Г. Гурвич, различавший «социальное» и «государственное» право, но настаивающий на их тесном взаимодействии. Подчеркивая «чистоту и независимость» социального права, одним из его источников автор называет «признание права», не всегда учитываемое «субординирующими государственным» нормотворчеством.

Теоретические основы. Методы. Используя критический метод, Г. Гурвич ставит проблему отнесения судебных органов к государственным, но не как к учреждениям национального сообщества. Отмечая необходимость взаимодействия и сотрудничества в правотворческой сфере, Г. Гурвич акцентирует внимание на целесообразности синтетических научных изысканий по данной проблематике, сочетающих в себе догматические, философско- и социолого-правовые методологические подходы, приложимые к изучению правового створчества. Соответственно, проблема правового створчества носит междисциплинарный научный характер, и ее изучение предполагает, помимо использования юридико-догматического, философско- и социолого-правового подходов, применение широкого спектра методов социально-гуманитарного научного комплекса.

Результаты исследования. В ходе изучения проблематики правового створчества публичной власти с институтами гражданского общества внимание авто-

ров привлек не только правотворческий процесс законодательной ветви власти, но и судейское нормотворчество. Ключевым вопросом последнего, с точки зрения философии права Г. Гурвича, является проблема участия граждан в создании непротиворечивых и справедливых для личности, общества и государства правил поведения. Категории «общение», «коммуникация», «сотрудничество» – в целостности взаимодействий государства, гражданского общества и индивида – образуют ту социальную «тотальность», которая делает «право общепризнанным». Признание права как «выражение данной тотальности» – это «постулированный нравственный принцип», «правовая реалия», не учитывать которую в процессе правотворчества было бы опрометчивым. Критика юридической доктрины, осуществляемая Гурвичем в анализируемой работе, приводит автора к выводам о праве как способе управления социальным механизмом, основанном на «человеколюбии и гуманизме», о чем умалчивает юридический позитивизм. Философия и социология права в этом смысле наиболее полно и глубоко научно обосновывают и теоретически аргументируют смыслообразовательные сущности современных правотворческих инициатив и всего законодательного процесса.

Обсуждение и заключение. Догма права как процесс систематизации и интерпретации позитивистских стратегий и тенденций не занимается в полной мере поиском смыслов, целеполагания, принципов и критериев сбалансированности правовых интересов личности, общества и государства. Именно теоретические правовые науки (философия и социология права) постигают сущность совместного, сотрудничающего и коммуникативного процесса правотворчества. Ценность этой совместной деятельности носит не только метафизический, но и духовно-нравственный характер и способствует повышению авторитета законодательной деятельности и законодательствующих субъектов, позволяет цивилизованно развиваться любому государственному устройству.

Ключевые слова: философия права, социология права, догма права, правовое створчество, общественный интерес, признание права

Для цитирования: Степаненко Р. Ф., Степаненко Г. Н. Правовое створчество в научных воззрениях Г. Гурвича (философско-правовые аспекты) // Правосудие/Justice. 2025. Т. 7, № 3. С. 29–41. DOI: 10.37399/2686-9241.2025.3.29-41.

Original article

Legal Co-creation in the Scientific Views of G. Gurvich (Philosophical and Legal Aspects)

Raviya F. Stepanenko^{1, 2}, German N. Stepanenko^{1, 3}

¹ Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation

² University of Management “TISBI”, Kazan, Russian Federation

² stepanenkorf@yandex.ru, ³ German.Stepanenko@kpfu.ru

Abstract

Introduction. The article examines the problems of legal co-creation of public authorities with civil society institutions. Recognizing a certain inconsistency of public and state interests in the formulation of normative provisions, the author turns to the sci-

tific ideals and views of his compatriot, the famous philosopher and sociologist of law G. Gurvich. Legal co-creation, as the highest form of communication and cooperation of legislative authorities with representatives of civil society, has been studied since ancient times by philosophers and, later, sociologists, who noted the need for joint law-making activities. One of the ardent representatives of this scientific direction was G. Gurvich, who distinguished between "social" and "state" law, but insisted on their close interaction. Emphasizing the "purity and independence" of social law, the author calls "recognition of law" one of its sources, which is not always taken into account by "subordinating state" rule-making.

Theoretical Basis. Methods. Using the critical method, G. Gurvich poses the problem of classifying judicial bodies as state bodies, but not as institutions of the national community. Noting the need for interaction and cooperation in the law-making sphere, G. Gurvich focuses on the expediency of synthetic scientific research on this issue, combining dogmatic, philosophical and sociological-legal methodological approaches applicable to the study of legal co-creation. Accordingly, the problem of legal co-creation is of an interdisciplinary scientific nature and its study presupposes, in addition to the use of legal-dogmatic, philosophical and sociological-legal approaches, the use of a wide range of methods of the social and humanitarian scientific complex.

Results. In the course of studying the problems of legal co-creation of public authorities with civil society institutions, the authors focus not only on the law-making process of the legislative branch of government, but also on judicial rule-making. The key issue of attributing the latter, from the point of view of G. Gurvich's philosophy of law, is the formulation of the problem of an individual's participation in the creation of rules of conduct that are consistent and fair for an individual, society and the state. The categories of "communication", "interaction", "cooperation" – in the integrity of interactions between the state, civil society and an individual, form the social "totality" that makes "law generally recognized". Recognition of law – as an "expression of this totality" – is a "postulated moral principle", "legal reality", which it would be rash not to take into account in the process of law-making. Criticism of legal dogma, carried out by Gurvich in the work under consideration, leads the author to conclusions about law as a way of managing a social mechanism based on "philanthropy and humanism", which legal positivism is silent about. Philosophy and sociology of law, in this sense, most fully and deeply scientifically substantiate and theoretically argue the meaning-forming essence of law-making initiatives and the entire legislative process.

Discussion and Conclusion. The dogma of law as a process of, basically, systematization and interpretation of positivistic strategies and tendencies, does not search for meanings, goal-setting, principles and criteria of balance of legal interests of the individual, society and the state. It is the theoretical legal sciences (philosophy and sociology of law) that comprehend the essence of the joint, cooperative process of law-making. The value of this joint activity is not only metaphysical, but, above all, spiritual and moral in nature and contributes to the increase of authority to legislative activity and legislative subjects, allowing any state system to develop in a civilized manner.

Keywords: philosophy of law, sociology of law, dogma of law, legal co-creation, public interest, recognition of law

For citation: Stepanenko, R. F., Stepanenko, G. N. Legal co-creation in the scientific views of G. Gurvich (philosophical and legal aspects). *Pravosudie/Justice*. 2025;7(3):29-41. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2025.3.29-41.

Введение

Современное состояние миропорядка вызывает тревогу научного и практикующего юридического сообщества, по сути осмысляющего актуальность разбалансированности со-бытия в едином правовом пространстве государственных законодательствующих институтов с позициями гражданского общества. Некоторое снижение авторитетности паттернов нормативности в социальном континууме свидетельствует о нивелировании либо уменьшении роли и значения гражданских инициатив в правотворческом процессе, конституционно признаваемом совместным в силу его правовой природы, призванной выражать общность интересов и государства, и социальных групп, и личности. Несоблюдение баланса интересов публичной власти и общества в правотворчестве создает неблагоприятные условия для развития государственности, которые выражаются в недоверии и снижении авторитета законодательствующих институций.

Так, по данным ВЦИОМ за 2024 – начало 2025 г. уровень доверия населения к законодательным органам власти составляет около 47%, тогда как степень доверия к деятельности правоприменительных органов возросла с 56% в 2024 г. до 69% в 2025 г.¹

В этом смысле статистика свидетельствует об определенных недостатках функционирования правотворческого процесса с точки зрения соблюдения баланса интересов всех участников правовых отношений.

Очевидно, что консенсуальность правовых посылов (дозволений, запретов, обязанностей, поощрений и др.) не в полной мере достигается посредством снятия полилогизма большинства участников общественных отношений. Компромисс интересов должен гарантированно признаваться государством в качестве основы социального порядка. Соответственно, базисом желаемого согласия в обществе может в идеале стать правовое соз创чество, выражаемое через консенсуальность издаваемых и реализуемых на практике нормативных установлений.

Как отмечают А. В. Малько, В. В. Трофимов и В. Ю. Самородов, «...правовое соз创чество – это высшая форма сотрудничества в правовой сфере между органами публичной власти и институтами гражданского общества, призванная согласовывать их интересы (облекаемые затем в соответствующие правовые акты), выступающая составной частью позитивной правовой жизни и одним из главных показателей степени цивилизованности, народовластия и зрелости как государства, так и социума» [1, с. 50].

Теоретические основы. Методы

Концептуализация теоретических идей социального согласия аккумулируется прежде всего в философских, социологических трудах, начиная с ра-

¹ Деятельность общественных институтов // Всероссийский центр изучения общественного мнения. Новости : [сайт]. URL: <https://wciom.ru/ratings/dejatelnost-obshchestvennykh-institutov/> (дата обращения: 30.04.2025).

бот Аристотеля, Т. Гоббса, Б. Спинозы, Ш. Монтескье и позднее – представителей философии и социологии права (Э. Дюркгейм, Л. Дюги, М. Ориу, М. Вебер, Е. Эрлих, О. Холмс, Р. Паунд, Б. Каудозо, Г. Гурвич и др.). Обратим в связи с темой внимание на научное творчество Г. Гурвича (1894–1965), являющегося российско-французским философом и социологом права.

Для понимания идей и взглядов ученых методологически важным, на наш взгляд, является использование портретно-биографического метода, позволяющего проследить эволюцию их взглядов. Творческий путь нашего соотечественника Г. Гурвича в кратком извлечении из предисловия М. В. Антонова к работе «Философия и социология права: Избранные сочинения» [2] дает нам представление о поисках возможностей сочетания интересов «государственного» и «социального права» на перспективу, которым Г. Гурвич уделял значительное внимание в своих трудах.

Георгий Давидович Гурвич родился в 1894 г. в Новороссийске, получил образование в гимназиях в Ростове-на-Дону и Риге, обучался в Петроградском университете на юридическом факультете. После окончания Университета он работал в должности приват-доцента кафедры философии права. В постреволюционный период в 1920 г. Г. Гурвич эмигрировал в Прагу, где трудился на юридическом факультете Русского института совместно с П. И. Новгородским, Н. Н. Алексеевым, Б. П. Вышеслацким и др. Размышления о судьбе России и правовом укладе нового «пролетарского права» сподвигли Г. Гурвича на обоснование авторской теории социологии права, в которой не только индивид, но и группа индивидов – как «микрокосм общества» на глубинном уровне их социальных взаимодействий – становятся участниками рождения и дальнейшего развития социального права, находящегося в зависимости от государства и формируемых им юридических конструкций, а также являющегося относительно самостоятельным феноменом в силу ряда объясняемых автором гипотез и предположений.

В 1925 году Г. Гурвич переезжает в Германию, одновременно читая лекции во Франции, где в 1932 г. защищает докторскую диссертацию «Идея социального права». Социально-философские и философско-правовые взгляды Гурвича представляют собой синтез субъективного идеализма (И. Фихте), феноменологии (Э. Гуссерль), исторического материализма (К. Маркс), витализма (А. Бергсон), психологизма (Л. И. Петражицкий) и др., что в целом создает довольно целостную методологическую основу его авторского видения образа права в социальной реальности.

Социология и методология Г. Гурвича формируются под влиянием «гиперэмпирической диалектики» (гиперэмпирический реализм), где общество и личность неразделимы, а социальная интеграция и социальное со-творчество с государственным нормотворчеством предлагается изучать на эмпирическом уровне абсолютной ценности.

Следует пояснить, что философская интерпретация термина «состворчество» в раздельном написании нами с грамматической приставкой «со» не случайна. Философское отражение в текстах категорий «со-бытие» «со-твор-

чество» и др. направляет исследователя в контекст онтологических переплетений взаимосвязей социального и индивидуального, в ретро- и пропрекции объяснений. Всевозможные формы человеческого познания, в том числе через особенности предметности философии, дают наиболее полное, как видится, осознание «субъект-субъектного» методологического подхода. Последний ставит в равное, согласованное положение носителей правотворческих функций – государство, гражданское общество и личность – как обладателей равных возможностей в процессуальности нормотворчества. Поскольку в сферу современного социально-гуманитарного познания непременно должен быть включен Человек («Человек – центр методологии», по Л. Фейербаху), то от его присутствия и со-участия в правотворчестве, пусть как представителя гражданского со-общества, отказаться не представляется возможным. Собственно и само правотворчество, включающее в себя «отображение коллективного», суть объединение множества акторов – субъектов, а не презентация модели «субъект правотворчества» (законодательные органы власти) и «объект воздействия» (хотя императивный метод правового регулирования это и постулирует). Здесь речь идет не о целеполагании правоприменения, а о самом правотворчестве, участие в котором и смыслы которого апеллируют к коллективному разуму, в том числе правосознанию и правовой культуре «созидателей» законов, которые корреспондируют в зоны интересы и потребности государства, всего общества и каждого человека.

Правоприменитель лишь исполняет то, что ему предписано в соответствии с реализацией принципа законности. Как отмечает В. Н. Корнев, анализируя постулаты кантианства, «юрист-законник ищет законы, гарантирующие мое и твое (когда он действует – как надлежит – в качестве должностного лица правительства), не в своем разуме, а в обнародованном и утвержденном властями своде законов... В самом деле, только повеления указывают, что соответствует праву, и вопрос о том, соответствуют ли праву сами повеления, юрист должен отвергнуть как нелепый» [3, с. 15]. И, как следует из цитируемого высказывания, именно «повелевания власти» есть право, а его аутентичность с интересами личности и общества можно назвать, к сожалению, второстепенным, факультативным вопросом.

Вместе с тем «предметом научного анализа при изучении общества является не “кодекс” законов или закономерности общественной жизни... не идеальные ценности, не откровение, а каждая конкретно взятая социальная целостность в процессе ее развития и соответствующие социальные факты...» [2, с. 17], – отмечает Г. Гурвич. Данная познавательная модель позволяет автору «...создать грандиозную сложно структурированную концепцию общества как динамичное, постоянно изменяющееся единство исторической, культурной, правовой, психологической и иных видов действительности» [2, с. 21]. «Используя категорию “тотальность”, Гурвич говорит о единстве общества и индивида, “единого” и “многого” в социальной жизни как о духовной, творческой целостности» [2, с. 22], где согласованность и порядок общественной жизни исходят из психологического един-

ства. Формы социабельности (способ связывания с Целым и посредством самого Целого) при наибольшем их взаимовлиянии образуют *единство «Мы» – народа, нации, государства*. Здесь ключевыми являются понятия «общение», «коммуникация», «сотрудничество», которые, в том числе, ведут к эволюции правотворчества. Последнее создается совместно, в целостности взаимосвязей государства, гражданского общества, личности.

Безусловно, краткие извлечения из биографического очерка М. В. Антонова не могут дать полного представления о фундаментальном научном творчестве Г. Гурвича в сфере обоснования и аргументации выстраиваемого автором «социального права», тем более в различии его и «государственного права». В то же самое время многообразие идей Г. Гурвича о ценностной, духовно-нравственной, психологической и особенно коммуникативной обусловленности социального права в диапазонах нашего предмета исследования (правового створчества как магистрального направления понимания важности со-участия и со-бытия социума и государства в правотворческом процессе) придает самому праву характер и смыслы общепризнанного и всенародного феномена. Последнее не архаизм, не идеологический концепт или популистский лозунг: это единственно верный путь к уважению и признанию законотворческой деятельности, олицетворяющей право со Справедливостью и Правдой.

Результаты исследования

Именно категория «признание» в научных изысканиях Г. Гурвича как понимаемый автором источник права привлекла наше внимание наряду с иными понятийно-категориальными конструкциями, объясняющими смысл социального права. «Чистое и независимое, неорганизованное социальное право», основанное на девяти формальных источниках: «...1) обычай (общий и частный); 2) соглашение (нормативный договор); 3) автономный статут; 4) практика негосударственных судебных органов; 5) практика внеш судебных органов; 6) доктрина; 7) прецедент; 8) социальная декларация; 9) признание» [2, с. 173], напрямую конкурирует с законодательством государства, поясняет автор.

Признание права не следует отождествлять с видами естественного права, скорее, это постулированный нравственный принцип позитивного права, один из «...важных секторов позитивного права («формального» или «интуитивного»), рассматриваемых как существующая в действительности правовая реалия» [2, с. 182], и в целом – «социальное право» как «право интеграции» [2, с. 186] в процессе реализации правовых ценностей, одной из которых является феномен признания права человеческим сообществом.

Однако «...государство является единственным «нормативным фактом» в силу своей мнимой способности эксклюзивно представлять всеобщий интерес...» [2, с. 174], – подчеркивает Г. Гурвич. «...Государство не может: 1) быть поставлено над правом (империалистская теория); 2) не может быть отождествлено с правом (Кельзен); 3) не расценивается как независимый от права элемент (Гирке); 4) не рассматривается в качестве внешнего по

отношению к праву элемента; 5) наконец, не понимается как “частично пересекающееся” с правом явление, поскольку даже автократическое государство основано на праве» [2, с. 175–176].

Государственное право, «право субординирующее» и чистое, независимое социальное право, конечно, пересекаются, но «расходятся» зачастую как раз таки в силу несовпадения интересов и потребностей государства, общества и личности, а стало быть, и в связи с нивелированием процедур со-творчества. Интересными представляются размышления Г. Гурвича о прецедентном праве и нормотворческой деятельности судебных органов с точки зрения их соотносимости с представлением интересов общества или государства, не всегда учитывающих и то и другое.

Анализируя идеи и воззрения научной школы юридического позитивизма в ангlosаксонской правовой системе, Г. Гурвич подробно исследует аналитическую юриспруденцию, в частности, американских ученых, утверждавших, что право зависит в большей степени от судебной практики, чем от волеизъявления государства (Р. Паунд). Суть этой модели изменяется в зависимости от признания прецедентного права, обычного или статутного, или же преобладания «свободных судебных решений» (О. Холмс), а также доминирования в судебной деятельности социальных кодексов (правил), возникающих непосредственно из социальной реальности (Р. Макивер, Б. Кардозо). Но ключевым вопросом в рассуждениях Г. Гурвича становится презентация следующей проблемы: «...рассматриваются ли суды как государственные органы или же как учреждения “национального сообщества”, а более точно – глобального спонтанного сообщества, являющегося основой как для государства, так и для других групп» [2, с. 570] (курсив наш. – Р. С., Г. С.). Соответственно, нормотворчество судей как акт индивидуального волеизъявления государственного служащего становится, по мнению Г. Гурвича, в один категориальный ряд с государством.

Аналогично и в логическом нормативизме, далее рассуждает Г. Гурвич, право – не что иное, как «чистая норма», изучаемая при помощи только формального и нормативного методов изучения, тогда как «...любой другой метод оказывается разрушительным для самого объекта исследования» [2, с. 570]. Это, соответственно, возводит основную норму на пьедестал квинтэссенции, подменяя между тем сакральную сущность государства и отдаляя от нее основную норму, а также их вместе – от их социальной обусловленности общественных интересов.

Контраргументы Г. Гурвича аналитической юриспруденции, юридическому позитивизму и логическому нормативизму убедительны. «Наивный догматизм» и «бесплодие» подобных рассуждений, пишет Г. Гурвич, «...находятся в порочном круге... с одной стороны, государство предполагает право, единственным источником которого оно и является, а с другой стороны, государство является одним из секторов той социальной жизни, над которой оно призвано возвышаться» [2, с. 571]. Реальное и непосредственное действующее, «гибкое» и динамично развивающееся право неотделимо от своей социальной сущности, оно «...в определенной степени всегда

находится в борьбе против существующих кодексов... право есть способ управления сложным социальным механизмом (М. Радин)» [2, с. 573], но в духовно-нравственном смысле «человеколюбие», гуманизм и милосердие более относятся к социальному, нежели государственному праву, считает Гурвич.

Методологический упрек Г. Гурвича относительно научных исследований доктрины права как «искусства», предназначенного для практического целеполагания, понятен. «Правоведы имеют врожденную склонность к догматизму и консерватизму, к отождествлению относительных приемов юридической техники с вечной идеей, Логосом права... Гипертрофия понятийного аппарата... приводит к “мумификации” категорий и понятий, следствием чего становится замедленность и немалые трудности в приспособлении юриспруденции... к новой живой правовой действительности...» [2, с. 575], и только «...социология права, с одной стороны, и философия права – с другой, есть две теоретические дисциплины, которые должны составлять основание юриспруденции...» [2, с. 574]. Именно эти дисциплины могут быть «по-настоящему» теоретическими, уверяет Г. Гурвич. В то же время справедливым будет отметить недостаточное внимание научного юридического сообщества к проблемам целеполагания в связи с отсутствием целеполагания в праве (материальном и процессуальном).

Как подчеркивает Э. Е. Исаев, «абсолютное большинство действующих российских кодифицированных актов (18 из 20) имеют пробелы в части определения целей и задач юридического процесса, что не соответствует требованиям юридической техники к конструированию нормативно-правового акта, его терминологической и логической строгости, четкости и ясности формулировок» [4, с. 10]. Думается, такое положение не может считаться удовлетворительным ни для сферы исследования теоретического правоведения, ни для доктрины права. В полной мере это следует адресовать и к деятельности правоприменителей, которая не должна осуществляться без опоры на ясно и понятно сформулированные в законе цели.

Обсуждение и заключение

Доктрина права, будучи экзегезой (систематизацией и интерпретацией) позитивного права, не утруждает себя поиском критериев, принципов, смыслов и целей права, тем более аргументацией важности и целесообразности признания и одобрения законодательных посыпок. Это, по Г. Гурвичу, удел теоретических дисциплин – философии и социологии права. Проблематичность со-трудничества этих трех дисциплин – предмет известного соперничества за доминирование в правоведении, по мнению многих ученых-юристов. Между тем право как «верование» (Э. Леви), как результат коллективного труда солидаризированного гражданского общества с идеологическим контентом государственных велений, содержащихся в норме, через «признание», «осознание» и «принятие», по существу есть особая правовая реальность, которая атимпоральна и морально-нравственно неизменчива. Априорная ценность «признания права» символична, реализуема

только в процессе со-творчества, место которого в иерархической структуре источников права должно устойчиво приоритизироваться. Для этого процедуры представительства гражданского общества в правотворческом процессе, прежде всего в части предложения и выдвижения законодательных инициатив, обсуждений законопроектов, проведений референдумов и др., должны масштабироваться с учетом их целесообразности и исключительной важности феномена правового со-творчества. Предопределение «признание права» заключается в архитектонике, в том числе тех моделей поведения граждан, которые выстраиваются с осознанием и принятием на себя той социально-правовой ответственности, которая постижима при со-участии тем или иным образом в правотворчестве. Непризнание этой идеи может негативно отразиться на состоянии общих взаимодействий гражданского общества и государства, культуре и цивилизационном развитии государственности.

Философия и социология права Г. Гурвича, косвенно затрагивая проблемы социального психологизма, бихевиоризма и т. д., проявляют неподдельный интерес к социально-правовой действительности, сопровождающей практическую деятельность, витальную, ментальную и духовные сферы жизни человека. Именно духовно-нравственными, ценностными основаниями правотворчества, как отмечено, Гурвич определяет «признание права» в сотворчестве государственных и гражданских институций, разворачивая данную проблематику в континуум междисциплинарности.

В этой связи хотелось бы подчеркнуть, что проблема правового сотворчества, безусловно, выходит за пределы сугубо научного интереса юриспруденции. Постижение сущности искомой объектно-предметной сферы «...предполагает познание генезиса онтологического и аксиологического компонентов права в системе ценностных координат философии права... Для познания природы и сущности права необходимо “выйти за пределы” формально-правовых категорий в область метафизики» [5, с. 301].

Современные правовые научные исследования в поисках философских объяснений исключительной важности совместности творчества (сотворчества), коммуницирования в государственно-правовом диапазоне общественных отношений обращены к экзистенциологии права. По сути, непризнание правовых установлений, отчуждение, недопонимание и неприятие отдельных правил поведения, создаваемых вне взаимосвязанности с единичными и коллективными носителями правосознания, приводят к негативным, как уже отмечалось, последствиям. Индивидуальное правосознание, не репрезентирующее себя с онтологическим, духовно-нравственным, метафизическим содержанием правового универсума, находится в состоянии сомнения и недоверия, неопределенности и «пограничья» с символическим Целым правообразования и правотворчества. Правовая маргинальность чаще всего инициирует индифферентность и отрицание ценностных аспектов «несогласованного правотворчества» с личностными правовыми убеждениями. Будучи вне со-участия и со-бытия с процессами со-творчества в так называемом родовом нормоустановлении, человек ста-

новится «свободным» от ответственности в силу непонимания и непризнания ее целеполагания и ценностей.

Интересными представляются рассуждения П. П. Ланга в монографическом исследовании «Экзистенция правосудия» (М., 2025), под которой понимается «...свойство, вследствие которого правосудие становится одним из механизмов экзистенциальной коммуникации, получает право делать вывод в отношении как конкретного индивида, так и глобальных проблем межличностного взаимодействия в пределах конкретного общества» [6, с. 6]. П. П. Ланг, следя концепту К. Ясперса «о соединении разума и экзистенции в высшей форме коммуникаций» (какой представляется со-творчество. – Р. С., Г. С.), придает ценностные паттерны деятельности судьи, участвующего в аксиологической трансформации «суда из инструмента судебной власти в гарантую общественной стабильности» [6, с. 7]. Глубокий анализ автором исторических причин коллегиального правосудия «как концептуальной формы» правотворчества соединяет целевую результативность коммуницирования законодательных, судебских органов власти с личностью и гражданским обществом как равноценных субъектов «признания права».

Таким образом, правовое со-творчество можно трактовать как междисциплинарную сферу социогуманитарных исследований, объясняющих интегральную, коммуникативную сущность процессов правотворчества в синергии признания их таковыми личностью, обществом, законодательной и судебной властью, вариативность ценностей которой надлежит доктринально изучать для управления динамично проистекающими процессами изменения общественных отношений, регулируемых правом.

Список источников

1. Малько А. В., Трофимов В. В., Самородов В. Ю. Правовое сотворчество публичной власти и общества как совместная деятельность // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 3 (67). С. 43–53. DOI: 10.36511/2078-5356-2024-3-43-53.
2. Гурвич Г. Д. Философия и социология права : избр. соч. / пер. М. В. Антонова, Л. В. Ворониной. СПб. : Изд. дом С.-Петерб. гос. ун-та : Изд-во юрид. ф-та С.-Петерб. гос. ун-та, 2004. 848 с.
3. Корнев В. Н. Кантианские максимы в теории права // Правосудие/Justice. 2024. Т. 6, № 3. С. 8–17. DOI: 10.37399/2686-9241.2024.3.8-17.
4. Исаев Э. Е. Цели и ценности правовой процессуальной политики России : автореф. дис. канд. юрид. наук. Казань, 2025. 24 с.
5. Фролова Е. А. Наука о праве как наука о культуре // Переход от образовательной среды к образовательной экосистеме в интересах устой-

- чивого развития : материалы Междунар. науч.-практ. конф., приуроченной к 70-летию вхождения СССР (России) в ЮНЕСКО, Казань, 27–29 марта 2024 г. Казань : Ун-т управления «ТИСБИ», 2024. С. 299–303.
6. Ланг П. П. Экзистенция правосудия : моногр. М. : Проспект, 2025. 128 с.

References

1. Mal'ko, A. V., Trofimov, V. V., Samorodov, V. Yu. Legal co-creation of public authorities and society how to collaborate activities. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2024;(3):43-53. (In Russ.) DOI: 10.36511/2078-5356-2024-3-43-53.
2. Gurvich, G. D. *[Philosophy and sociology of law]*. Selected works. Transl. by M. V. Antonov, L. V. Voronina. St. Petersburg: Publishing House of State University; Publishing House of the Law Faculty of St. Petersburg State University; 2004. 848 p. (In Russ.)
3. Kornev, V. N. Kantian maxims in the theory of law. *Pravosudie/Justice*. 2024;6(3):8-17. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2024.3.8-17.
4. Isaev, E. E. *[Goals and values of the legal procedural policy of Russia]*. Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Kazan, 2025; 24 p. (In Russ.)
5. Frolova, E. A. [Science of law as a science of culture]. *[Transition from the educational environment to the educational ecosystem in the interests of sustainable development]*. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, dedicated to the 70th anniversary of the USSR (Russia) joining UNESCO, Kazan, 27–29 March 2024. Kazan: University of Management “TISBI”; 2024. Pp. 299–303. (In Russ.)
6. Lang, P. P. *[Existence of justice]*. Monograph. Moscow: Prospekt; 2025. 128 p. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Степаненко Равия Фаритовна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Казанского (Приволжского) федерального университета (Российская Федерация, 420008, Казань, ул. Кремлевская, д. 18); профессор кафедры теории и истории государства и права Университета управления «ТИСБИ» (Российская Федерация, 420012, Казань, ул. Муштари, д. 13).

Raviya F. Stepanenko, Dr. Sci. (Law), Professor, Professor at the Theory and History of State and Law Department, Kazan (Volga Region) Federal University (18 Kremlevskaya St., Kazan, 420008, Russian Federation); Professor at the Theory and History of State and Law Department, University of Management “TISBI” (13 Mushtari St., Kazan, 420012, Russian Federation).

Степаненко Герман Николаевич, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социальной философии Казанского (Приволжского) федерального университета (Российская Федерация, 420008, Казань, ул. Кремлевская, д. 18).

German N. Stepanenko, Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor, Associate Professor at the Social Philosophy Department, Kazan (Volga Region) Federal University (18 Kremlevskaya St., Kazan, 420008, Russian Federation).

Заявленный вклад авторов / Contribution of the authors

Авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

The authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 14.05.2025; одобрена после рецензирования 27.05.2025; принята к публикации 24.06.2025.

The article was submitted 14.05.2025; approved after reviewing 27.05.2025; accepted for publication 24.06.2025.

Научная статья

УДК 80

DOI: 10.37399/2686-9241.2025.3.42-54

Фразеологизмы с концептом «правда» как выражение философии права и правовой психологии русского народа

Лариса Ивановна Новикова

Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Москва, Российская Федерация
linovikova1959@gmail.com

Аннотация

Введение. Исследование выполнено на стыке философии, лингвистической философии и правовой психологии. Статья посвящена исследованию фразеологизмов с концептом «правда».

Теоретические основы. Методы. Базу исследования составили данные в лингвистических, философских, юридических источниках, а также фразеологизмы с концептом «правда». Автор использовал теоретические методы, характерные для философии (герменевтический, системный, аналитический методы); методы, применяемые при изучении фразеологии (контекстологический и компонентный анализ, метод сопоставления); методы, свойственные правовой психологии (наблюдение, интерпретация данных) и др.

Результаты исследования. В статье рассмотрено содержание фразеологизмов с концептом «правда», выявлена внутренняя взаимосвязь права и устойчивых выражений с данным концептом, установлено значение выделенных групп фразеологизмов для понимания отношения русского народа к правде и лжи, показано, как через языковые конструкты проявляются философия права и правовая психология русского народа.

Обсуждение и заключение. Автор доказал, что концепт «правда» и фразеологизмы, включающие данный концепт, в современном русском языке не являются терминами и слабо привязаны к праву. Вместе с тем их анализ дает понимание внутренней правовой мотивации поступков людей, поскольку понятие правды является важным морально-нравственным ориентиром современного человека. Фразеологизмы с концептом «правда» помогают лучше понять морально-этическую сторону правосудия.

Ключевые слова: фразеологизм, концепт, правда, культура, мировоззрение, право, морально-нравственный ориентир

Для цитирования: Новикова Л. И. Фразеологизмы с концептом «правда» как выражение философии права и правовой психологии русского народа // Правосудие/Justice. 2025. Т. 7, № 3. С. 42–54. DOI: 10.37399/2686-9241.2025.3.42-54.

Original article

Phraseologisms with the Concept of "Truth" as an Expression of the Philosophy of Law and Legal Psychology of the Russian People

Larisa I. Novikova

*Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev,
Moscow, Russian Federation
linovikova1959@gmail.com*

Abstract

Introduction. The study is carried out at the intersection of philosophy, linguistic philosophy and legal psychology. The article is devoted to the study of phraseological units with the concept of "truth". The purpose of this study is to consider how the psychology of law and legal psychology are expressed through stable expressions with the concept of "truth", how, as a result of recognition, understanding, and acceptance of a concept through phraseological units, an internal understanding of law is formed. *Theoretical Basis. Methods.* The basis of the study was the meanings of the word "truth", given in linguistic, philosophical, legal sources, as well as phraseological units with the concept of "truth". The author used theoretical methods characteristic of philosophy (hermeneutic, systemic, analytical methods); methods used in the study of phraseology (contextual and component analysis, comparison method); methods specific to legal psychology (observation, data interpretation), etc.

Results. The article examines the content of phraseological units with the concept of "truth", reveals the internal relationship between law and stable expressions with this concept, establishes the significance of the identified groups of phraseological units for understanding the attitude of the Russian people to truth and lies, shows how the philosophy of law and legal psychology of the Russian people are manifested through linguistic constructs. Phraseologisms with the concept of "truth" help to better understand the moral and ethical side of justice.

Discussion and Conclusions. The author has proven that the concept of "truth" and phraseological units that include this concept are not terms in modern Russian and are weakly tied to law, although their analysis provides an understanding of the internal legal motivation for people's actions, since the concept of truth is an important moral and ethical guideline for modern man.

Keywords: phraseological unit, concept, truth, culture, worldview, law, moral and ethical guidelines

For citation: Novikova, L. I. Phraseologisms with the concept of "truth" as an expression of the philosophy of law and legal psychology of the Russian people. *Pravosudie/Justice*. 2025;7(3):42-54. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2025.3.42-54.

Введение

Данное исследование является междисциплинарным, поскольку затрагивает несколько областей знания: философию, которая формирует мировоззрение человека, помогает выстроить логичную картину мироустройства,

дает широкие возможности для становления в сознании людей важнейших нравственных ценностей; лингвистическую философию, анализирующую философски значимые концепты языка, облекающую в словесную форму реально существующие в сознании людей представления о жизни, смысле бытия, добре и зле, правде и лжи и пр.; правовую психологию, которая, формируясь как вне, так и внутри сознания человека, впитывает в себя и внешние по отношению к человеку законы, и внутренние переживания, связанные в том числе с пониманием концептов.

Концепт «правда» и фразеологизмы, построенные на его основе, являются объектом, значимым для русского языкового, философского, правового сознания, важной морально-этической, нравственной категорией. **Цель** данного исследования заключается в том, чтобы рассмотреть, как проявляются психология права и правовая психология через устойчивые выражения с концептом «правда», как в результате узнавания, понимания, принятия концепта через фразеологизмы формируется внутреннее понимание права.

Литературный обзор

В словаре С. Ожегова указываются следующие значения слова «правда»: «1. То, что существует в действительности, соответствует реальному положению вещей. 2. Справедливость, честность, правое дело. 3. То же, что правота (разг.)»¹. В словаре важнейших концептов отечественной культуры Ю. С. Степанов определяет «правду» как объективную истину и как внутренний закон, справедливость². Дополним дефиницию личным восприятием слова, которое встречается в работах философа Н. К. Михайловского: «Всякий раз, как мне приходит в голову слово “правда”, я не могу не восхищаться его поразительной внутреннею красотою. Такого слова нет, кажется, ни в одном европейском языке» [1, с. 5].

Однако русская языковая картина мира включает в себя применительно к концепту не только значения слова, но и синонимический и антонимический ряды данной лексемы. В русской философии синонимами правды выступают понятия «истина», «справедливость», «правда-матка», «закон», «правосудие» и др. Особая роль в данном перечне – у понятия «справедливость», имеющего значительную аксиологическую ценность для русской культуры в целом. Л. Р. Байдавлетова указывает, что «справедливость, безусловно, входит в число мировоззренческих универсалий – категорий, организующих в целостную систему сущностные ценности культуры. По своей “мобилизующей силе” идея справедливости (“правды”) ничуть не уступает идеям свободы, любви, красоты и истины» [2, с. 94]. О том же читаем у Н. Н. Михайловского: «Кажется, только по-русски истина и справедливость

¹ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М. : ООО «А ТЕМП», 2007. С. 255.

² Степанов Ю. С. Константы : сл. рус. культуры. 2-е изд., испр. и доп. М. : Академ. проект, 2001. С. 49.

называются одним и тем же словом и как бы сливаются в одно великое целое» [1, с. 5].

Не менее важным является понятие «правосудие», которое с древних времен входило в сферу концепта «правда». В. И. Даль определял правосудие и с правовой, и с морально-этической стороны: «правый суд, справедливый приговор, решение по закону, по совести, или правда»³.

Среди синонимичных фразеологизмов интересно выражение «правда-матка», которое имеет аксиологические основания. Очевидно, в данном случае понимать лексему «матка» следует не как детородный орган, не как самку-производительницу у пчел или муравьев, а как начало всех начал, порождение самой сути правды.

Если говорить об антонимах, то они создают ярко выраженную дуальную структуру концепта (антитезу «правда – кривда, ложь, вранье»), поляризуя, разделяя понятия, отвергая наличие «нейтральной полосы» между полюсами. Существует понятие полуправды, которое трактуется как неполная недоговоренная, частичная правда, правда с пропусками фактов, событий, т. е. это информация, доносимая до других людей необъективно, избирательно, в зависимости от целей говорящего или пишущего. Чаще всего полуправда представляет собой завуалированную ложь, а потому не может рассматриваться как нечто промежуточное между правдой и ложью.

Дуализм концепта просматривается в названиях литературных произведений. «Правда и Кривда» – так называлась древнеегипетская аллегорическая сказка (XIX династия), суть которой в том, что Правда была оболгана Кривдой и в наказание ослеплена богами. Впоследствии сын Правды отомстил за отца и справедливость восторжествовала.

Есть сказки о Правде и Кривде и в русской культуре. В русской народной сказке Кривда обманом лишает Правду зрения, но справедливость в конце концов торжествует, а в противостоянии побеждает Правда. Но тяжба правды и кривды может носить «...характер жесткого силового противостояния, что отражает связь указанных представлений с образом силы» [3, с. 60]. Пример такого противостояния, жестокой битвы мы видим в «Голубиной книге»: «Это не два зверя собиралися, / Не два лютые собегалися, / Это Кривда с Правдой соходилися, / Промежду собой бились-дрались, / Кривда Правду одолеть хочет» [4, с. 41–42].

Рассмотрим, как представлено понятие «правда» в юридических изданиях. В «Большом юридическом словаре» понятия «правда» нет⁴, как нет его во многих юридических изданиях справочного характера. В «Юридической энциклопедии» слово упоминается: там говорится, что «правда – составная часть русского названия славянских (правды) и западноевро-

³ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. М. : Рус. яз., 1991. С. 380.

⁴ Большой юридический словарь. URL: <https://juridical.slovaronline.com/> (дата обращения: 02.03.2025).

пейских (leges) сборников правовых норм»⁵. Сведение важнейшего нравственного концепта к названию изданий (пусть и весьма важных с точки зрения права) по меньшей мере некорректно. Отсутствие слова позволяет сделать вывод о том, что правда не входит в понятия права, не является юридическим термином. Однако исследователь С. М. Толстая утверждает: «...правовая семантика хорошо известна для слова правда, одно из значений которого – “закон, установление, положение” [5]. Она полагает, что в современном русском языке «правовая семантика сохраняется лишь в официальной формуле-клятве... “говорить правду, только правду и ничего, кроме правды”... но в древнерусском и старорусском языке она была известна шире...» [5]. Близость понятий «право» и «правда» можно наблюдать в словаре В. И. Даля: названные понятия даны в одной словарной статье – «правый»⁶.

Один из философских словарей о правде не говорит, но в нем встречается понятие «правдивость», которое толкуется следующим образом: «Правдивость – соответствие высказываний, слов говорящего его мыслям и убеждениям... слушающий полагается на правдивость другого и основывает на ней свое доверие к говорящему. Злоупотреблением этого доверия является ложь»⁷. Как видим, некорректный посыл привел к неправильным лингвистическим выводам, поскольку понятием, противоположным правде, является ложь, а правдивости – лживость.

В электронном философском энциклопедическом словаре упомянуто рассматриваемое нами понятие. В данном источнике говорится, что правда и кривда составляют дуальную оппозицию, что правда – воплощение всего положительного⁸. Далее приводится позиция В. Кожинова: «П. носит крайне неопределенный, абстрактный характер в отличие от кривды, которая обычно воплощена в конкретном образе некоторого носителя зла; буржуев, врагов народа, кооператоров и т. д. П. принципиально отлична от истины и совпадает с некоторым эмоционально комфортным состоянием. П. в отличие от истины должна быть неделима и получена сразу, целиком. Ее невозможно получать поэтапно, накапливать как крупицы истины. Она идет от души»⁹.

Обсуждение проблемы

Исследуя фразеологизмы с концептом «правда», мы выделили несколько групп выражений в соответствии с их доминирующими смыслами.

⁵ Тихомиров Л. В., Тихомиров М. Ю. Юридическая энциклопедия. 5-е изд., доп. и перераб. / под ред. М. Ю. Тихомирова. М., 2006. С. 667.

⁶ Даль В. И. Указ. соч. С. 377–380.

⁷ Философский энциклопедический словарь. М. : Инфра-М, 1997. С. 357.

⁸ Философский словарь. Правда. https://gufo.me/dict/philosophy_dict/%D0%9F%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%B4%D0%B0 (дата обращения: 04.03.2025).

⁹ Там же.

1. Правда без прикрас: голая правда, чистая правда, сущая правда, горькая правда, момент истины, правда жизни, крупица правды, сермяжная правда.

Фразеологизм «голая правда» (мифолог. *Nuda Veritas*; абсолютная, чистая правда) ведет свои истоки от мифа, рассказывающего о том, как Ложь и Правда купались в озере без одеяния. Легенда повествует, что, выйдя на берег, Ложь украла одежду Правды. Правда с тех пор ходит обнаженной, и ее все стесняются, а Ложь выдает себя за Правду. В «Энциклопедическом словаре крылатых слов и выражений» так объясняется возникновение образа: «Античные скульпторы обычно аллегорически изображали истину (правду) в виде обнаженной женщины, что должно было символизировать истинное, реальное положение вещей – без умолчания и прикрас»¹⁰. Данный сюжет настолько популярен, что в разных культурах его неоднократно осмысливали; рассказывали эту историю поэты Гораций, А. С. Пушкин, В. Высоцкий. Владимир Высоцкий в «Причте о Правде» писал, как Правда пыталась отстоять себя («Правда смеялась, когда в нее камни бросали: «Ложь это всё, и на Лжи одеянье мое...»), однако это не удалось. Грань между правдой и ложью бывает порой сложно увидеть, особенно если ложь активна (вспомним известную мысль Геббельса о том, что ложь может восприниматься как правда, если ее часто повторять).

Синонимичным рассмотренному является такой фразеологизм, как выражение «чистая правда» (такая, как есть; противопоставляется фразеологизму «грязная ложь»). Однако с «чистотой» в данном выражении не все просто. С. М. Толстая, исследуя понятие, пишет, что «метафора чистоты-нечистоты (грязи) – одна из самых продуктивных в сфере морали вообще и религиозной этики в частности (ср. незапятнанная репутация, грязные помыслы, моральная нечистоплотность и т. п.). В средневековой книжной традиции чистый понимается прежде всего в религиозно-этическом смысле... Дальнейшая семантическая деривация приводит к абсолютизации этой позитивной оценки и трактовке чистого как соответствующего норме, правильного, образцового, хорошего, лучшего, настоящего (часто в сравнении с чем-то ненормативным, несовершенным, второсортным)» [6];

Выражение «горькая правда» обозначает неприятные для кого-то, но правдивые факты; правду, которую тяжело слышать. Этот фразеологизм использовали М. Е. Салтыков-Щедрин («История одного города», «Пошечонская старина»), Н. А. Бердяев («Судьба России», «О рабстве и свободе человека»), Д. Н. Мамин-Сибиряк («Хлеб»), В. Г. Короленко («В дурном обществе»), И. С. Тургенев («Дым», «Несчастная») и другие писатели и философы. Л. Байрамова считает, что выражение «горькая правда» является подтверждением того, что русский народ любит правду, уважает ее, стремится к справедливости и открытости, даже если эта правда тяжела [7, с. 21].

¹⁰ Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / сост. В. Серов. М. : Локид-Пресс, 2003. URL: <https://bibliotekar.ru/encSlov/17/69.htm> (дата обращения: 01.03.2025).

Однако среди русских пословиц встречается мысль о том, что сладкая ложь лучше горькой правды, которая, как на первый взгляд кажется, противоречит сказанному ранее. Действительно, сладкое в большинстве случаев приятнее горького. Так и ложь как намеренное искажение истины может иметь «приятный» вкус до того момента, пока скрытое не станет явным.

Устойчивое выражение «святая ложь» (ложь во спасение) имеет совсем иной аксиологический смысл. Очевидно, люди понимали, что иногда мудрость и сила воздействия горькой правды может вызвать крайне негативные последствия, связанные со здоровьем человека, а потому нужна специальная психологическая подготовка человека к восприятию некоторых фактов, а иной раз эту правду и говорить не нужно, поскольку последствия будут непредсказуемыми и крайне тяжелыми. Скорее всего, в связи с заботой о физическом и душевном благополучии человека и возникла пословица, призывающая не травмировать человека, когда ничего исправить уже нельзя.

В медицине часто возникает морально-этический вопрос о том, что предпочесть: горькую правду или «святую ложь» (ложь во спасение). И это непростой вопрос. М. Н. Кучерявенко приводит мнение врача, пережившего ситуацию страшной врачебной ошибки, который писал: ««У меня нет однозначного ответа на вопрос, говорить страшную правду или успокаивать обманом. Не знаю. Возможно, любой врач должен быть тонким психологом, определяющим, с каким пациентом он имеет дело. С таким, которому следует солгать, или с таким, которому следует сказать правду?» [8, с. 25].

Выражение «сермяжная правда» включает в себя прилагательное «сермяжный», что означает – одетый в сермягу (крестьянскую одежду из грубого домотканого сукна). Фразеологизм в целом означает народную правду. Происхождение фразеологизма «сермяжная правда», «великая сермяжная правда» приписывают авторам романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок», где действительно в нескольких главах герои используют это выражение. Однако есть и иное мнение. Так, А. В. Тихомирова считает, что оно было создано под влиянием оборота «сермяжная Русь»: «Переносные значения слова сермяга, не попавшие в авторитетные словари русского языка, однако отраженные в неакадемических лексикографических источниках, сформированы явно под влиянием данного выражения...» [9, с. 337]. Подтверждение мнению ученого мы находим в виртуальном словаре, где сказано, что в иносказательном смысле это выражение означает «1. Истина, правда; настоящие мотивы событий, истинная подоплека событий и пр. (ирон.). 2. Прописная истина, выдаваемая за глубокую народную мудрость (ирон.)»¹¹.

2. Названия сводов законов: «Русская правда», «Правда Ярослава», «Краткая правда», «Пространная правда», «Баварская правда», «Салическая правда» и др. Только первое название из перечисленных является в русской

¹¹ Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. URL: <https://bibliotekar.ru/encSlov/17/69.htm> (дата обращения: 01.03.2025).

культуре фразеологизмом, поскольку «Русская правда» как исторический, культурный, юридический памятник имеет непреходящее значение. Здесь лексема «правда» имеет правовой оттенок: «Первоначально слово “правда” имело нерасчлененный смысл, использовалось как синкетический термин для обозначения обычая, закона, права, правила, нормы. В древнерусском словоупотреблении оно фигурировало преимущественно в этико-правовом плане, где “суд по правде” означал “суд по закону”» [3, с. 68].

3. Обозначения пыток, наказаний: подноготная правда, подлинная правда, в ногах правды нет.

Выражение «подноготная правда» часто возводят к названию плети, которой наказывали провинившегося, – «линнику». Человек, не выдержавший пытки, сознавался порой в том, что не совершил, получалось, что сказал он «подлинную правду». Однако А. А. Зализняк в интернет-лекции оспорил эту версию: «Это слово действительно родственно слову “подлый” и имеет исторический корень “под(л)”, а вот корня “длин” здесь никакого нет, иначе не было бы устойчивого ударения на “о”. У слова “подлый” изначальное значение – “нижний, низкий”. В “Словаре русских народных говоров” и в словаре Даля есть слово “подлина” со значением “подкладка”. Слово “подлинный” вначале применялось исключительно к грамотам, и возможно (здесь уже идут предположения), что существовал некий процесс копирования, при котором оригинал располагался под копией»¹².

Фразеологизм «подноготная правда» связан со страшной пыткой, при которой несчастному зажимали кисти рук, а под ногти вставляли иглы, гвозди, принуждая дать показания. Наконец, выражение «в ногах правды нет», имеющее сейчас щутливый смысл (приглашение сесть), по своему происхождению далеко не смешное. Грамота.ру приводит несколько версий происхождения выражения:

1) в XV–XVIII вв. на Руси должников били железными прутьями по голым ногам, добиваясь правды и возврата долга. Но если денег нет, то и битье не помогало;

2) фразеологический оборот возник в связи с тем, что в древности помещик искал виновного в пропаже чего-либо, заставляя крестьян стоять до тех пор, пока не назовут виновного;

3) должники порой спасались от наказания бегством, а раз убежал, то в ногах правды нет, что означало: долг выбить невозможно¹³.

С данными выражениями связано еще одно, устаревшее и практически вышедшее из употребления: «поставить на правеж». Правеж – это вид истязания, при котором ответчика принуждали к уплате долгов, подати и пр., публично наказывая батогами. Списки о взыскании правежа назывались «правежные выписки», а тот, кто выбивал деньги, именовался праведчиком.

¹² Зализняк А. А. О происхождении слов. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=i6hQFsIrMXA> (дата обращения: 11.03.2025).

¹³ Грамота.ру : справ.-информ. портал о рус. яз. URL: https://www.google.com/search?q=gramota.ru&gs_ivs=1 (дата обращения: 11.03.2025).

4. Правда, связанная с правосудием: Сидорова правда, стать на правду (идти в суд), стоять за правду, искать правду, взятие правдой (выиграть иск), погубить правдой (проиграть дело). Некоторые из данной группы устойчивых выражений устарели и не используется в речи, однако С. М. Толстая на основании исследования древнерусских источников приводит их в качестве примеров [5].

5. Общеизвестный факт, избитая мысль: «прописная истина», «азбучная истина». Возникли выражения, скорее всего, потому, что где-то были написаны, например в азбуке. Это, как правило, то, что известно большинству. К этой же группе можно отнести выражение «сермяжная правда» (во втором значении).

6. Правда, ориентированная на часть общества или отражающая точку зрения части общества: окопная правда, солдатская правда. К этой же группе с некоторой натяжкой можно отнести названия газет как устойчивые выражения: «Комсомольская правда», «Пионерская правда». Происхождение фразеологизма «окопная правда» одни исследователи возводят к Э. М. Ремарку, другие ссылаются на В. Астафьеву («Я был рядовым бойцом на войне, и наша, солдатская правда, была названа одним очень бойким писателем “окопной”; высказывания наши – “кочкой зрения”»)¹⁴. Смысл выражения в своеобразном противопоставлении правды, которую видит боец на фронте, правде отретуированной, официальной. В 70-е годы XX в. феномен окопной правды (солдатской правды) ярко был представлен в литературе, где доминировали бытовые военные сюжеты, показан ужас войны, драма достижения Великой Победы. Писатели-фронтовики словно исповедовались, донося до читателей ту правду, свидетелем которой они были.

7. Правда, призванная избавить человека от заблуждения, видеть истинное положение дел: выложить всю правду, открывать (раскрывать) глаза (кому-то на что-то): глаза открылись, завеса с глаз упала, снята пелена с глаз, смотреть правде в глаза, услышать правду. Трезвая оценка положения вещей также является ценностью в русской культуре. Противоположное поведение («делать по чужой указке»), страх перед чем-либо, в том числе перед правдой («страусиная политика») явно обладают негативными коннотациями.

8. Сообщение правды и борьба за нее: стоять за правду, выложить правду, рассказать как на духу, сказать положа руку на сердце, рубить правду/правду-матку, резать правду, бросать правду в лицо, служить верой и правдой. Часто сообщение правды требует сил от говорящего, именно потому ее рубят, режут, бросают, ей служат.

9. Полно или частично не соответствовать правде: выдавать черное за белое, называть черное белым, из черного делать белое, говорить полуправду, говорить долю правды, похоже на правду. «Цветовые» фразе-

¹⁴ Гарин И. Окопная правда о войне Виктора Астафьева: литературный дневник. URL: <https://proza.ru/diary/garin1/2019-02-17> (дата обращения: 02.03.2025).

ологизмы в этой группе не случайны, поскольку в русской культуре, как и во многих других, белый цвет символизирует добро, свет, правду, а черный – зло, тьму, ложь. Если рассмотреть противопоставление цветов применительно к паре «правда-ложь», то оно настолько резкое, бросающееся в глаза, что эти цвета нельзя перепутать, можно только сознательно заменить с целью обмана.

Единичные фразеологизмы, объединенные концептом «правда», имеют следующие значения:

- испытывать страдания из-за правды: страдать за правду, пострадать за правду;
- соответствовать идеалу: жить по правде, жить правдою, (служить) верой и правдой (в идеале – честно);
- констатировать правильность суждений: твоя правда;
- соглашаться с кем-то: и то правда;
- добиться чего-то любым путем: всеми правдами и неправдами, сы-воротка правды;
- присягать: давать на чем правду (устар.).
- понимать правду как моральную ценность: сила в правде.

Выражение «сила в правде» распространилось в 2000 г. после выхода на экраны фильма А. Балабанова «Брат-2». Главный герой Данила Багров размышляет над тем, в чем же заключается сила: «Вот скажи мне, американец, в чем сила? Разве в деньгах? Вот и брат говорит, что в деньгах. У тебя много денег, и чего? Я вот думаю, что сила в правде: у кого правда, тот и сильнее». Однако далеко не все так просто и прямолинейно. Ведь и главный герой говорит с оппонентом явно с позиции силы. Ю. А. Разинов рассуждает так: «Парадокс русской истории состоит в том, что на словах всюду торжествует тезис о том, что “сила в правде”, а на деле признается обратный ему порядок – “у кого сила, у того и правда”. Эти прямо противоположные интенции сознания формируют специфический стиль жизни, характерный для общества с неразвитыми гражданскими институтами и отсутствующей гражданской позицией. Такое общество хочет “жить по правде” и ищет правды, но всякий раз “прогибается” под всевластие государственной машины или преступных кланов, образуя альтернативный им полюс слабости. Само же государство, как стоящий над обществом полюс силы, живет по принципу “у кого сила, у того и правда”» [3, с. 72].

Заключение

Итак, рассматривая концепт «правда» и фразеологизмы, включающие данный концепт, мы исследовали его значения, некоторые синонимические и антонимические связи. Концепт «правда», как мы выяснили, не входит в терминологическую систему права, а смысл правовых норм освещается в философии в большей степени с психологических позиций.

К пониманию «правды» в философии многое добавляют фразеологизмы с концептом «правда». Анализ философско-мировоззренческого потенциала данной группы фразеологизмов показал, что правда, являясь нравствен-

ным ориентиром человека, ведет его по жизни. Понимание правды людьми проявляется через фразеологизмы. Правда может быть без прикрас в виде «одежды», может быть совершенной, нормативной, морально чистой. Правда может быть иной раз суровой, жестокой, неприятной. Человеку нужны силы, чтобы принять ее, и тогда в качестве спасательного круга на помощь приходит ложь. Правда может быть простой, всем понятной, изложенной просто и незамысловато. Может ориентироваться на трансляцию истины как голоса всего народа или отдельной его части.

Правда, она же матка, матушка. Ассоциации с матерью, маткой не случайны, поскольку мать – самый важный человек в семье, порождающий жизнь как истину, и значимый в культуре. Единение правды и человека через показ «родственных» связей подчеркивает духовную близость понятий. Правда спасает человека от заблуждений, мы ее рубим и режем, собщаем, бросаем, за нее стоим до конца. С ее помощью можно организовать жизнь, добиться справедливости, праведного суда. Однако достигать правды порой крайне трудно, иногда невозможно. Ложь и кривда хитры, коварны – правда простосердечна. Антипод правды тщательно маскируется под правду, рядится в ее одежду, говорит ее словами, меняет факты, напускает туману. Несмотря на то что в мире господствуют право и правда сильного, люди все же верят, что сила в правде.

«Правда» в поле права не является термином, привязана к праву этимологически, однако анализ фразеологизмов с рассматриваемым концептом дает понимание, что человек от правосудия ждет именно правды, правдивого рассмотрения дела. Фразеологизмы с концептом «правда» ориентированы на морально-этическую сторону правосудия.

Фразеология как часть языковой картины мира русского человека влияет на внутреннюю правовую мотивацию поступков людей, а само понятие правды является важным морально-нравственным ориентиром современного человека.

Список источников

1. Михайловский Н. К. Письма о правде и неправде. СПб., 1897. 342 с.
2. Байдавлетова Л. Р. Концепт «правда-справедливость» в русской языковой картине мира (на материале фразеологии) // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2016. № 3. С. 92–98.
3. Разинов Ю. А. Спор правды и кривды // Вестник ВГУ. Сер.: Философия. 2011. № 2. С. 60–73.
4. Голубиная книга: русские народные духовные стихи XI–XIX вв. / сост., вступ. ст., примеч. Л. Ф. Солошенко, Ю. С. Прокошина. М. : Моск. рабочий, 1991. 351 с.
5. Толстая С. М. Вера и правда: к истории понятий. URL: https://inslav.ru/sites/default/files/tolstajasm_2016_trudy_irja_9_vera_i_pravda.pdf (дата обращения: 04.03.2025).

6. Толстая С. М. Чистая правда: к семантической реконструкции слав. *čist-. URL: https://inslav.ru/sites/default/files/tolstajasm_2010_forma_formans_chistaja_pravda.pdf (дата обращения: 1.03.2025).
7. Байрамова Л. Аксиологическая фразеологическая диада «правда» – «ложь»: культурологический аспект // Филология и культура. 2016. № 2 (44). С. 18–24.
8. Кучерявенко М. Н., Артемьев Т. М. Ложь в медицине // European Science. 2017. № 3 (25). С. 25–27. URL: <lozh-v-meditsine.pdf> (дата обращения: 02.03.2025).
9. Тихомирова А. В. «Лапотно-квасной патриотизм» и «Русь посконная»: к вопросу о русских национальных предметных символах // Антропологический форум. 2013. № 18 online. С. 334–342. URL: <lapotno-kvasnoy-patriotizm-i-rus-poskonnaya-k-voprosu-o-russkih-natsionalnyh-predmetnyh-simvolah.pdf> (дата обращения: 01.03.2025).

References

1. Mikhailovsky, N. K. *[Letters on truth and untruth]*. St. Petersburg; 1897. 342 p. (In Russ.)
2. Baidavletova, L. R. The concept of “truth-justice” in the Russian language picture of the world (based on phraseology). *Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* = *[Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*. 2016;(3):92-98. (In Russ.)
3. Razinov, Yu. A. The debate of the truth and falsehood. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Philosophy*. 2011;(2):60-73. (In Russ.)
4. *[The Dove Book: Russian folk spiritual poems of the 11th–19th centuries]*. Comp., introd. art., notes by L. F. Soloshchenko, Yu. S. Prokoshin. Moscow: Moskovskij rabochij; 1991. 351 p. (In Russ.)
5. Tolstaya, S. M. *[Faith and truth: on the history of concepts]*. URL: https://inslav.ru/sites/default/files/tolstajasm_2016_trudy_irja_9_vera_i_pravda.pdf (Accessed: 04.03.2025). (In Russ.)
6. Tolstaya, S. M. *[Pure truth: towards a semantic reconstruction of Slavic *čist-]*. URL: https://inslav.ru/sites/default/files/tolstajasm_2010_forma_formans_chistaja_pravda.pdf (Accessed: 01.03.2025). (In Russ.)
7. Bayramova, L. The axiological phraseological dyad “truth” – “lie”: culturological aspect. *Philology and Culture*. 2016;(2):18-24. (In Russ.)
8. Kucheryavenko, M. N., Artemyev, T. M. Lie in medicine. *European Science*. 2017;(3):25-27. URL: <lozh-v-meditsine.pdf> (Accessed: 02.03.2025). (In Russ.)
9. Tikhomirova, A. V. [“Bast shoe – Kvass Patriotism” and “Homemade Rus”: on the issue of Russian national object symbols]. *Antropologicheskij forum* = *[Anthropological Forum]*. 2013;(18 online):334-342. URL: <lapotno-kvasnoy-patriotizm-i-rus-poskonnaya-k-voprosu-o-russkih-natsionalnyh-predmetnyh-simvolah.pdf>

natsionalnyh-predmetnyh-simvolah.pdf (Accessed: 01.03.2025). (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

Новикова Лариса Ивановна, доктор педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка и культуры речи Российской государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (Российская Федерация, 117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69).

Larisa I. Novikova, Dr. Sci. (Pedagogy), Associate Professor, Head of the Russian Language and Culture of Speech Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev (69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 11.03.2025; одобрена после рецензирования 31.03.2025; принята к публикации 24.06.2025.

The article was submitted 11.03.2025; approved after reviewing 31.03.2025; accepted for publication 24.06.2025.

Научная статья

УДК 343.13+004.056

DOI: 10.37399/2686-9241.2025.3.55-66

Об информационно-техническом обеспечении личной безопасности судей

Дмитрий Михайлович Малахов

Высший Судебный Совет Республики Казахстан, Астана,
Республика Казахстан
vssmdm03@gmail.com

Аннотация

Введение. Статья раскрывает перспективы внедрения аппаратно-цифровой платформы «Судья под защитой» для обеспечения личной безопасности судей. Описывается концепция платформы, включающая мобильное приложение с тревожной кнопкой, которое осуществляет мониторинг маршрутов, интеграцию с базами правоохранительных органов, предупреждает о возможных рисках пересечения с лицами, представляющими угрозу, и при необходимости фиксирует доказательную базу.

Результаты исследования. Первостепенное внимание уделено применению искусственного интеллекта через «умные очки», «умные часы» и другие гаджеты для оперативного реагирования и эвакуации. Определена роль криминалистики и профайлинга в превентивном выявлении угроз.

Обсуждение и заключение. На основе передового опыта предлагаются меры по усилению охранных функций судебных исполнителей (приставов), способствующих независимости судей и укреплению доверия к правосудию.

Ключевые слова: судебная безопасность, личная безопасность судей, цифровизация правосудия, аппаратно-цифровая платформа «Судья под защитой», искусственный интеллект, криминалистика, профайлинг, тревожная кнопка, судебные приставы, мониторинг угроз, видеофиксация, геолокация, межведомственное взаимодействие

Для цитирования: Малахов Д. М. Об информационно-техническом обеспечении личной безопасности судей // Правосудие/Justice. 2025. Т. 7, № 3. С. 55–66.
DOI: 10.37399/2686-9241.2025.3.55-66.

Original article

On Information and Technical Support for the Personal Safety of Judges

Dmitry M. Malakhov

*Supreme Judicial Council of the Republic of Kazakhstan, Astana,
Republic of Kazakhstan
vssmdm03@gmail.com*

Abstract

Introduction. The article explores the prospects of implementing the “Judge Under Protection” hardware-digital platform to ensure the personal safety of judges. It describes the platform’s concept, which includes a mobile application with a panic button that performs route monitoring, integrates with law enforcement databases, warns of potential risks of encountering threatening individuals, and, if necessary, records evidence.

Results. Special attention is given to the application of artificial intelligence (AI) through “smart glasses”, “smart watches” and other gadgets for rapid response and evacuation, as well as the role of criminology and profiling in the preventive identification of threats.

Discussion and Conclusion. Based on advanced experience, measures are proposed to enhance the security functions of judicial enforcement officers (bailiffs), contributing to judicial independence and strengthening trust in the justice system.

Keywords: judicial security, personal safety of judges, digitalization of justice, hardware-digital platform “Judge Under Protection”, artificial intelligence, forensic science, profiling, panic button, court bailiffs, threat monitoring, video recording, geolocation, interagency cooperation

For citation: Malakhov, D. M. On information and technical support for the personal safety of judges. *Pravosudie/Justice*. 2025;7(3):55-66. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2025.3.55-66.

Введение

В условиях роста числа деструктивных посягательств в адрес судей – как в традиционной, так и в цифровой среде – необходимость технологически развитой и оперативной системы защиты становится приоритетной задачей судебной и правоохранительной политики обеспечения личной безопасности судей. Авторитетный эксперт в области кибербезопасности Брюс Шнайер отмечал: «Если вы думаете, что технологии могут решить все ваши проблемы безопасности, значит, вы не понимаете ни проблем, ни технологий» [1, р. IX]. Помимо применяемых прописанных мер личной безопасности (обеспечение персональной охраны, выдача оружия, обеспечение конфиденциальности, переселения, изменения внешности и замены документов) [2, с. 298] и использования технологий деперсонификации персональных данных судей в рамках системы «E-court Security» [3, с. 72],

обеспечивающей в реальном времени защиту личности судьи путем подмены голоса и проекции лица (с применением технологий, аналогичных диплей), включая персональные данные, назрела пора обратить взор на высокотехнологичные решения.

Результаты исследования

Аппаратно-цифровая платформа «Судья под защитой»

Перспективным направлением является внедрение интегрированной аппаратно-цифровой платформы «Судья под защитой». Данная аппаратно-цифровая платформа ориентирована на высокую степень личной безопасности судей посредством оперативного мониторинга и реагирования на вызовы личной безопасности, а также на обеспечение неотвратимости юридической ответственности за любые посягательства на представителей судебной власти.

Цель платформы – обеспечить круглосуточный мониторинг угроз, автоматизированное реагирование и координацию действий между судебским корпусом, правоохранительными (специальными) органами и Управлением координации, в том числе судебными исполнителями (приставами).

Динамически обновляемый интернет-поиск на программных продуктах, подобных «Тритон» от KAZDREAM (Butterfly Effect)¹, используется в интернет-пространстве с применением программ анализа больших данных. Именно использование динамически обновляемых (через интернет) и статических (государственных органов) больших данных через призму их анализа позволит прогнозировать и локализовать возможные вызовы личной безопасности судей, а не пожинать последствия бездействия.

Первостепенная роль в обеспечении безопасности судей отводится существующему Управлению по обеспечению деятельности судов при Верховном Суде Республики Казахстана (далее – Управление координации). Эта структура выполняет функции, связанные с обеспечением безопасности судей, зданий суда и судебных процессов, включая координацию с правоохранительными органами, но не является традиционной службой внутренней (собственной) безопасности, как в правоохранительных органах.

Платформа «Судья под защитой» предполагает создание многофункциональной системы, объединяющей технические и организационные меры для обеспечения безопасности судей. Центральным элементом выступает мобильное приложение, оснащенное функцией экстренного вызова, которое можно активировать, включая тактильные сигналы и использование голосового кода. Это решение позволит оперативно передавать сигналы в дежурные части Министерства внутренних дел (далее – МВД), службы судебных исполнителей (приставов) или региональные подразделения Управления координации, обеспечивая оперативное и скоординированное реагирование. Подобный подход может существенно сократить время реагирования на возможные посягательства, однако его эффективность зависит

¹ Kazdream Special Systems : [сайт]. URL: <https://kdss.tech/ru>.

от уровня подготовленности правоохранительных структур и технической инфраструктуры.

Другим важным элементом является возможность мониторинга маршрутов судей по анализу видеоданных камер и GPS, предусматривающего как скрытое, так и открытое сопровождение. Указанный функционал позволяет контролировать передвижение судей в реальном времени, что в условиях потенциальных рисков весьма приоритетно. При этом сохранение приватности информации требует усиленных мер по защите персональных данных.

Особое внимание в проекте уделено автоматической видео- и аудиозаписи инцидентов, запускаемой при активации экстренного вызова. Непрерывная фиксация и последующее хранение получаемых данных, исключающие их несанкционированное использование, обеспечивают основу для анализа происшествий, что может служить доказательной базой в судебных разбирательствах.

Интеграция с системами видеонаблюдения у мест проживания и работы судей, включая парковочные зоны, служебный транспорт, подъезды и офисы, является неотъемлемой частью обеспечения безопасности. Предполагается, что данные будут храниться в защищенном облачном хранилище, управляемом подразделением информационной безопасности, с возможностью удаленного просмотра. Обеспечение высокой степени защиты от киберугроз требует внедрения современных динамических криптографических технологий и регулярного аудита информационной безопасности.

Персональный цифровой кабинет судьи рассматривается как инструмент для централизованного контроля обращений, касающихся угроз, жалоб и динамики реагирования правоохранительных органов. После разработки удобного интерфейса и обучения судей подобный подход будет способствовать повышению прозрачности и контроля над принимаемыми мерами.

Проект также включает создание базы данных инцидентов, фиксирующей случаи угроз, провокаций и преследований. Сбор статистики по регионам, типам посягательств и частоте обращений позволяет проводить анализ трендов угроз, что может быть использовано и в профилактических целях. Процессуальное применение таких данных потребует нормативного обоснования.

Наконец, интеграция с базами данных МВД, прокуратуры и Комитета национальной безопасности (далее – КНБ) открывает возможности для быстрой проверки информации о подозреваемых лицах и направления межведомственных запросов. Этот механизм схож с платформой «Кибернадзор», где информационная система автоматически распределяет задачи экспертам, уведомляя руководителей о содержании и степени срочности. Такая интеграция может оптимизировать межведомственное взаимодействие по защищенным каналам связи для предотвращения утечек конфиденциальной информации.

Функции аппаратно-цифровой платформы «Судья под защитой»

Комплекс аппаратных и цифровых технологий, использующий камеры видеонаблюдения, акустические датчики, модули глобального позиционирования, беспроводные сети и прочие сенсорные системы, обеспечивает **профилактический** мониторинг потенциальных угроз и признаков аномальной активности.

Отслеживание перемещений лиц, представляющих потенциальную угрозу, вблизи мест пребывания судей использует данные о геолокации, предоставляемые операторами связи, а также анализ данных с камер видеонаблюдения с применением алгоритмов распознавания лиц. Визуализация маршрутов через «умные очки с ИИ»² или иные девайсы, направления и скорости движения осуществляется с помощью интеллектуальных носимых устройств, способных оперативно уведомлять субъектов охраны о возможных рисках.

Выявление резких изменений в информационном фоне социальных сетей, в частности, распространение угроз, деструктивных высказываний или признаков клеветы в адрес представителей судебной власти, анализ входящих цифровых коммуникаций (электронных писем и текстовых сообщений) для определения признаков психологического давления или иных форм воздействия, способных повлиять на принятие решений, также будут под контролем платформы «Судья под защитой».

Функция «неотложных действий» представляет собой комплекс мер, активируемых в ответ на выявление угроз, таких как приближение потенциально опасного лица, получение сообщений с признаками давления или всплеск негативной активности в социальных сетях. Цель функции – обеспечить оперативное реагирование для защиты пользователя, минимизации рисков и координации с уполномоченными на защиту судьи органами.

Концепция платформы неотложных действий включает комплекс мер, направленных на автоматическое оповещение служб, задействованных в обеспечении безопасности судей. Процесс активируется при выявлении признаков угрозы, в частности, приближении лица, идентифицированного как потенциально опасное, на основе данных биллинга, психологического профайлинга или видеокамер. В этом случае умные очки (или часы) передают сигнал в правоохранительные органы и Управление координации, включая геолокацию судьи и предполагаемого источника угрозы, определяемую через GPS-модуль устройства, а также описание инцидента, например идентификатор лица или содержание сообщения.

При активации экстренного режима умных очков (или часов), дополненных гаджетами для видеофиксации, увеличивается частота обновления данных с камер, GPS и внешних источников такого рода, как биллинговые системы, а также автоматически включается видео- и аудиозапись для до-

² Xiaomi представила умные очки AI Glasses. URL: <https://habr.com/ru/news/922420/> (дата обращения: 31.07.2025).

кументирования обстановки с мгновенной передачей в защищенный облачный архив. Для оптимизации работы устройства приостанавливаются второстепенные функции (воспроизведение музыки или уведомления), что способствует экономии заряда батареи.

Особое внимание уделяется отображению инструкций для эвакуации, реализованных через технологии дополненной реальности. Умные очки предоставляют пользователю визуальные указания, в частности, кратчайший безопасный маршрут, наложенный на поле зрения через встроенный дисплей линз. Расчет маршрута осуществляется на основе данных GPS и картографических сервисов, например 2ГИС, с отображением стрелок и текстовых подсказок типа «Пройдите 50 м направо к выходу». При обнаружении опасных лиц или рецидивистов в зоне видимости камер проекция на линзы очков предупреждает судью за несколько метров.

Функционал дополняется голосовыми и тактильными уведомлениями, где интегрированный голосовой ассистент предоставляет аудиоинструкции, например: «Угроза зафиксирована (уровень – оранжевый), следуйте к ближайшему безопасному выходу». Вибросигналы, сочетающиеся со звуковыми оповещениями, усиливают внимание судьи в условиях стресса, что повышает эффективность реагирования.

Активация функции неотложных действий может быть инициирована самим судьей через голосовую команду, например «Активировать тревогу» или «Вызови дежурного», а также с использованием неприметных фраз, не привлекающих внимания находящегося рядом агрессора. Альтернативный способ включает физическое взаимодействие, например двойное касание дужки очков, аналогичное технологиям, используемым в Ray-Ban Meta Smart Glasses³.

Завершающим элементом платформы выступает возможность блокировки конфиденциальной информации. В случае просмотра служебных документов «умные очки» не только помогают обрабатывать информацию, но и автоматически ограничивают доступ к чувствительным данным, таким как судебные материалы, предотвращая их утечку при возможном несанкционированном доступе или хакерском захвате устройства. При превышении трафика передачи информации также следует ограничить доступ и перейти на запасные каналы передачи данных с динамическим либо квантовым шифрованием [4, с. 41].

Анализ компонентов функции неотложных действий платформы «Судья под защитой» демонстрирует ее потенциал как многоуровневой системы обеспечения безопасности судей. Интеграция автоматического оповещения, видеофиксации, инструкций по эвакуации и защиты данных создает основу для превентивного и оперативного реагирования. Однако успешная реализация проекта требует решения вопросов технической совместимости, защиты информации и нормативного регулирования использования

³ Find the right pair of AI glasses for you. URL: <https://www.meta.com/ai-glasses/shop-all/> (дата обращения: 31.07.2025).

собранных данных. Дальнейшие исследования должны сосредоточиться на pilotном тестировании системы и оценке ее эффективности в реальных условиях, что позволит адаптировать платформу к специфике работы судебной системы.

Следует отметить, что для патрулирования общественных мест становятся более востребованными автономные роботы-полицейские, оснащенные камерами, датчиками, ИИ с подключением к базам государственных органов, например AnBot (Китай)⁴ и Проект Xavier (Сингапур)⁵, которые целесообразно разрабатывать и использовать в Казахстане для обеспечения безопасности (патрулирования), в том числе и в рассматриваемом поле обеспечения физической безопасности судей.

Представленный подход позволяет предложить новую парадигму обеспечения безопасности судей.

Оперативность реагирования и возможность прогнозирования «нежелательных пересечений с находящимся под охраной судьей», фиксация доказательств в автоматическом режиме, без участия судьи, повышение уровня доверия судей к государственным органам защиты, снижение коррупционных рисков, связанных с возможными утечками данных, в том числе о маршрутах судей, отслеживание цифрового следа проявления агрессии и психологического давления особенно важны при борьбе с организованной преступностью. Это очевидные *преимущества при цифровизации личной безопасности судей*.

Передовой опыт и рекомендации

Аналоги аппаратно-цифровой платформы «Судья под защитой»:

- система «Panic Button» в США⁶ для судей федерального уровня;
- проект Digital Criminal Justice (DCJ)⁷, реализуемый Eurojust и Европейской комиссией, создает безопасные каналы связи и обмена данными, что может использоваться для защиты судей (например, через интеграцию с системами тревожных кнопок).

Южная Корея активно использует большие данные и ИИ. Например, системы анализа больших данных позволяют отслеживать перемещения потенциально опасных лиц (при пандемии) через биллинг сотовых операторов

⁴ China unveils 1st security robot. URL: https://www.business-standard.com/amp/article/pti-stories/china-unveils-1st-security-robot-116042201177_1.html (дата обращения: 27.07.2025).

⁵ Робот-патрульный следит за порядком в Сингапуре. URL: <https://thecode.media/xavier/> (дата обращения: 27.07.2025).

⁶ The Only Bluetooth® Panic Button That Can Directly Call 911. URL: <https://silentbeacon.com/>; The Platform That Powers Safety. URL: <https://www.ravemobilesafety.com/> (дата обращения: 28.07.2025).

⁷ European Union Agency for Criminal Justice Cooperation (Transmission of information). URL: <https://www.eurojust.europa.eu/judicial-cooperation/tasks-and-tools/transmission-information>.

ров, видеонаблюдение с распознаванием лиц и анализ активности в социальных сетях. Подобные технологии могут быть адаптированы также для защиты судей [5, р. 628].

Более продвинутые технологии с ИИ в *Китае*, которые не только «...обеспечивают безопасность личных данных пользователей, прозрачность использования данных в интернете», но и с помощью продвижения технологий позволяют контролировать перемещения большого количества людей и обеспечивать их безопасность [6, с. 140]. Кроме того, именно Китай добился результата по нормативно-правовому сопровождению ИИ.

В *Италии* судей, рассматривающих дела мафии, сопровождают вооруженные подразделения полиции и бронемашины; «...в 2019 году в Италии под защитой полиции находились около 274 судей»⁸.

В *Германии* меры физической защиты судей, участвующих в рассмотрении дел с повышенным уровнем риска, осуществляются Федеральным уголовным ведомством «Bundeskriminalamt» (BKA) через специализированную структуру «Sicherungsgruppe» (SG). Последняя отвечает за сопровождение судей, прокуроров и государственных деятелей, включая мероприятия по охране объектов, мониторингу угроз и при необходимости – привлечение подразделения ASE для специальных и международных миссий. Такая система защиты входит в общенациональный комплекс «Personenschutz» и реализуется на основании положений Закона о Федеральной криминальной полиции (BKAG) и внутреннего регламента BKA⁹.

В официальном годовом отчете Службы маршалов США прямо указано, что Служба маршалов координирует межведомственное взаимодействие с ФБР, Полицией Капитолия, Секретной службой и другими структурами в целях оценки и управления угрозами в адрес судей¹⁰. Только в 2024 г. Служба маршалов США расследовала 822 угрозы и потенциальные угрозы для защищаемых лиц¹¹.

Прорывные исследования в медицине, через вживляемые микрочипы, уже доказали возможности, позволяющие считывать нейросигналы живых организмов и управлять «силой мысли». В перспективе обычный головной

⁸ How Italy's car-bombed judges shaped fight against mafia // Daily Sabah : [website]. 23.05.2022. URL: <https://www.dailysabah.com/world/europe/how-italys-car-bombed-judges-shaped-fight-against-mafia> (дата обращения: 28.07.2025).

⁹ Federal Criminal Police Office (Bundeskriminalamt, BKA). Personal Protection – Sicherungsgruppe (SG) and ASE Units // Wikipedia : [website]. URL: [https://en.wikipedia.org/wiki/Federal_Criminal_Police_Office_\(Germany\)](https://en.wikipedia.org/wiki/Federal_Criminal_Police_Office_(Germany)) (дата обращения: 28.07.2025).

¹⁰ U.S. Marshals Service. Annual Report 2023 (Годовой отчет Службы маршалов США 2023) // United States Marshals Service, 2023. Р. 1–32. URL: <https://www.usmarshals.gov/sites/default/files/media/document/Pub-2-2023-Annual-Report.pdf> (дата обращения: 04.08.2025).

¹¹ U.S. Marshals Service. Judicial Security // U.S. Department of Justice : [website]. URL: <https://www.usmarshals.gov/what-we-do/judicial-security>. Р. 1–32 (дата обращения: 28.07.2025).

убор с нейродатчиками позволит считывать и передавать данные с «человеческих сенсоров» в ИИ и получать «инструкции» [7, с. 92–93].

Изучение случаев посягательств на судей свидетельствует о необходимости переосмыслиния роли судебных исполнителей (приставов) как ключевых участников системы обеспечения личной безопасности судей, включая сопровождение вне судебного процесса. Укрепление их статуса, расширение полномочий, специализированная подготовка и межведомственное взаимодействие с МВД и КНБ повысят эффективность. Целесообразно создать специализированные подразделения охраны судей на базе органов юстиции с нормативным закреплением их функций. В качестве альтернативы возможен риск-ориентированный подход с привлечением силовых структур, по аналогии с практикой ЕС, где уровень охраны зависит от градации степени опасности рассматриваемых дел.

Криминалистические методы также позволяют осуществлять раннюю идентификацию посягательств и предупреждать возможные преступления в отношении судей. Как справедливо отмечают М. В. Савельева и А. Б. Смушкин, на основе технического наблюдения и анализа поведения сомнительных лиц можно эффективно оценивать степень опасности и формировать меры защиты для уязвимых категорий, таких как судьи, ведущие опасные дела¹².

Криминалистика как научная категория носит превентивный характер, позволяя выявлять угрозы и выстраивать тактические меры защиты заблаговременно. Как указывают А. И. Баstryкин и соавторы, к таким функциям относятся «...анализ поведения подозрительных лиц, трасологических признаков и использование технических средств наблюдения»¹³.

В криминалистической технике активно разрабатываются технические средства, направленные на обеспечение безопасности судей: устройства с функцией экстренного вызова, активируемые с использованием комбинации слов; индивидуальные системы слежения; скрытые устройства видеоФиксации; а также защищенные каналы связи с правоохранительными органами.

При латентном прогрессе преступных посягательств в адрес судей значение инструментов оперативной и точной криминалистической оценки рисков, а также *профайлинга* – метода построения психологического портрета потенциального преступника на основании анализа поведенческих и речевых характеристик – постоянно возрастает.

Профайлинг может быть эффективно использован в системе криминалистического обеспечения правосудия, особенно в целях *ранней идентификации степени опасности* в отношении судей. Применение методики позволяет: выделять признаки склонности к агрессии и насилиственным

¹² Савельева М. В., Смушкин А. Б. Криминалистика : учеб. М. : Дашков и К, 2009. С. 22–25.

¹³ Баstryкин А. И., Ищенко Е. П., Комиссарова Я. В. Криминалистика : учеб. 2-е изд. М. : Проспект, 2022. С. 23–24.

действиям в обращениях, жалобах или письмах; оценивать достоверность проявления агрессии в адрес судей; формировать индивидуальные *психолого-криминалистические профили* лиц, представляющих опасность; оптимизировать распределение охранных ресурсов и меры защиты судей, ведущих дела повышенного риска. Особое значение профайлинг приобретает при работе с *анонимными угрозами*, поступающими по цифровым каналам коммуникаций. В сочетании с лингвистическим анализом и технологиями ИИ он может стать важным элементом *системы мониторинга цифровых рисков*, направленных на подрыв авторитета или безопасности судей.

Использование профайлинга в практике работы Управления координации, а также подготовка сотрудников аппарата судов (не ограничиваясь судебными исполнителями) к базовому распознаванию поведенческих и речевых маркеров опасного поведения, включая создание единой информационной базы данных, подобной российской базе данных «Психопаспорт», которая содержала бы в себе психолого-криминалистические портреты лиц, являются в Казахстане перспективными направлениями [8, с. 206–207].

Заключение

Применение аппаратно-цифровой платформы «Судья под защитой» и методов профайлинга в связке с ИИ будет способствовать не только повышению эффективности охраны судей, но и формированию прорывных стратегий в сфере правовой безопасности судебных органов. В этом контексте криминастика должна рассматриваться как неотъемлемый элемент механизма защиты судей: ее инструментарий обеспечивает как превентивное выявление угроз, так и квалифицированное реагирование на инциденты, тем самым укрепляя авторитет правосудия и создавая эффективный механизм, исключающий любые проявления вмешательства в независимость судей.

Список источников

1. Schneier B. Preface // Secrets and lies: digital security in a networked world. New York : Wiley, 2011. XI, 448 p.
2. Каримов Р. М. Меры безопасности и меры защиты судей при осуществлении ими правосудия // Право и государство: теория и практика. 2020. № 9 (189). С. 297–299. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mery-bezopasnosti-i-mery-zashchity-sudey-pri-osuschestvleniiimi-pravosudiya> (дата обращения: 06.06.2025).
3. Каримов Р. М. Организация обеспечения безопасности судебной деятельности в режиме «E-court Security» в парадигме цифровизации // Право и политика. 2019. № 10. С. 72–78. DOI: 10.7256/2454-0706.2019.10.30878.

4. Бабкин А. Н., Акчурина Л. В., Алексеенко С. П. Графический способ обнаружения внутреннего нарушителя информационно-телекоммуникационной сети организации // Вестник Воронежского института МВД. 2025. № 2. С. 38–43.
5. Kim H., Kim S. Y., Joly Y. South Korea: in the midst of a privacy reform centered on data sharing // Human Genetics. 2018. Vol. 137, no. 10. P. 627–635. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s00439-018-1920-1> (дата обращения: 04.08.2025).
6. Савельев А. М., Журенков Д. А., Пойкин А. Е. Ценностные ориентации технологий искусственного интеллекта в США и Китае: философский анализ // Философские науки. 2022. Т. 65, № 1. С. 124–143. DOI: 10.30727/0235-1188-2022-65-1-124-143.
7. Садыков М. Б., Бегалиев Е. Н., Бахтеев Д. В., Казиева А. Н., Хусайнов О. Б. Применение искусственного интеллекта и чипирования человека в судебно-медицинской экспертизе: научный обзор // Судебная медицина. 2024. Т. 10, № 1. С. 88–98. DOI: 10.17816/fm16093.
8. Веремкина Н. А. Профайлинг как средство раскрытия и расследования преступлений // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 9. С. 204–209. DOI: 10.17803/1994-1471.2017.82.9.203-209.

References

1. Schneier, B. Preface. *Secrets and lies: digital security in a networked world*. New York: Wiley; 2011. XI, 448 p.
2. Karimov, R. M. Security measures and measures of protection of judges in the exercise of justice by them. *Law and State: the Theory and Practice*. 2020;(9):297-299. (In Russ.) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mery-bezopasnosti-i-mery-zashchity-sudey-pri-osuschestvlenii-imi-pravosudiya> (Accessed: 6 June 2025).
3. Karimov, R. M. Organization of ensuring security of the judicial process in the “e-court security” regime within the paradigm of “digitalization”. *Law and Politics*. 2019;(10):72-78. (In Russ.) DOI: 10.7256/2454-0706.2019.10.30878.
4. Babkin, A. N., Akchurina, L. V., Alexeenko, S. P. Graphic method for detecting an internal intruder in an organization's information and telecommunication network. *Vestnik of Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia*. 2025;(2):38-43. (In Russ.)
5. Kim, H., Kim, S. Y., Joly, Y. South Korea: in the midst of a privacy reform centered on data sharing. *Human Genetics*. 2018;137(10):627-635. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s00439-018-1920-1> (Accessed: 4 August 2025).
6. Saveliev, A. M., Zhurenkov, D. A., Poikin, A. E. Value orientations of artificial intelligence technologies in the USA and China: a philosophical

- analysis. *Russian Journal of Philosophical Sciences*. 2022;65(1):124-143. (In Russ.) DOI: 10.30727/0235-1188-2022-65-1-124-143.
7. Sadykov, M. B., Begaliev, E. N., Bakhteev, D. V., Kazieva, A. N., Khussainov O. B. Use of artificial intelligence and human chipping in forensic medicine: a review. *Russian Journal of Forensic Medicine*. 2024;10(1):88-98. (In Russ.) DOI: 10.17816/fm16093.
 8. Veremkina, N. A. Profiling as a means of crime detection and investigation. *Actual Problems of Russian Law*. 2017;(9):204-209. (In Russ.) DOI: 10.17803/1994-1471.2017.82.9.203-209.

Информация об авторе / Information about the author

Малахов Дмитрий Михайлович, Председатель Высшего Судебного Совета Республики Казахстан (Республика Казахстан, 010000, Астана, проспект Мәңгілік Ел, д. 8, Дом Министерств).

Dmitry M. Malakhov, Chairman of the Supreme Judicial Council of the Republic of Kazakhstan (House of Ministries, 8 Mangilik El Ave., Astana, 010000, Republic of Kazakhstan).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 06.08.2025; одобрена после рецензирования 02.09.2025; принята к публикации 03.09.2025.

The article was submitted 06.08.2025; approved after reviewing 02.09.2025; accepted for publication 03.09.2025.

Научная статья

УДК 342.511

DOI: 10.37399/2686-9241.2025.3.67-84

Конституционные функции и полномочия Президента Российской Федерации по поддержанию гражданского мира и согласия в стране

Александр Николаевич Писарев

*Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Москва, Российская Федерация
a.n.pisarev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2775-7295>*

Аннотация

Введение. Актуальность исследования вызвана тремя основными факторами. Во-первых, необходимостью дальнейшего глубокого научного и правового анализа поправок 2020 г. к Конституции, в которых содержится ряд принципиально новых для отечественного государства и права положений, закрепляющих, в частности, функцию Президента по поддержанию гражданского мира и согласия в стране, и, соответственно, настоятельной необходимостью научного осмысления и детальной правовой регламентации в действующем конституционном законодательстве как в целом данной функции, так и, в частности, полномочий главы Российской государства по ее реализации. Во-вторых, развитием гражданского общества в России, в данном случае в контексте правовой регламентации его взаимодействия с государством в целях обеспечения гражданского мира и согласия. В-третьих, сложной геополитической ситуацией, в которой находится последние десять лет Российская Федерация, стремящаяся в условиях беспрецедентного давления коллективного Запада и его постоянных попыток нарушить гражданский мир и согласие в стране сохранить государственный суверенитет и доказать свою принадлежность к числу ведущих стран мира.

Теоретические основы. Методы. Теоретическую основу настоящего исследования составляют научные труды ученых в области теории государства и права, конституционного права, административного права. В работе использованы общенакальные методы (системного анализа, диалектический, формально-логический) и специальные методы исследования (системно-правовой, сравнительно-правовой, историко-правовой, формально-юридический).

Результаты исследования. Во-первых, закрепление в поправках к Конституции 2020 г. функции Президента по поддержанию гражданского мира и согласия в стране объясняется его призванием консолидировать государство и гражданское общество в силу исторически сложившейся в нашем Отечестве роли главы государства как общенационального лидера и носителя верховной власти, призванного обеспечить преемственность в развитии отечественной государственности в соответствии с конституционными ценностями, отражающи-

ми цивилизационную и общероссийскую культурную идентичность. Во-вторых, содержание анализируемой функции Президента и его полномочий по ее реализации определяется понятием и сущностью закрепленной в преамбуле Конституции юридической дефиниции «гражданский мир и согласие» в качестве конституционно значимой ценности и ориентира конституционного развития страны, одного из важнейших направлений политики государства. В-третьих, определен универсальный характер функции главы Российского государства по поддержанию гражданского мира и согласия в стране, который проявляется в ее взаимосвязанности с иными конституционными функциями Президента по гарантированию Конституции, прав и свобод человека и гражданина; принятию мер по охране суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности; обеспечению согласованного функционирования и взаимодействия органов, входящих в единую систему публичной власти.

Обсуждение и заключение. В целях разработки предложений по закреплению в действующем законодательстве полномочий Президента, необходимых для реализации его функции по поддержанию гражданского мира и согласия в стране, представляется обоснованным проведение сравнительно-правового анализа данной функции главы Российского государства с его конституционными функциями и полномочиями по гарантированию Конституции, прав и свобод человека и гражданина; принятию мер по охране суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности; обеспечению согласованного функционирования и взаимодействия органов, входящих в единую систему публичной власти; определению основных направлений внутренней и внешней политики государства. Отсутствие до настоящего времени в действующем законодательстве детальной правовой регламентации полномочий Президента, необходимых для реализации его функции по поддержанию гражданского мира и согласия в стране, по обоснованному мнению многих авторов, приводит к доминированию главы Российского государства в системе органов государственной власти и осуществлению всей полноты реальной власти вне парламентского контроля и ответственности, открывает возможности для злоупотребления компетенцией, служит оправданием широчайших президентских возможностей.

С учетом сказанного, а также постоянных попыток коллективного Запада нарушить в нашей стране гражданский мир и согласие возникает острая необходимость детальной правовой регламентации в действующем конституционном законодательстве соответствующих полномочий Президента, которые позволяют определить рамки его ответственности, подотчетности, а также оценить его действия и решения с точки зрения их соответствия Конституции и законам.

Ключевые слова: гражданский мир и согласие, конституционные функции Президента, полномочия по реализации функций главы Российского государства, поправки 2020 г. к Конституции, преамбула Конституции, конституционно значимая ценность и ориентир конституционного развития страны, универсальный характер функции по поддержанию гражданского мира и согласия в стране

Для цитирования: Писарев А. Н. Конституционные функции и полномочия Президента Российской Федерации по поддержанию гражданского мира и согласия в стране // Правосудие/Justice. 2025. Т. 7, № 3. С. 67–84. DOI: 10.37399/2686-9241.2025.3.67-84.

Original article

Constitutional Function and Powers of the President of the Russian Federation to Maintain Civil Peace and Harmony in the Country

Alexander N. Pisarev

*Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev,
Moscow, Russian Federation*

a.n.pisarev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2775-7295>

Abstract

Introduction. The relevance of the study is caused by three main factors. Firstly, the need for further in-depth scientific and legal analysis of the 2020 amendments to the Constitution, which contain a number of fundamentally new provisions for the domestic state and law, enshrining, in particular, the function of the President to maintain civil peace and harmony in the country and, accordingly, the urgent need for scientific understanding and detailed legal regulation in the current constitutional legislation of both the legal definition of "civil peace and harmony" in general and, in particular, the powers of the head of the Russian State to implement the corresponding function. Secondly, the development of civil society in Russia, in this case in the context of legal regulation of its interaction with the state in order to ensure civil peace and harmony. Thirdly, the complex geopolitical situation in which the Russian Federation has found itself for the last ten years, striving, under conditions of unprecedented pressure from the collective West and its constant attempts to disrupt civil peace and harmony in the country, to preserve state sovereignty and prove its belonging to the leading countries of the world.

Theoretical Basis. Methods. The theoretical basis of this study is the scientific works of scientists in the field of the theory of state and law, constitutional law, administrative law. The work uses general scientific methods (systemic analysis, dialectical, formal-logical) and special research methods (systemic-legal, comparative-legal, historical-legal, formal-legal).

Results. Firstly, the enshrinement in the amendments to the Constitution of 2020 of the President's function of maintaining civil peace and harmony in the country is explained by its vocation to consolidate the state and civil society due to the historically established role of the head of state in our Fatherland as a national leader and bearer of supreme power, called upon to ensure continuity in the development of domestic statehood in accordance with constitutional values reflecting the civilizational and all-Russian cultural identity. Secondly, the content of the analyzed function of the President and his powers to implement it are determined by the concept and essence of the legal definition of "civil peace and harmony" enshrined in the preamble to the Constitution as a constitutionally significant value and guideline for the constitutional development of the country, one of the most important areas of state policy. Thirdly, the universal nature of the function of the head of the Russian State to maintain civil peace and harmony in the country is determined, which is manifested in its interconnection with other constitutional functions of the President to guarantee the Constitution, the rights and freedoms of man and citizen; take measures to protect the sovereignty of the Russian Federation, its independence and state integrity; ensure the coordinated functioning and interaction of bodies included in the unified system

of public authority; determine the main directions of the domestic and foreign policy of the state.

Discussion and Conclusion. In order to develop proposals for securing in the current legislation the powers of the President necessary for the implementation of his function of maintaining civil peace and harmony in the country, it seems justified to conduct, in the relevant constitutional and legal aspects, a comparative legal analysis of this function of the head of the Russian State with his constitutional functions and powers to guarantee the Constitution, the rights and freedoms of man and citizen; take measures to protect the sovereignty of the Russian Federation, its independence and state integrity; ensure the coordinated functioning and interaction of bodies included in the unified system of public authority; determine the main directions of the domestic and foreign policy of the state. The absence to date in the current legislation of a detailed legal regulation of the powers of the President necessary for the implementation of his function to maintain civil peace and harmony in the country, according to the well-founded opinion of many authors, leads to the dominance of the head of the Russian state in the system of state authorities and the implementation of the full extent of real power outside parliamentary control and responsibility, opens up opportunities for abuse of authority, serves as a justification for the broadest presidential powers, ignores the impossibility of political neutrality. Taking into account the above, as well as the constant attempts of the collective West to violate civil peace and harmony in our country, there is an urgent need for detailed legal regulation in the current constitutional legislation of the relevant powers of the President, which make it possible to determine the scope of his responsibility, accountability, and also to evaluate his actions and decisions from the point of view of their compliance with the Constitution and laws.

Keywords: civil peace and harmony, the constitutional functions of the President, the functions of the head of the Russian State, the 2020 amendments to the Constitution, the preamble to the Constitution, the constitutionally significant value and guideline of the country's constitutional development, the universal nature of the function of maintaining civil peace and harmony in the country

For citation: Pisarev, A. N. Constitutional function and powers of the President of the Russian Federation to maintain civil peace and harmony in the country. *Pravosudie/Justice*. 2025;7(3):67-84. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2025.3.67-84.

Введение

Необходимо прежде всего отметить, что в законодательстве Российской Федерации до настоящего времени не раскрываются понятие и содержание закрепленной в ч. 2 ст. 80 Конституции функции Президента по поддержанию гражданского мира и согласия в стране, а также полномочия главы Российского государства, необходимые для ее реализации.

Вместе с тем юридическая дефиниция «гражданский мир и согласие в стране» нашла свое отражение в преамбуле действующей Конституции Российской Федерации с 1993 г. в числе декларативных положений, которые, с одной стороны, не содержат нормативно-правовых, императивных предписаний, с другой стороны, являются составной частью Конституции и, соответственно, определяют мотивы и причины ее принятия, стратегию развития государства и гражданского общества, основные направления осуществления правотворческой и правоприменительной деятельности

сти всех органов публичной власти, в том числе и Президента Российской Федерации.

На основе анализа положений преамбулы Конституции Н. Н. Федоскин и О. Н. Гапонов делают заслуживающий внимания вывод о том, что закрепленные там ценности, в том числе касающиеся утверждения гражданского мира и согласия, с учетом их основополагающего для всей страны характера «...являются основным законом не только государства, но и всего российского общества в целом» [1, с. 128].

В связи с этим становится ясным, что при определении понятия и содержания функции и полномочий главы Российского государства в данной области необходимо основываться, прежде всего, на научных исследований ученых-правоведов, ранее проводивших правовой анализ конституционной дефиниции «гражданский мир и согласие в стране» и имеющих различные точки зрения по этому поводу.

Например, Б. С. Эбзеев понятие этой дефиниции связывает с отсутствием в обществе острых социально-политических конфликтов в виде гражданской войны или вооруженного противоборства, т. е. социального насилия, а также установлением конституционного порядка, направленного на объединение сочленов общества, установление должного баланса личных интересов и общего блага, т. е. солидаризацию общества [2, с. 14].

И. А. Умнова обоснованно считает, что юридическая категория гражданского (социального) мира охватывает общественные отношения, возникающие внутри государства, и характеризует состояние общества, основанное на согласии и отсутствии вооруженных столкновений между политически и (или) идеологически ориентированными группировками, социальными группами населения, способными вовлечь народы и население страны в войну общенационального характера и (или) локальные конфликты с использованием оружия [3, с. 85].

На основе сравнительно-правового анализа положений конституций вновь образованных государств постсоветского периода, закрепляющих юридические понятия «гражданский мир» и «национальное согласие», В. Н. Линкин приходит к обоснованному выводу о востребованности обществом в этих странах указанных категорий в связи с наступлением времени потрясений в государствах, находящихся на первоначальном этапе своего существования. При этом «мир и согласие представляет собой материальный базис, который появляется из нематериального общественного запроса» [4, с. 43].

В. В. Путин рассматривает гражданский мир и согласие в стране прежде всего применительно к обеспечению межнационального согласия, ликвидации межэтнической и межконфессиональной напряженности. По его мнению, «для России – с ее многообразием языков, традиций, этносов и культур – национальный вопрос, без всякого преувеличения, носит фундаментальный характер. Основу для обеспечения гражданского мира и согласия в стране должна обеспечивать цивилизационная идентичность, носителем которой выступают не только этнические русские, но и все носители

такой идентичности независимо от национальности. Стержень, скрепляющий ткань этой уникальной цивилизации – русский народ, русская культура» [5, с. 15].

Важно отметить: Конституционный Суд Российской Федерации также неоднократно формулировал в своих постановлениях правовую позицию относительно понятия и содержания юридической definicции «гражданский мир и согласие в стране». В частности, в Постановлении от 13 февраля 2018 г. №8-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 статьи 1252, статьи 1487 и пунктов 1, 2 и 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «ПАГ» гражданинский мир и согласие определяются в качестве конституционно значимой ценности, для утверждения которой подлежат защите право собственности, интеллектуальные права, исходя из общего блага и необходимости поддержания конкурентной экономической среды¹.

В Постановлении от 17 мая 2021 г. №19-П «По делу о проверке конституционности части 1.1 статьи 7 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» и части 2 статьи 20.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданки И. А. Никифоровой» Конституционный Суд сформулировал правовую позицию, в соответствии с которой гражданинский мир и согласие рассматриваются в качестве цели, во имя достижения которой государством должны быть обеспечены гарантии реализации прав на проведение мирных публичных мероприятий как их участников, так и лиц, в них непосредственно не участвующих².

Согласно правовой позиции Конституционного Суда, сформулированной в его Постановлении от 17 февраля 2022 г. №7-П «По делу о проверке конституционности статей 14.8 и 51 Федерального закона «О защите конкуренции» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Медэксперт», достижение гражданского мира и согласия следует рассматривать в качестве конституционно значимых ценностей, для утверждения которых осуществляется социальная политика государства, направленная на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека³.

В Постановлении Конституционного Суда от 2 июня 2022 г. № 23-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 310, пункта 4 статьи 421, пункта 1 статьи 422, пункта 1 статьи 450, пункта 2 статьи 450.1 и абзаца второго пункта 2 статьи 687 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Т. В. Пыкиной» гражданский мир и согласие рассматривается в качестве одного из элементов объективной

¹ См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 9. Ст. 1435.

² См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 22. Ст. 3912.

³ См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 10. Ст. 1594.

системы, лежащей в основе процесса конституционализации частноправовых норм при их применении⁴.

В заключении от 16 марта 2020 г. №1-З «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» Конституционный Суд указал на соответствие поправок к Конституции, касающихся конституционного статуса Президента, в том числе закрепляющих новую конституционную функцию главы Российского государства по поддержанию гражданского мира и согласия в стране, природе и принципам института президентства, его роли и месту в системе органов государственной власти, основам конституционного строя, в соответствии с которыми Президент призван осуществлять самостоятельную и ответственную деятельность по реализации принадлежащих ему конституционных полномочий⁵.

Исходя из изложенного, автором поставлена цель на основе сравнительно-правового анализа функции главы Российского государства по поддержанию гражданского мира и согласия в стране с другими его конституционными функциями и полномочиями по их реализации определить понятие, содержание и особенности исследуемой функции, а также разработать предложения по совершенствованию соответствующего конституционного законодательства.

Теоретические основы. Методы

Теоретическую основу настоящего исследования составляют научные труды ученых в области теории государства и права, конституционного права, административного права, предметом которых являются конституционные основы определения:

- понятия и содержания закрепленной в преамбуле Конституции юридической дефиниции «гражданский мир и согласие в стране» (О. Н. Гапонов, В. Н. Линкин, А. А. Опалева, В. В. Путин, И. А. Умнова, Н. Н. Федоскин, Б. С. Эбзеев и др.);
- взаимосвязанности и универсального характера отдельных конституционных функций и полномочий Президента Российской Федерации (С. А. Авакьян, А. В. Безруков, И. Е. Полунина, Н. И. Побежимова, В. Т. Пругло, М. А. Шепелев, Н. С. Щербаков и др.);
- понятия и содержания конституционной функции главы Российского государства по поддержанию гражданского мира и согласия в стране, а также предложения по регламентации в конституционном законодательстве полномочий по ее реализации (Е. А. Абаева, Д. А. Еланская, К. М. Конджакуян, А. А. Опалева, А. В. Опалев, А. В. Тетерин, К. Л. Яковлев и др.).

⁴ См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 25. Ст. 439.

⁵ См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 12. Ст. 1855.

Методологической основой исследования является системно-правовой анализ, который предполагает изучение тех или иных публично-правовых явлений сквозь призму объекта, субъекта, сущности и содержания анализируемых правоотношений. В данной научной статье такой метод используется при исследовании единой публично-правовой системы обеспечения защиты государственного суверенитета, в которую входят в том числе институты гражданского общества, осуществляющие соответствующую публичную (общественно полезную) деятельность.

Избранная автором методология научного исследования позволила выявить внутрисистемные связи, формы взаимодействия государства и гражданского общества, определить закономерности и тенденции развития всей публично-правовой системы обеспечения защиты государственного суверенитета, глубже понять механизмы воздействия права на общественные отношения, возникающие в данной области, охватить все объективно необходимые и взаимосвязанные внутрисистемные связи.

Результаты исследования

Основываясь на приведенных суждениях главы Российской государства, авторитетных ученых и правовой позиции Конституционного Суда относительно понятия и содержания представленной в преамбуле Конституции юридической дефиниции «гражданский мир и согласие в стране», логично предположить, что функция Президента по их поддержанию носит универсальный характер в силу ее взаимосвязанности с другими конституционными функциями и полномочиями главы Российской государства.

Такого рода взаимосвязанность исследуемой функций главы Российской государства с иными его конституционными функциями и полномочиями точно отмечена Е. А. Абаевой, которая считает, что деятельность главы Российской государства по поддержанию гражданского мира и согласия в стране призвана «...консолидировать общество доверием к его власти, ее преемственностью и транзитом в рамках конституционных установлений, реального, а не имитационного учета общественного мнения и вовлеченности народа, институтов гражданского общества в управление делами страны еще на стадии обсуждения, а впоследствии и принятия государственно значимых решений со стороны главы государства» [6, с. 62].

К. М. Конджакуян обоснованно полагает, что деятельность Президента по поддержанию гражданского мира и согласия направлена на нахождение компромисса, преодоление разногласий между группами, имеющими различные интересы, в связи с чем данное положение главы государства возвышает его над всей политической системой [7, с. 44].

Ряд ученых считают, что деятельность по поддержанию гражданского мира и согласия состоит в правовой гармонизации интересов личности, общества и государства посредством формирования системы сдержек и противовесов, правовых гарантит прав и свобод личности [8, с. 28].

Универсальный характер исследуемой функции Президента определяет структуру дальнейшего исследования понятия и содержания функции

и полномочий Президента Российской Федерации по поддержанию гражданского мира и согласия в стране с точки зрения их взаимосвязи с иными конституционными функциями и полномочиями Президента по гарантированию Конституции, прав и свобод человека и гражданина; принятию мер по охране суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности; обеспечению согласованного функционирования и взаимодействия органов, входящих в единую систему публичной власти. Важность и необходимость такого рода исследования, по мнению автора, определяется тем, что закрепление в ч. 2 ст. 80 Конституции указанной функции главы Российского государства обязывает государство осуществлять детализацию и конкретизацию данных конституционных норм в действующем законодательстве Российской Федерации.

1. Взаимосвязь исследуемой функции с конституционной функцией и полномочиями Президента *по гарантированию Конституции* находит свое обоснование, по нашему мнению, в авторской позиции И. Е. Полуниной, которая характеризует такого рода гарантирующую функцию главы Российского государства как ведущее направление его деятельности по формированию и реализации единых для всей территории Российской Федерации государственно-правовых стандартов и организационно-юридических гарантов социальной исполнимости, включения в общественную практику, охраны и защиты положений Конституции, закрепляющих важнейшие демократические ценности государства и общества [9, с. 12].

К числу конституционных ценностей, которые могут быть положены в основу деятельности государства и гражданского общества по поддержанию гражданского мира и согласия в стране, могут быть отнесены общенациональные, исторические, культурные, духовные ценности, которые нашли отражение в положениях ст. 67.1, ст. 68.1 и ст. 69.1 Конституции и определяют цивилизационную и общекультурную идентичность ее носителей, основанную на преемственности их развития в дореволюционный, советский и современный периоды отечественной государственности. Положения указанных статей Конституции следует рассматривать в качестве основы для определения стратегии государственной политики, направленной на дальнейшее развитие основополагающих общенациональных, исторических, культурных, духовных ценностей, которые должны объединять и сплачивать многонациональный народ Российской Федерации, в том числе в целях обеспечения гражданского мира и согласия в стране перед лицом внешних и внутренних вызовов и угроз.

В настоящее время становится все более отчетливым стремление российского общества к обеспечению баланса частных и публичных интересов, в том числе при поддержании гражданского мира и согласия в стране, основанных на таких многовековых социальных основах организации русского общества, как: определение роли индивида с точки его полезности для общества; развитие общинной этики и морали, основанных на взаимопомощи и поддержке; приоритет чести, достоинства над меркантильными

потребительскими интересами; вера в справедливость и православие, отвечавшее коллективистским устремлениям русского общества, способствующее его консолидации и развитию нравственности и культуры.

2. Взаимосвязь конституционных функций Президента *по гарантированию прав и свобод человека и гражданина* и поддержанию гражданского мира и согласия в стране, а также необходимых для их реализации полномочий очень точно отмечена в словах С. А. Авакьяна: «Президенту для качественного и продуктивного осуществления гарантирующих права и свободы мероприятий необходимо быть также представителем всего народа, его традиций и менталитета, поддерживать интересы общества и укреплять общественно-политическую и общую государственную жизнедеятельность страны» [10, с. 25].

О такого рода взаимосвязи можно говорить применительно к правовому статусу Совета по развитию гражданского общества и правам человека, которое определено в Положении, утвержденном Указом Президента от 1 февраля 2011 г.: этот консультативный орган при главе Российской Федерации содействует реализации конституционных полномочий Президента в области обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина; развитию институтов гражданского общества и расширению участия граждан в развитии таких институтов и др.⁶ В контексте уже отмеченного выше процесса имплементации, детализации и конкретизации закрепленной в ч. 2 ст. 80 Конституции функции Президента по поддержанию гражданского мира и согласия в стране представляется обоснованным дополнение указанного Положения нормой о том, что Совет по развитию гражданского общества и правам человека содействует, в частности, процессам поддержания гражданского мира и согласия в стране и реализации соответствующих конституционных функций и полномочий Президента, а также осуществляет подготовку предложений Президенту по вопросам взаимодействия с правозащитными общественными объединениями и иными структурами гражданского общества, в том числе в указанных целях.

Важно отметить, что деятельность Президента по гарантированию прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации, в том числе в целях поддержания гражданского мира и согласия, носит контрольный характер по отношению к деятельности органов публичной власти, наделенных полномочиями в этой области.

В связи с этим заслуживает внимания точка зрения Н. И. Побежимовой и Н. С. Щербакова о том, что контрольные полномочия главы Российской Федерации носят универсальный, комплексный и многоаспектный характер, позволяющий Президенту не только «...“присутствовать” во всех ветвях государственной власти, но и активно взаимодействовать с ними» [11, с. 141].

3. Некоторые ученые рассматривают функцию Президента по поддержанию гражданского мира и согласия в стране в контексте его деятельно-

⁶ См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 6. Ст. 852.

сти по разрешению в качестве высшего арбитра разногласий между органами различных уровней публичной власти или с точки зрения содержания конституционных функций и полномочий главы Российского государства *по обеспечению согласованного функционирования и взаимодействия органов, входящих в единую систему публичной власти*.

Например, М. А. Шепелев публично-правовой институт Президента Российской Федерации рассматривает в качестве субъекта верховной власти с оговоркой о подчинении ему только исполнительной власти, а значит, интерпретации президентской власти как «власти верховного управления» [12, с. 24].

В. Т. Пругло закрепленную в преамбуле Конституции юридическую дефиницию «гражданский мир и согласие» связывает с гражданской, подлинно миро-согласительной направленностью правовых актов органов исполнительной власти, согласительными нормотворческими процедурами, устранением необоснованных и неоправданных различий в регулировании федеральных и региональных отношений и нарушений системных отношений внутри российского правового пространства, а также противостоянием органов законодательной и исполнительной власти в ряде субъектов Российской Федерации [13, с. 9].

Рассматриваемые конституционные функции Президента А. В. Тетерин обуславливает полномочиями, посредством которых тот реализует функцию по поддержанию гражданского мира и согласия в стране: издание «законозаменяющих указов» в целях обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов власти; участие в наделении гражданина Российской Федерации полномочиями высшего должностного лица субъекта Федерации; достижение согласия между главой Российского государства и Государственной Думой в рамках процедуры назначения на должность Председателя Правительства [14, с. 12].

Важно отметить, что Конституция наделяет главу Российского государства полномочиями, направленными не только на реализацию его функции по обеспечению согласованного функционирования и взаимодействия органов, входящих в единую систему публичной власти, но и на устранение разногласий между ними, что будет способствовать поддержанию гражданского мира и согласия. В этих целях Конституция предусматривает возможность реализации согласительных процедур между федеральными органами государственной власти, а также полномочия главы Российского государства по преодолению конституционного кризиса в случае невозможности преодоления возникших между ними разногласий. Такие процедуры возможны при реализации Президентом своих конституционных полномочий по: назначению на должность после консультаций с Советом Федерации и освобождению от должности руководителей федеральных органов исполнительной власти (п. «д.1» ст. 83); представлению Совету Федерации кандидатур для назначения на должность Председателя Конституционного Суда, его заместителей и судей, Председателя Верховного Суда, его заместителей и судей, председателей, заместителей и судей других су-

дов; назначению на должность после консультаций с Советом Федерации и освобождению от должности Генерального прокурора, прокуроров субъектов Российской Федерации и приравненных к ним прокуроров военных и других специализированных прокуратур (п. «е.1» ст. 83) и т. д.

Кроме того, участие Президента в проведении согласительных процедур между органами государственной власти Российской Федерации возможно в следующих предусмотренных в Конституции случаях: отклонения Государственной Думой представленной Президентом кандидатуры Председателя Правительства (ч. 4 ст. 111); отклонения Государственной Думой представленных Председателем Правительства кандидатур своих заместителей и федеральных министров (ч. 4 ст. 112); когда Правительство подает в отставку, которая принимается или отклоняется Президентом (ч. 1 ст. 117); выражения недоверия Государственной Думой Правительству (ч. 3 ст. 117); когда Председатель Правительства поставил перед Государственной Думой вопрос о доверии Правительству (ч. 4 ст. 117).

На федеральном уровне публичной власти согласительные процедуры с участием Президента также возможны в законодательном процессе в предусмотренных Конституцией случаях: отклонения Президентом федерального закона и его обращения в Конституционный Суд Российской Федерации с запросом о проверке конституционности этого закона (ч. 3 ст. 107); обращения Президента в Конституционный Суд Российской Федерации с запросом о проверке конституционности федерального конституционного закона (ч. 3 ст. 108); проверки Конституционным Судом конституционности законов субъекта Российской Федерации до их обнародования (п. «в» ч. 5.1 ст. 125).

Важная роль в реализации Президентом функции по поддержанию гражданского мира и согласия в стране отведена Государственному Совету Российской Федерации, который согласно п. «е.5» ст. 83 Конституции призван обеспечивать согласованное функционирование и взаимодействие органов публичной власти.

Согласно положениям ст. 85 Конституции Президент может использовать согласительные процедуры для разрешения разногласий между федеральными и региональными органами государственной власти, а также между органами государственной власти субъектов Российской Федерации. Он также вправе приостанавливать действие актов органов исполнительной власти субъектов в случае их противоречия Конституции Российской Федерации и федеральным законам, международным обязательствам Российской Федерации или нарушения прав и свобод человека и гражданина до решения этого вопроса соответствующим судом.

Указанные положения Конституции детализированы и конкретизированы в Федеральном законе от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации».

Кроме этого, согласно положениям п. 5 ст. 5 Федерального закона от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» Совет призван оказывать содействие Президенту при использова-

нии им согласительных процедур для разрешения разногласий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, а также между органами государственной власти субъектов Российской Федерации⁷.

В контексте процесса имплементации, детализации и конкретизации закрепленной в ч. 2 ст. 80 Конституции функции Президента по поддержанию гражданского мира и согласия в стране представляется обоснованным дополнение ч. 4 ст. 29 Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» таким основанием для отрешения Президентом высшего должностного лица субъекта Российской Федерации от должности, как совершение действий, направленных на нарушение гражданского мира и согласия в стране или повлекших за собой такие нарушения.

А. В. Безруков взаимосвязанность конституционных функций Президента по гарантированию Конституции, прав и свобод граждан, обеспечению согласованного функционирования и взаимодействия органов государственной власти объясняет тем, что все они направлены на обеспечение конституционного правопорядка посредством осуществления главой Российской государства собственной нормотворческой и организационно-управленческой деятельности; разрешения правовых споров между органами государственной власти; отмены или приостановления действия правовых актов органов исполнительной власти и реализации других полномочий [15, с. 46–47].

4. По нашему мнению, конституционная функция и полномочия Президента по поддержанию гражданского мира и согласия в стране непосредственно связаны с его функцией и полномочиями по охране суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности. Об этом свидетельствуют положения п. 5 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400, в которых под ней понимается состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются в том числе гражданский мир и согласие в стране⁸.

Кроме этого, в п. 5 Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года, утвержденной Указом Президента от 29 мая 2020 г. № 344, определено, что экстремизм во всех его проявлениях ведет в том числе к нарушению гражданского мира и согласия⁹.

Полномочия Президента по обеспечению национальной безопасности находят отражение в нормах п. «ж» ст. 83 Конституции: он формирует Со-

⁷ См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 50 (ч. III). Ст. 8039.

⁸ См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

⁹ См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 22. Ст. 3475.

вет Безопасности Российской Федерации в целях содействия главе государства в реализации его полномочий по вопросам обеспечения национальных интересов и безопасности личности, общества и государства, а также поддержания гражданского мира и согласия в стране.

Указанные конституционные нормы детализируются и конкретизируются в положениях ст. 13 Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности», закрепляющих основные функции и порядок формирования Совета Безопасности Российской Федерации¹⁰.

По мнению автора, исходя из функционального предназначения войск национальной гвардии, призванных согласно положениям ст. 1 Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» обеспечивать государственную и общественную безопасность, защищать права и свободы человека и гражданина, следует признать, что эта деятельность осуществляется в том числе в целях поддержания гражданского мира и согласия¹¹.

С учетом этого к числу полномочий Президента по реализации такого рода функции следует отнести закрепленные в ст. 6 указанного Закона его полномочия по руководству войсками национальной гвардии, определению их задач, в том числе по поддержанию гражданского мира и согласия в стране.

Обсуждение и заключение

1. Взаимосвязанность конституционных функций Президента по поддержанию гражданского мира и согласия в стране и гарантированию Конституции проявляется в призвании главы Российской государства обеспечить взаимодействие государства и гражданского общества на основе и во исполнение общенациональных, исторических, культурных, духовных ценностей, закрепленных в ст. 67.1, 68.1 и 69.1 Конституции.

2. Президент призван гарантировать соблюдение положений Конституции, охрану и защиту прав и свобод человека и гражданина, в том числе в части поддержания гражданского мира и согласия в стране. В этой связи представляется обоснованным дополнение Положения «О Совете при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека», утвержденного Указом Президента от 1 февраля 2011 г. № 120, нормой о том, что этот консультативный орган при Президенте существует процессам поддержания гражданского мира и согласия в стране и реализации соответствующих конституционных функций и полномочий Президента, а также осуществляет подготовку предложений Президенту по вопросам взаимодействия с правозащитными общественными объединениями и иными структурами гражданского общества, в том числе в целях поддержания гражданского мира и согласия в стране.

¹⁰ См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 1. Ст. 2.

¹¹ См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 27 (ч. I). Ст. 4159.

3. Исходя из взаимосвязанности исследуемой функции с функцией Президента по обеспечению согласованного функционирования и взаимодействия органов, входящих в единую систему публичной власти, представляется обоснованным дополнение ч. 1 ст. 29 Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» таким основанием для вынесения Президентом предупреждения высшему должностному лицу субъекта Российской Федерации, как издание нормативного правового акта, который повлек или может повлечь за собой нарушение гражданского мира и согласия в стране. При этом такого рода причинно-следственная связь и угрозы устанавливаются соответствующим судом, а высшее должностное лицо субъекта обязуется в течение двух месяцев со дня вступления в силу решения суда либо в течение иного предусмотренного им срока принять в пределах своих полномочий меры по исполнению судебного решения.

4. К числу полномочий Президента по реализации конституционной функции поддержания гражданского мира и согласия в стране следует отнести закрепленные в ст. 6 Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» его полномочия по руководству войсками национальной гвардии, определению их задач, в том числе в данной области его деятельности.

Список источников

1. Федоскин Н. Н., Гапонов О. Н. Преамбула Конституции Российской Федерации и ее политico-правовое значение // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2018. № 1 (2). С. 127–130.
2. Эбзеев Б. С. Государство как «образ и действительность разума», или Конституция России о гражданском мире // Государство и право. 2022. № 8. С. 7–20. DOI: 10.31857/S102694520021572-0.
3. Умнова-Конюхова И. А., Алешкова И. А., Попова С. П. и др. Применение Конституции Российской Федерации как правовая гарантия гражданского мира и безопасности государства / под ред. И. А. Умновой-Конюховой. М. : РГУП, 2017. 196 с.
4. Линкин В. Н. О системе политico-правовых ценностей, закрепленных в преамбулах конституций бывших республик СССР // Северо-Кавказский юридический вестник. 2019. № 3. С. 38–44. DOI: 10.22394/2074-7306-2019-1-3-38-44.
5. Путин В. В. Россия: национальный вопрос // Вестник Российской нации. 2012. № 1 (21). С. 13–25.
6. Абаева Е. А. Поддержание гражданского мира и согласия в современной парадигме президентской власти // Международное и отечественное право : сб. науч. ст. по итогам VI Севастопол. юрид. фо-

- рума, Севастополь, 22–23 сент. 2023 г. Тюмень : ТюмГУ-Press, 2023. С. 59–63.
7. Конджакулян К. М. Правовые основы суперпрезидентства в Российской Федерации: новые конституционные изменения // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 12. С. 42–45. DOI: 10.18572/1813-1247-2020-12-42-45.
 8. Опалева А. А., Опалев А. В., Яковлев К. А. Правовая гармонизация интересов личности, общества и государства как условие поддержания гражданского мира и согласия // Современное право. 2024. № 4. С. 25–30.
 9. Полунина И. Е. Глава Российского государства как гарант Конституции Российской Федерации: теоретико-правовые аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2010. 22 с.
 10. Авакьян С. А. Публичная власть и представительство: организационные, социальные и персоналистические начала (конституционно-правовой взгляд) // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 11. С. 20–30.
 11. Побежимова Н. И., Щербаков Н. С. Президентский контроль в России, его место и роль в публичной власти // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. 2022. № 5. С. 135–142 DOI: 10.5245/19931778_2022_5_135.
 12. Шепелев М. А. Президент России как субъект верховной власти: заметки о сути конституционной реформы // Вестник социально-гуманитарных исследований. 2020. Т. 3, № 2. С. 6–24.
 13. Пругло В. Т. Формирование административно-правовой основы гражданского мира и согласия в субъектах Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 24 с.
 14. Тетерин А. В. Президент Российской Федерации как гарант мира и согласия в стране // Государственная власть и местное самоуправление. 2021. № 7. С. 11–15. DOI: 10.18572/1813-1247-2021-7-11-15.
 15. Безруков А. В., Чугаев В. В. Институт главы государства в механизме укрепления государственного единства и правопорядка (теоретико-историческое и конституционно-правовое осмысление) // Правоприменение. 2018. Т. 2, № 1. С. 40–53. DOI: 10.24147/2542-1514.2018.2(1).40-53.

References

1. Fedoskin, N. N., Gaponov, O. N. Preamble to the Constitution of the Russian Federation and its political and legal significance. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk natsional'noj gvardii* = [Bulletin of the St. Petersburg Military Institute of the National Guard Troops]. 2018;(1):127-130. (In Russ.)

2. Ebzeev, B. S. The state as “Image and reality of reason”, or the Constitution of Russia on civil peace. *State and Law*. 2022;(8):7-20. (In Russ.) DOI: 10.31857/S102694520021572-0.
3. Umnova-Konyukhova, I. A., Aleshkova, I. A., Popova, S. P., et al. *[Application of the Constitution of the Russian Federation as a legal guarantee of civil peace and state security]*. Ed. I. A. Umnova-Konyukhova. Moscow: Russian State University of Justice; 2017. 196 p. (In Russ.)
4. Linkin, V. N. On the system of political and legal values enshrined in the preambles of the constitutions of the former republics of the USSR. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2019;(3):38-44 (In Russ.) DOI: 10.22394/2074-7306-2019-1-3-38-44.
5. Putin, V. V. Russia: the national question. *Vestnik Rossiyskoy natsii = [Bulletin of the Russian Nation]*. 2012;(1):13-25. (In Russ.)
6. Abaeva, E. A. Maintaining civil peace and harmony in the modern paradigm of presidential power. *Mezhdunarodnoe i otechestvennoe pravo = [International and Domestic Law]*. Collection of scientific articles following the results of the VI Sevastopol Legal Forum, Sevastopol, September 22-23, 2023. Tyumen: Tyumen State University Press; 2023. Pp. 59-63. (In Russ.)
7. Konjakulyan, K. M. Legal bases of superpresidency in the Russian Federation: new constitutional changes. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie = [State Power and Local Self-Government]*. 2020;(12):42-45. (In Russ.). DOI: 10.18572/1813-1247-2020-12-42-45. (In Russ.)
8. Opaleva, A. A., Opalev, A. V., Yakovlev, K. L. Legal harmonization of the interests of the individual, society and the state as a condition for maintaining civil peace and harmony. *Sovremennoe pravo = [Modern Law]*. 2024;(4):25-30 (In Russ.)
9. Polunina, I. E. *[The Head of the Russian State as the guarantor of the Constitution of the Russian Federation: theoretical and legal aspects]*. Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Stavropol; 2010. 22 p. (In Russ.)
10. Avakyan, S. A. Public power and representation: organizational, social and personalistics fundamentals (constitutional-law viewpoint). *Konstitutionnoe i munitsipal'noe pravo = [Constitutional and Municipal Law]*. 2014;(11):20-30. (In Russ.)
11. Pobezhimova, N. I., Shcherbakov, N. S. Presidential control in Russia, its place and role in public power. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod*. 2022;(5):135-142. (In Russ.) DOI: 10.52452/19931778_2022_5_135.
12. Shepelev, M. A. The President of Russia as a subject of supreme power: notes about the essence of constitutional reform. *Bulletin of Social and Humanitarian Studies*. 2020;3(2):6-24 (In Russ.)
13. Pruglo, V. T. *[Formation of the administrative and legal basis for civil peace and harmony in the subjects of the Russian Federation]*. Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 2004. 24 p. (In Russ.)

14. Teterin, A. V. The President of the Russian Federation as a guarantor of peace and reconciliation in the country. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie* = [State Power and Local Self-Government]. 2021;(7):11-15. (In Russ.) DOI: 10.18572/1813-1247-2021-7-11-15.
15. Bezrukov, A. V., Chugaev, V. V. The institute of head of the state in the mechanism of strengthening state unity and the rule of law (theoretical-historical and constitutional-legal interpretation). *Law Enforcement Review*. 2018;2(1):40-53. (In Russ.) DOI: 10.24147/2542-1514.2018.2(1).40-53.

Информация об авторе / Information about the author

Писарев Александр Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права имени Н. В. Витрука Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (Российская Федерация, 117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69). **Alexander N. Pisarev**, Dr. Sci. (Law), Professor, Professor at the Vitruk Constitutional Law Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev (69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 16.01.2025; одобрена после рецензирования 04.02.2025; принята к публикации 24.06.2025.

The article was submitted 16.01.2025; approved after reviewing 04.02.2025; accepted for publication 24.06.2025.

Научная статья**УДК 342.25****DOI: 10.37399/2686-9241.2025.3.85-97**

Правосудие в системе правовой защиты местного самоуправления

Светлана Павловна Попова

Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Москва, Российская Федерация
sp-8585@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4959-8739>

Аннотация

Введение. В статье представлен комплексный анализ значения правосудия в системе правовой защиты местного самоуправления на современном этапе развития российского государства.

Теоретические основы. Методы. Теоретическую основу исследования составили труды ученых-правоведов по вопросам правосудия. Методологической основой исследования послужил комплекс философских, общенаучных и частнонаучных методов познания.

Результаты исследования. Выявлено разнообразие взглядов и суждений ученых по вопросам о месте правосудия в механизме правовой защиты местного самоуправления. Констатируется, что местное самоуправление – это демократический институт, его основное назначение состоит в народовластии и обеспечении адекватного влияния муниципальных сообществ на систему органов публичной власти. Судебная система и правосудие конституционно обязаны поддерживать муниципальную демократию доступными и разумными юридическими средствами. В настоящее время местное самоуправление переживает очередную организационно-территориальную реформу в результате принятия нового Федерального закона от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ, начался новый период его развития в рамках единой системы публичной власти. Однако в силу поправок действующего законодательства продолжается расширение предмета рассмотрения споров судебной властью в сфере местного самоуправления.

Обсуждение и заключение. В результате проведенного исследования формулируются выводы о том, что судебный процесс с участием органов публичной власти (в частности, органов местного самоуправления) должен рассматриваться не как первостепенный инструмент защиты, а как правомерное средство обеспечения единства системы публичной власти в случаях, когда споры между федеральной, региональной и местной властями нуждаются в беспристрастном разрешении. Отмечается, что именно обращение в суд является отправной точкой движения субъектов местного самоуправления к правовой защите своих прав.

Ключевые слова: правовая защита, правосудие, местное самоуправление, органы местного самоуправления

Для цитирования: Попова С. П. Правосудие в системе правовой защиты местного самоуправления // Правосудие/Justice. 2025. Т. 7, № 3. С. 85–97. DOI: 10.37399/2686-9241.2025.3.85-97.

Original article

Justice in the System of Local Self-Government Legal Protection

Svetlana P. Popova

*Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev,
Moscow, Russian Federation
sp-8585@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4959-8739>*

Abstract

Introduction. This scientific article presents a comprehensive analysis of justice importance in the system of local self-government legal protection at current stage of the Russian state development.

Theoretical Basis. Methods. The theoretical basis of the study was the works of legal scholars on justice issues. The methodological basis of the study is a complex of philosophical, general scientific and special scientific methods of cognition.

Results. The diversity of the scientists' views and judgements on the place of justice in the mechanism of local self-government legal protection has been revealed. It is stated that local self-government is a democratic institution and its basic idea is democracy and ensuring adequate influence of municipal communities on the system of public authorities. The judiciary and justice system are constitutionally obliged to support municipal democracy using available and reasonable legal means. Currently, local self-government is undergoing another organizational and territorial reform, the new Federal Law No. 33-FZ of 20 March 2025 comes into force, after the adoption of which, undoubtedly, a new period of its development will begin within the framework of a single system of public authority. However, as part of the amendments to the current legislation, the subject of consideration of disputes by the judicial branch in the field of local self-government continues to expand.

Discussion and Conclusion. The conducted research draws conclusions that any judicial process involving public authorities (in particular local authority) should be considered not as a primary protection tool but as a legitimate mean to ensure the unity of public power system in cases where disputes between federal, regional and local authorities need an impartial resolution. It is noted that the appeal to the court is exactly the starting point of the movement of local self-government entities to legal protection of their rights.

Keywords: legal protection, justice, local government, local government bodies

For citation: Popova, S. P. Justice in the system of local self-government legal protection. *Pravosudie/Justice.* 2025;7(3):85-97. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2025.3.85-97.

Введение

Правовая защита местного самоуправления как института публичной власти предопределяет и гарантирует само существование местного самоуправления. Термин «правовая защита» используется законодателем в ч. 3 ст. 46 Конституции Российской Федерации.

В классической формулировке «правовая защита – основанная на нормах действующего законодательства, осуществляемая с помощью право-

вых средств деятельность государства, специально уполномоченного органа, должностного лица либо самого человека, направленная на защиту и охрану основных прав и свобод личности» [1].

Следуя логике данного исследования, под правовой защитой местного самоуправления предлагаем понимать правовую деятельность государства, специально уполномоченного органа, органа или должностного лица местного самоуправления, общественных объединений, населения и граждан, осуществляющую с помощью правовых средств, основанную на нормах Конституции Российской Федерации и действующего законодательства, направленную на защиту и охрану местного самоуправления на территории Российской Федерации.

В классическом понимании юридической науки понятие «защита» всегда применяется в ситуациях нарушения каких-либо прав, понятие «охрана» используется при характеристике определенной деятельности субъекта с учетом предупреждения возможных нарушений.

Правовая защита местного самоуправления включает такие элементы, как:

- система органов, в компетенцию которых входят охрана и защита института местного самоуправления,
- правовые и индивидуальные акты, регулирующие организацию, функционирование и развитие местного самоуправления, его взаимодействие с иными субъектами отношений,
- совокупность правоотношений, возникающих в процессе охраны и защиты местного самоуправления.

Конституционные положения позволяют определить содержание понятия правосудия как механизма реализации судебной власти, осуществляющей от имени государства только судом (судьей) в форме конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства. Из этого также следует, что понятия правосудия и судопроизводства не тождественны. Правосудие – основная, наиболее важная составная часть судопроизводства. Целью осуществления правосудия всегда является вынесение судебного решения на основе права и справедливости независимо от статуса спорящих субъектов.

Теоретические основы. Методы

Теоретическую основу представленной научной статьи составляют труды отечественных и современных исследователей в области правовой защиты местного самоуправления в Российской Федерации.

Методологической основой настоящего исследования стал комплекс философских (диалектический), общенаучных (анализ, синтез, обобщение, системный) и частнонаучных методов (конкретно-социологический, сравнительно-правовой, системного анализа и т. д.).

Результаты исследования

Анализ специальной юридической литературы показывает разнообразие взглядов и суждений ученых относительно сущности правосудия, консти-

туционного предназначения судебной власти и ее роли в механизме правовой защиты местного самоуправления¹. Б. С. Эбзеев заметил, что правовое регулирование не является «самодостаточным», ему должна быть поставлена в корреспонденцию «...такая организация социума, которая могла бы противостоять всяким покушениям» на закон. Следовательно, судебная власть – это «гарантия» реализации норм законодательства в фактических общественных отношениях [4, с. 493]. Данная мысль является своего рода развивающим продолжением концепции русской дореволюционной юридической школы, в которой раскрывалось социальное предназначение юстиции и правосудия. Б. Н. Чичерин утверждал, что «отправление правосудия» – это «воздаяние каждому должного на основании закона» [5, с. 335]; по мнению Ф. Ф. Кокошкина, основная функция суда заключается в «охране юридических норм от нарушений» [6, с. 186].

Можно без преувеличения утверждать, что в вопросе о правовой защите местного самоуправления конституционные функции правосудия расширяются значительно дальше, распространяя свое действие и на отношения институтов власти друг с другом. Если муниципалитеты оспаривают в суде действия или бездействие государственных органов, приобретает юридическое значение также современный тезис «право есть средство защиты единой системы публичной власти от внутренних противоречий». Правосудие при подобных обстоятельствах выступает как один из оптимальных инструментов с конституционно-правовой точки зрения.

В переводе с латинского языка «*justitia*» – это справедливость. С точки зрения английского языка «*justice*» – это, прежде всего, «правда», «честность» и «справедливость». С точки зрения французского языка «*justice*» – это также «справедливость», «правота», «правосудие», «юстиция», «судебное ведомство».

Русскоязычные категории «правосудие» и «юстиция» в этом смысле также близки к категории «справедливость», на что обращают внимание современные ученые [7, с. 32–39]. Правосудие – это не просто деятельность судов и судей, но отправление ими государственной функции на основе конституционных принципов равенства, достоинства личности, беспристрастности, объективности, непредвзятости и др. [8, с. 68, 124, 144, 219].

И. А. Зырянов обращает внимание на противоречие между, с одной стороны, юридическим долженствованием (субъекты правоотношений «обязаны» действовать на основании закона, и лишь при этом условии правовые гарантии защиты проявляют свою эффективность), с другой – реалиями современного государства и общества (низкий уровень правовой культуры, гипертрофированное правосознание отдельных представителей власти и др.). Из этого автором формулируется вывод, что «даже самые совершенные нормативные правовые акты могут не исполняться» [9, с. 208]. Полагаем, что это – важный аргумент в пользу концепции судейской сдер-

¹ Судебная власть и правосудие в Российской Федерации : курс лекций / под ред. В. В. Ершова. М. : РАП, 2011. С. 10–27. См. также: [2, с. 227; 3, с. 70].

жанности. При подобных обстоятельствах судам значительно проще занять правозащитную позицию, установить правонарушение и эффективно восстановить правообладателя в нарушенных правах. Но именно обращение в суд «приводит в движение» механизм правовой защиты. В отсутствие же судебного разбирательства стороны могут руководствоваться интуицией, административным опытом, индивидуальными представлениями о справедливости в обществе и др., но никак не законом и не общеобязательным требованием надлежащего конституционного правопорядка. Данные обстоятельства нередко наблюдаются во взаимоотношениях между государственными и муниципальными органами.

Действующая Конституция Российской Федерации и новый Федеральный закон от 20 марта 2005 г. № 33-ФЗ² (далее – Закон № 33-ФЗ) определяют круг субъектов, обладающих правом на осуществление местного самоуправления:

- граждане Российской Федерации,
- население муниципального образования,
- органы и должностные лица местного самоуправления.

С учетом новых положений указанного Закона о перераспределении полномочий в сфере осуществления местного самоуправления к субъектам, участвующим в решении вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения, относятся и органы государственной власти субъектов Российской Федерации.

Однако далеко не каждый из вышеперечисленных субъектов может представлять интересы муниципального образования при разрешении спорных ситуаций в судах. Так, гражданин Российской Федерации не может быть представителем населения муниципального образования при разрешении споров ни в суде, ни в иных органах публичной власти без специального статуса адвоката, прокурора, должностного лица местного самоуправления. А единоличное обращение гражданина может быть принято судом только при возникновении нарушения его субъективных прав в сфере местного самоуправления решениями, действиями органов или должностных лиц местного самоуправления.

Правомочными представителями интересов населения муниципального образования в суде при возникновении спорных ситуаций являются уполномоченные органы и должностные лица местного самоуправления, а также прокуроры. В частности, например, от имени муниципального образования приобретать и осуществлять имущественные и иные права и обязанности, выступать в суде без доверенности могут глава муниципального образования, глава местной администрации, другие должностные лица местного самоуправления в соответствии с уставом муниципального образования (ст. 64 Закона № 33-ФЗ).

² Федеральный закон от 20 марта 2005 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 12. Ст. 1200.

По данному вопросу весьма интересной представляется позиция Конституционного Суда Российской Федерации, выраженная в определениях от 20 июля 2021 г. № 1375-О³ и 28 декабря 2021 г. № 2941-О⁴.

По смыслу комплексного применения положений п. «а» ч. 4 ст. 125 Конституции Российской Федерации, Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»⁵ и Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»⁶ с жалобой в Конституционный Суд Российской Федерации от имени муниципального образования «...вправе обращаться те органы (выборные должностные лица) местного самоуправления, которые в системе органов местного самоуправления данного муниципального образования наделены общей компетенцией по решению вопросов местного значения посредством осуществления нормотворческой и исполнительно-распорядительной деятельности». Таким образом, Департамент муниципального хозяйства Администрации Надымского района Ямало-Ненецкого автономного округа и Комитет по управлению муниципальной собственностью города Барнаула Алтайского края были расценены Конституционным Судом Российской Федерации как отраслевые (функциональные) органы (структурные подразделения), обеспечивающие исполнение отдельных полномочий по решению вопросов местного значения и отдельных государственных полномочий, переданных органам местного самоуправления муниципального образования федеральными законами и законами субъекта, в соответствии со своей компетенцией, установленной муниципальными правовыми актами (соответствующими уставами и положениями). Исходя из этого, Суд признал, что их обращения не могут быть приняты как исходящие от ненадлежащего органа.

³ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20 июля 2021 г. № 1375-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Комитета по управлению муниципальной собственностью города Барнаула на нарушение конституционных прав муниципального образования городского округа – города Барнаула Алтайского края абзацем третьим пункта 4 статьи 26 Федерального закона “Об электроэнергетике”, абзацем пятым пункта 4 Основных положений функционирования розничных рынков электрической энергии и пунктом 6 Правил недискриминационного доступа к услугам по передаче электрической энергии и оказания этих услуг». Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 декабря 2021 г. № 2941-О «Об отказе в принятии к рассмотрению обращения Департамента муниципального хозяйства Администрации Надымского района о проверке конституционности части 1 статьи 7 Федерального закона “Об организации регулярных перевозок пассажиров и багажа автомобильным транспортом и городским наземным электрическим транспортом в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации”». Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 13. Ст. 1447.

⁶ Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 40. Ст. 3822.

Таким образом, Конституционный Суд Российской Федерации очертил круг субъектов, имеющих право направлять жалобу в рамках конституционного судопроизводства для защиты интересов муниципального образования, что несомненно является элементом гарантирования правовой защиты местного самоуправления.

Представляется, что в данном случае следует подчеркнуть возрастающее значение конституционного судебного процесса, а также и судебно-административного производства, обеспеченного отдельным процессуальным актом – Кодексом административного судопроизводства Российской Федерации. Тенденцию к «унификации» и «универсализации» применительно к функционированию местного самоуправления весьма удачно подчеркнула И. А. Умнова-Конюхова [10, с. 19], что можно было бы распространить и на проблему судебной защиты прав и законных интересов муниципальных образований.

Применительно к вопросу о судебной защите местного самоуправления данная проблематика выглядит более чем актуальной. Местное самоуправление – это демократический институт, его основной смысл состоит в народовластии и обеспечении адекватного влияния муниципальных сообществ на систему органов публичной власти. Это гарантируется периодическими и состязательными выборами, отчетностью глав муниципальных образований и депутатов представительных органов местного самоуправления перед населением, сменяемостью и ротацией муниципальных общественных деятелей и т. д. При подобных обстоятельствах судебная система и правосудие *конституционно обязаны поддерживать муниципальную демократию доступными и разумными юридическими средствами*. Исходя из сложившегося общетеоретического подхода по предмету правового регулирования выделяют конституционно-правовые, гражданско-правовые, уголовно-правовые, административно-правовые и другие виды правовых средств обеспечения муниципальной демократии. Экспертами в сфере местного самоуправления выделяются несколько уровней защиты местного самоуправления, во-первых, индивидуальных и коллективных прав представителей муниципального сообщества и, во-вторых, конституционных основ местного самоуправления⁷. В данном случае это прямо относится и к судебной защите через принятие судебного акта. В целом в первом случае можно выделить юридические средства, применяемые судами, способствующие признанию, восстановлению, пресечению действий, потенциально направленных на нарушение субъективных прав. Во-втором случае – это юридические средства, связанные с признанием недействительным решения акта органа публичной власти или с прямым указанием на принятие данного акта ввиду его отсутствия с целью необходимости регулирования правоотношений в сфере местного самоуправления.

⁷ Шугрина Е. С. Муниципальное право : учеб. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : Инфра-М, 2024. С. 358.

Функционированию и развитию местного самоуправления несомненно способствует система гарантий. По мнению Е. С. Шугриной, отдельную группу гарантий составляют гарантии охраны и защиты местного самоуправления, в их числе большое значение имеют судебная защита и механизмы ответственности органов местного самоуправления, их должностных лиц⁸.

Подробный анализ положений Закона № 33-ФЗ свидетельствует о том, что законодатель использует инструментарий разрешения споров в сфере местного самоуправления именно судом как универсальным арбитром в следующих значимых случаях.

Во-первых, суд в рамках своей компетенции разрешает спорные вопросы отмены муниципальных правовых актов и приостановления их действия (ст. 54).

Во-вторых, при выявлении нарушений законов по вопросам осуществления органами или должностными лицами местного самоуправления отдельных государственных полномочий предписания соответствующих уполномоченных государственных органов могут быть обжалованы в суде (ст. 34).

В-третьих, разрешаются путем осуществления правосудия спорные ситуации, связанные с вопросами назначения и проведения референдумов и выборов на местном уровне (ст. 43, 44).

В-четвертых, судом рассматриваются вопросы, связанные с досрочным прекращением полномочий представительного органа местного самоуправления, главы местной администрации, главы муниципального образования (установление стойкой неспособности по состоянию здоровья осуществлять полномочия главы муниципального образования) и иных лиц, замещающих муниципальные должности, а также споры о признании недееспособным и ограниченно дееспособным старосты населенного пункта (ст. 17, 21, 23, 29, 30, 51).

В-пятых, в судебном порядке устанавливаются факты выявления нецелевого расходования бюджетных средств органами местного самоуправления при осуществлении отдельных переданных государственных полномочий за счет предоставления субвенций местным бюджетам либо нарушения Конституции Российской Федерации, федерального закона, иных нормативных правовых актов (ст. 38).

В-шестых, судом рассматриваются споры об отказе в государственной регистрации устава муниципального образования, муниципального правового акта о внесении изменений и дополнений в устав муниципального образования и о нарушении установленных сроков государственной регистрации устава муниципального образования, муниципального правового акта о внесении изменений и дополнений в устав муниципального образования по инициативе граждан и органов местного самоуправления (ст. 56).

Таким образом, прямое осуществление правосудия судом является формой защиты правовых, организационных, экономических, компетенционных основ местного самоуправления.

⁸ Шугрина Е. С. Указ. соч. С. 349.

Суды связаны конституционными принципами скорого, публичного и беспристрастного отправления правосудия; надлежащей правовой процедуры и защиты процессуально равных участников процедуры. Отчасти на реализации соответствующих правомочий могут настаивать тяжущиеся стороны, однако инструментарий ходатайств, доказывания и изложения перед судом правовой позиции демонстрирует явную недостаточность, во всяком случае, для того, чтобы можно было бы признать наличие абсолютного субъективного права, не подлежащего каким-либо правоограничениям, исходя из требований ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации.

В целом при осуществлении правосудия в сфере местного самоуправления достаточно часто перед судами встает вопрос применения норм-правил, установленных федеральным законом о местном самоуправлении и нормами иных актов, так или иначе связанных с применением принципов местного самоуправления, утвержденных прежде всего ст. 12 и ст. 133 Конституции Российской Федерации. При возникновении коллизий в данной ситуации отмечаем несомненный приоритет принципа местного самоуправления перед нормой-правилом. Принцип по своей природе фундаментален в применении в любой отрасли, местное самоуправление не является в данном случае исключением [11, с. 64–70]. Это неоднократно подчеркивает Конституционный Суд Российской Федерации в своих решениях в сфере местного самоуправления.

Демократическая функция судебной защиты прав и законных интересов муниципалитетов в значительной степени обеспечивается конституционным принципом независимости правосудия. Л. Б. Алексеева подчеркивает, что «орган, именуемый судом, должен быть прежде всего независимым как от других ветвей власти, так и от сторон»⁹. Независимость суда – общее юридическое требование, однако применительно к вопросу о судебной защите прав и законных интересов муниципальных образований оно приобретает специальное значение. Следует учитывать, что суды в современной России (за исключением мировых судей) относятся к структуре *federalных* органов публичной власти. Если исходить из предположения, что спор с участием органов местного самоуправления предполагает конфликт интересов Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, вполне логично было бы ожидать приоритетную защиту *federalных* интересов в ущерб региональным или муниципальным.

Чтобы этого не происходило, конституционное признание местного самоуправления (ст. 12 Конституции Российской Федерации) предполагает, как минимум, соблюдение двух важных юридических гарантий: во-первых, самостоятельность местного самоуправления должна быть *обеспечена законодательно*, во-вторых, достаточная степень автономии местных сообществ нуждается в дополнительном гарантировании *federalной* судебной властью их независимости от других *federalных* государствен-

⁹ Комментарий российского законодательства / отв. ред. В. В. Ершов, Л. Б. Алексеева. М. : РПА, 1997. С. 5.

ных органов при разрешении спорных ситуаций. Следует учитывать, что «федеральные суды» – это не только Конституционный Суд Российской Федерации и Верховный Суд Российской Федерации. Данным статусом обладают все другие органы судебной системы, за исключением мировых судей (до конституционной реформы 2020 г. к числу судов субъектов Российской Федерации относились также конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации, но они были упразднены). В качестве одного из примеров гарантирования судебной властью независимости местного самоуправления можно использовать судебную практику в сфере решения вопросов местного значения или осуществления переданных государственных полномочий. В данном случае суд (подразумеваем Конституционный Суд Российской Федерации) может обязать региональные органы власти принять закон при его отсутствии с целью надлежащего правового регулирования и финансового обеспечения расходных обязательств муниципальных образований и защиты прав местных сообществ. Однако сам механизм контроля за исполнением данного решения Конституционного Суда Российской Федерации не закреплен в законодательстве нашего государства и не определен, этот вопрос поднимался неоднократно как учеными, так и практиками.

Обсуждение и заключение

Таким образом, представляется, что в настоящее время сохраняется ведущая роль правосудия в системе правовой защиты местного самоуправления. Это подтверждается не только доктринальными позициями ученых, правовыми инструментами, четко обозначенными в Конституции Российской Федерации, Законе № 33-ФЗ и иных нормах законодательства России, но и статистикой Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации.

Так, согласно отчету о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских, административных дел по первой инстанции за 2022 г.¹⁰, возникающих из административных и иных публичных правоотношений, где орган местного самоуправления является административным истцом, принято 17 653 дела; окончено с учетом остатка неоконченных дел на начало года 18 476 дел. Принято 40 476 дел, где орган местного самоуправления является административным ответчиком; окончено с учетом остатка неоконченных дел на начало года 53 970.

Согласно аналогичному отчету за 2023 г. принято 13 913 дел, где орган местного самоуправления является административным истцом (окончено с учетом остатка неоконченных дел на начало года 13 323 дела); 54 949 дел, где орган местного самоуправления является административным ответчиком (окончено с учетом остатка неоконченных дел на начало года 70 277 дел).

¹⁰ Утвержден приказом Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 11 апреля 2017 г. № 65 (в ред. приказа от 18.05.2022 № 80). URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=7645>.

Согласно отчету за первое полугодие 2024 г. принято 7810 дел, где орган местного самоуправления является административным истцом (окончено с учетом остатка неоконченных дел на начало года 9185 дел); 30 396 дел, где орган местного самоуправления является административным ответчиком (окончено с учетом остатка неоконченных дел на начало года 37 624 дела). Количество дел, принимаемых судами в исследуемой сфере за 2022–2024 гг., возрастает, органы местного самоуправления чаще являются административными истцами, чем ответчиками.

Для эффективной защиты муниципалитетов от неправомерного вмешательства в их компетенцию со стороны государственной власти суды должны быть как органы государственной власти действительно независимыми от других органов государственной власти. Среди конституционных средств обеспечения данной независимости особое место занимает механизм назначения судей на должность и досрочного прекращения их полномочий. В наши дни конституционный принцип независимости судей считается очевидным, непререкаемым и юридически, безусловно, обязательным [12, с. 13]. Вместе с тем следует учитывать государственно-правовую историю страны и ее вековые традиции.

Необходимость обращения к независимому и беспристрастному правосудию при возникновении споров между органами государственной власти и местного самоуправления, входящими в единую систему публичной власти, во многом обусловлена организационно-правовыми и даже социально-психологическими причинами. Однако это не означает, что к судебной форме юридической защиты прав и законных интересов муниципальных образований следует прибегать во всех возможных случаях. Данная проблематика особенно актуализируется в связи с институционализацией в современной России конституционного принципа единства системы публичной власти. Единство данной системы, в числе прочего, предполагает внутреннюю организованность и непротиворечивость. Для этого целесообразно, в частности, организовывать досудебные механизмы обсуждения и устранения разногласий между органами публичной власти, входящими в единую систему.

Список источников

1. Минникес И. А. Правовая защита: понятие и механизм // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права) : электрон. науч. журн. 2013. № 6. С. 15. URL: <https://brj-bguep.ru/reader/article.aspx?id=18658>.
2. Авакьян С. А. Размышления конституционалиста. М. : МГУ, 2010. 560 с.
3. Бондарь Н. С. Судебный конституционализм: доктрина и практика. М. : Норма, 2021. 528 с.

4. Эбзеев Б. С. Введение в Конституцию России. М. : Норма, 2013. 559 с.
5. Чичерин Б. Н. Общее государственное право. М. : Зерцало, 2006. 505 с.
6. Кокошкин Ф. Ф. Лекции по общему государственному праву. М. : Зерцало, 2004. 260 с.
7. Клеандров М. И. Правосудие и справедливость : моногр. М. : Ин-т государства и права РАН, 2021. 392 с.
8. Пресняков М. В. Конституционная концепция принципа справедливости. М. : ДМК Пресс, 2009. 384 с.
9. Зырянов И. А. Политическое многообразие в Российской Федерации: конституционно-правовые вопросы. Саратов : СГЮА, 2020. 340 с.
10. Конюхова (Умнова-Конюхова) И. А. Международное и конституционное право: теория и практика взаимодействия. М. : Формула права, 2006. 496 с.
11. Корнев В. Н. Эволюция доктрины принципов права в отечественной юридической науке // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. 1 (41). С. 64–70. DOI: 10.24411/2078-5356-2018-00008.
12. Шеломанова Л. В. Независимость судей как конституционный принцип правосудия : дис. ... канд. юрид. наук. Орел, 2013. 157 с.

References

1. Minnikes, I. A. Legal defense: notion and mechanism. *Baikal Research Journal*. 2013;(6):15. (In Russ.) URL: <https://brj-bguep.ru/reader/article.aspx?id=18658>.
2. Avakian, S. A. *[Reflections of a constitutionalist]*. Moscow: Moscow State University; 2010. 560 p. (In Russ.)
3. Bondar, N. S. *[Judicial constitutionalism: doctrine and practice]*. Moscow: Norma; 2021. 528 p. (In Russ.)
4. Ebzeev, B. S. *[Introduction to the Constitution of Russia]*. Moscow: Norma; 2013. 559 p. (In Russ.)
5. Chicherin, B. N. *[General state law]*. Moscow: Zertsalo; 2006. 505 p. (In Russ.)
6. Kokoshkin, F. F. *[Lectures on general state law]*. Moscow: Zertsalo; 2004. 260 p. (In Russ.)
7. Kleandrov, M. I. *[Legal proceedings and justice]*. Monograph. Moscow: Institut of State and Law; 2021. 392 p. (In Russ.)
8. Presnyakov, M. V. *[The constitutional concept of the principle of justice]*. Moscow: DMK Press; 2009. 384 p. (In Russ.)
9. Zyryanov, I. A. *[Political diversity in the Russian Federation: constitutional and legal issues]*. Saratov: Saratov State Law Academy; 2020. 340 p. (In Russ.)

10. Koniukhova (Umnova-Koniukhova), I. A. *[International and constitutional law: theory and practice of interaction]*. Moscow: Formula prava; 2006. 496 p. (In Russ.)
11. Kornev, V. N. The evolution of the doctrine principles of law in Russian legal science. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2018;(1):64-70. (In Russ.) DOI: 10.24411/2078-5356-2018-00008.
12. Shelomanova, L. V. *[Independence of judges as a constitutional principle of justice]*. Cand. Sci. (Law) Dissertation. Orel; 2013. 157 p. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

Попова Светлана Павловна, заместитель заведующего по научной работе, старший преподаватель кафедры конституционного права имени Н. В. Витрука Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (Российская Федерация, 117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69).

Svetlana P. Popova, Deputy Chief for Science, Senior Lecturer at the Vitruk Constitutional Law Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev (69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 02.12.2024; одобрена после рецензирования 16.01.2025; принята к публикации 24.06.2025.
The article was submitted 02.12.2024; approved after reviewing 16.01.2025; accepted for publication 24.06.2025.

Научная статья

УДК 349.2

DOI: 10.37399/2686-9241.2025.3.98-108

Дифференциация правовых и индивидуальных регуляторов трудовых правоотношений

Валентин Валентинович Ершов (мл.)

Москва, Российская Федерация

ershov_valentin@mail.ru

Аннотация

Введение. В статье исследованы общенаучные, теоретические, отраслевые и практические аргументы, доказывающие необходимость дифференциации правовых и индивидуальных регуляторов трудовых правоотношений. В работе проанализированы спорные вопросы, в том числе «меры организации» правовых регуляторов; фактических трудовых правоотношений, находящихся в сфере правового регулирования; правовых и индивидуальных регуляторов трудовых правоотношений; диалектической взаимосвязи трудовых правоотношений и индивидуального трудового правоотношения.

Теоретические основы. Методы. Теоретическую основу составляют работы К. Маркса, Ф. Энгельса, труды ученых в области теории государства и права, трудового права. Использованы общенаучные методы: анализ, синтез, систематизация. Кроме того, автор выстроил свои суждения на основе сравнительного анализа, формально-юридического и герменевтического методов исследования.

Результаты исследования. Проведен сравнительный анализ правового и индивидуального регулирования трудовых правоотношений. В результате изучения сформирован вывод о том, что общенаучно и теоретически спорно, а практически недостаточно продуктивно синтезировать правовые и индивидуальные регуляторы трудовых правоотношений.

Ключевые слова: правоотношения, трудовые правоотношения, фактические трудовые правоотношения, общенаучные аргументы, «меры организации», правовые регуляторы, индивидуальные регуляторы, сфера правового регулирования, индивидуальное трудовое правоотношение, «общие» признаки, «единичные» признаки

Для цитирования: Ершов В. В. (мл.). Дифференциация правовых и индивидуальных регуляторов трудовых правоотношений // Правосудие/Justice. 2025. Т. 7, № 3. С. 98–108. DOI: 10.37399/2686-9241.2025.3.98-108.

Original article

Differentiation of Legal and Individual Regulators of Labor Relations

Valentin V. Ershov, Jr.

Moscow, Russian Federation

ershov_valentin@mail.ru

Abstract

Introduction. The article examines general scientific, theoretical, industry and practical arguments proving the need to differentiate legal and individual regulators of labor relations. The work analyzes controversial issues, including “measures for organizing” legal regulators; actual labor relations within the sphere of legal regulation; legal and individual regulators of labor relations; dialectical relationship between labor relations and individual labor relations.

Theoretical Basis. Methods. The theoretical basis is formed by the works of K. Marx, F. Engels, works of scientists in the field of theory of state and law, labor law. General scientific methods are used: analysis, synthesis, systematization. In addition, the author based his judgments on comparative analysis, formal-legal and hermeneutic research methods.

Results. A comparative analysis of legal and individual regulation of labor relations was carried out. As a result of the study, a conclusion was drawn that it is generally scientifically and theoretically controversial, and practically not productive enough, to synthesize legal and individual regulators.

Keywords: legal relations, labor relations, actual labor relations, general scientific arguments, “organizational measures”, legal regulators, individual regulators, sphere of legal regulation, individual labor relations, “general” features, “individual” features

For citation: Ershov, V. V., Jr. Differentiation of legal and individual regulators of labor relations. *Pravosudie/Justice*. 2025;7(3):98-108. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2025.3.98-108.

Исследованию как проблем общей теории права, так и актуальных спорных отраслевых вопросов, в том числе трудового права, с целью их более глубокого и системного анализа содействует изучение фундаментальных общенаучных положений, а также объективной историей становления и развития соответствующих правовых категорий. Например, Ф. Энгельс констатировал: «На известной, весьма низкой ступени развития общества возникает потребность охватить общим правилом повторяющиеся изо дня в день акты производства, распределения и обмена продуктов, позаботиться о том, чтобы индивид подчинился общим условиям производства и обмена. Это правило, вначале выражющееся в обычаяе, становится затем законом. Вместе с законом... возникают и органы, которым поручается его соблюдение, – публичная власть, государство» [1, с. 576] (курсив мой. – В. Е.). Н. Винер, признанный основатель кибернетики, обоснованно конкретизировал точку зрения Ф. Энгельса: общественные отношения – «объективное содержание, полученное из внешнего мира... возможно только на

пути исследования сигналов и... средств связи, а теория управления является... частью теории информации... мерой организации сложной системы» [2, с. 30] (курсив мой. – B. E.).

Приведенные теоретические положения имеют основополагающий характер, что позволяет сделать следующие предварительные теоретические выводы. Первый: общественные отношения индивидов являются объективными и первичными. Второй: индивиды в соответствии с актуальными общественными отношениями вырабатывали разнообразные «меры организации», в целом называвшиеся «общими правилами», которые по своей природе возможно признавать вторичными. Третий: индивиды в «процессе» приспособления к развивающимся общественным отношениям, на первом этапе называвшимся «юридическими отношениями» (*juris vinculum*), а в дальнейшем – «правоотношениями», начали вырабатывать более определенные, обязательные и исполняемые «меры» их организации», например обычаи права и законы, а также иные правовые регуляторы правоотношений.

При таком теоретическом подходе, полагаю, трудовые правоотношения обоснованно рассматривать в качестве разновидности правоотношений, урегулированных общими и специальными правовыми регуляторами, «организующими» трудовые права и обязанности неопределенного числа их участников. Вместе с тем трудовые права и обязанности конкретного работника и работодателя в индивидуальных трудовых правоотношениях основываются на правовых регуляторах и устанавливаются трудовым договором.

К сожалению, действующий в настоящее время Трудовой кодекс Российской Федерации (ТК РФ) не содержит термин «трудовое правоотношение» и не устанавливает различий между понятиями «трудовые правоотношения» и «трудовой договор». Предлагаю выработать необходимые термины и произвести их разграничение. В том числе главу 3 ТК РФ «Общие положения» дополнить статьей «Трудовые правоотношения – разновидность правоотношений, урегулированных общими и специальными правовыми регуляторами, организующими трудовые права и обязанности неопределенного числа их участников».

С. С. Алексеев в работе «Механизм правового регулирования в социалистическом государстве», к сожалению, связал «правовое регулирование общественных отношений» с «механизмом», по его мнению, «включающим в себя всю совокупность юридических средств» [3, с. 5]. В следующей работе, изданной в 1995 г., автор уточнил свою точку зрения: «Правовое регулирование – это осуществляемое при помощи системы правовых средств (юридических норм, правоотношений, индивидуальных предписаний и др.) результирующе-организационное воздействие на общественные отношения с целью их упорядочения, охраны, развития» [4, с. 209] (курсив мой. – B. E.). Однако «юридические нормы», «правоотношения» и «индивидуальные предписания» и другие «юридические средства», оказывающие «результативно-организационное» воздействие на «общественные отношения», несомненно имеют различную природу. Например, юридические нормы – раз-

новидность правовых регуляторов правоотношений, а правоотношения – один из видов общественных отношений, «организованных» правовыми регуляторами.

Приведенная позиция получила распространение. Например, В. М. Горшнев утверждал: «Договоры, наряду с актами применения права, являются индивидуальными актами и выполняют регулятивную функцию» [5, с. 388]. Следует подчеркнуть: данная точка зрения нашла отражение также в курсе «Марксистско-ленинская общая теория государства и права», изданном в 1973 г. В частности, в этой работе констатировалось: компетентный орган осуществляет индивидуальное регулирование общественных отношений, которое носит поднормативный характер [6, с. 102].

В Юридическом энциклопедическом словаре содержится уже другой вывод: «Правовое регулирование – форма регулирования общественных отношений, посредством которой поведение их участников приводится в соответствие с требованиями и дозволениями, содержащимися в нормах права. Предполагает осознание субъектами права своих прав и обязанностей, в которых содержится государственная воля, выступающая в виде требований – обязанностей и дозволений...»¹

В конце XX – начале XXI в. многие научные работники начали активно использовать категорию индивидуального правового регулирования «общественных отношений», сущность которой состоит не в дифференциации, а в синтезировании правовых и индивидуальных регуляторов правоотношений. Так, С. Г. Краснояржский в 1990 г. в кандидатской диссертации «Индивидуальное правовое регулирование в советском обществе: (вопросы теории и практики)» пришел, думаю, к неубедительному выводу: «Индивидуальное правовое регулирование – осуществляемый на стадии реализации юридических норм вид правомерной деятельности субъектов права, направленный на упорядочение общественных отношений путем конкретизации масштабов поведения их персональных участников...» [7, с. 22].

В 2008 году Н. И. Дивеева в докторской диссертации «Теоретические проблемы индивидуального правового регулирования трудовых отношений» сформулировала, на мой взгляд, теоретически дискуссионный вывод: «...индивидуальное правовое регулирование трудовых отношений определяется как формализованная в индивидуальных правовых актах правомерная деятельность работника и работодателя (иногда при посредстве юрисдикционных и контрольно-надзорных органов) по нормированию субъективных трудовых прав и обязанностей на основе свободного усмотрения субъектов такой деятельности в границах существующего правопорядка» [8, с. 12]. Далее Н. И. Дивеева выделила два вида индивидуального правового регулирования трудовых «отношений»: автономное (договорное) и право-применительное. По ее мнению, «...автономное (договорное) индивидуальное правовое регулирование трудовых отношений базируется на независи-

¹ Юридический энциклопедический словарь / гл. ред. А. Я. Сухарев. М. : Сов. энцикл., 1984. С. 277.

мости, формальном равенстве субъектов, их способности к саморегуляции общественных отношений без употребления властных элементов и обращения в юрисдикционные органы... Правоприменительное индивидуальное правовое регулирование основывается на отношениях субординации и не связывается в трудовом праве только с деятельностью государственных органов» [8, с. 12, 13].

В изложенных позициях Н. И. Дивеевой прежде всего поражает фраза: «...на основе свободного усмотрения субъектов... деятельности», но «в границах существующего правопорядка». На мой взгляд, в трудовых правоотношениях деятельность неопределенного числа их субъектов «организуется» «в границах существующего правопорядка», в соответствии с общими и специальными правовыми регуляторами, а не «на основе свободного усмотрения субъектов такой деятельности». Кроме того, выводы, сформулированные автором в п. 4 раздела о новизне диссертации, порождают несколько риторических вопросов. Например, первый: «автономно» ли «договорное» «индивидуальное правовое регулирование», «базирующееся» на «независимости», в частности, от национальных «мер» «организации»? Второй: предполагает ли Н. И. Дивеева наличие каких-либо пределов «саморегуляции общественных отношений без употребления властных элементов и обращения в юрисдикционные органы»? Ведь в соответствии с приведенными в статье общенаучными и теоретическими аргументами индивидуальные трудовые правоотношения конкретных работника и работодателя возникают на основании правовых регуляторов, в том числе предусматривающих способы защиты трудовых прав и свобод (ст. 352 ТК РФ), в частности судебную защиту.

Напомню: 1 декабря 2007 г. в России был принят Федеральный закон № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях»². Возможно, и в этой связи в специальной литературе возникла дискуссия о «пределах общественных отношений без употребления властных элементов и обращения в юрисдикционные органы».

Так, Ю. Г. Лескова в 2013 г. защитила докторскую диссертацию «Саморегулирование как правовой способ организации предпринимательских отношений: проблемы теории и практики». В этой работе Ю. Г. Лескова подтвердила истоки концепции: «Саморегулирование следует признать одним из необходимых элементов механизма правового регулирования предпринимательских отношений» [9, с. 14] (курсив мой. – В. Е.). Вместе с тем автор признала сложность самого понятия «саморегулирование», поскольку в силу взаимодействия частноправовых и публично-правовых начал в предпринимательском праве происходят «...внедрение саморегулирования в материю, носящую по своей природе публично-правовой характер; включение в саморегулирование отдельных элементов публично-правового воздействия на субъектов частного права...» [9, с. 15] (курсив мой. – В. Е.).

«Организацию» трудовых правоотношений как неопределенного числа участников, так и индивидуального трудового правоотношения кон-

² Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

крайнего работника и работодателя, на мой взгляд, обеспечивают общие и специальные правовые регуляторы, прежде всего принципы и нормы права. Конкретные трудовые права работника и работодателя в индивидуальном трудовом правоотношении определяются трудовым договором. Как представляется, имеющиеся правовые регуляторы трудовых правоотношений возможно реализовывать в случаях, когда устанавливаются сходные трудовые правоотношения, урегулированные правовыми регуляторами, и не «организованные» фактические трудовые правоотношения, находящиеся в сфере правового регулирования.

К сожалению, в действующем ТК РФ отсутствует статья о применении правовых регуляторов трудовых правоотношений по аналогии, в то время как в Гражданском кодексе Российской Федерации (ГК РФ) имеется ст. 6 «Применение гражданского законодательства по аналогии». Эта ситуация порождает несколько вопросов. Например, первый: кто может «применять» законодательство по аналогии? Как известно, в общей теории права понятие «применение» традиционно рассматривается в качестве компетенции лишь органов государственной власти, например суда. Второй: почему лишь «законодательство» может применяться по аналогии? Если «меры» «организации» трудовых правоотношений – актуальные общие и специальные регуляторы, то, полагаю, существующая редакция ст. 6 ГК РФ представляется недостаточной. Предлагаю создать специальную рабочую группу для дополнительного изучения данного дискуссионного вопроса и выработки предложений по подготовке проекта соответствующей статьи для включения в ТК РФ с рабочим названием «Реализация правовых регуляторов трудовых правоотношений по аналогии».

Исходя из концепции юридического позитивизма, реализацию общих принципов «организации» правоотношений не признавал В. И. Левшин. Так, в кандидатской диссертации «Динамичность советского права и восполнение пробелов в законодательстве», защищенной в 1971 г., он писал: «...обычное действие правовых принципов заключается в том, что они действуют опосредованно... через применяемую норму права» [10, с. 80]. Оценивая эту позицию, приведем норму ч. 1 ст. 15 Конституции России: «Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации. Законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции Российской Федерации» (курсив мой. – В. Е.). Характерно, что в ч. 4 этой же статьи Конституции констатируется: «Общепризнанные принципы ... международного права... являются составной частью ее правовой системы». Думаю, убедительно подтверждает данную точку зрения и ст. 2 ТК РФ, называющаяся «Основные принципы правового регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений» (курсив мой. – В. Е.).

Как представляется, процитированные статьи, содержащиеся в Конституции России и ТК РФ, убедительно подтверждают позицию автора данной

работы, согласно которой принципы права – это первичные правовые регуляторы правоотношений, в том числе трудовых правоотношений.

Общенаучно и теоретически не убедительной, а практически не продуктивной представляется и точка зрения В. И. Леушина об индивидуальном регулировании правоотношений лишь при частичном пробеле в праве, т. е. когда имеет место неполнота правовой нормы [10, с. 130]. Индивидуальное регулирование, по мнению этого автора, «...восполняет недостаточную регламентацию вопросов в диспозиции правовой нормы... область индивидуального регулирования является как бы “промежуточной” между правовой и неправовой сферами» [10, с. 138]. Полагаю, вывод В. И. Леушина о выделении «промежуточной» области между правовой и неправовой сферами не подтвержден какими-либо убедительными доводами и противоречит проанализированным в статье общенаучным и теоретическим аргументам.

Так, еще в 1904 г. Г. В. Демченко обоснованно утверждал: «Нельзя же требовать от общего закона того, что он дать не в состоянии; нельзя требовать, чтобы он охватил всю правовую жизнь общества в ее мельчайших подробностях... Дать общее руководство, ввести в необходимые пределы деятельность суда, указать ему пути и средства действия – вот что под силу законодателю» [11, с. 345]. В. В. Лазарев, убедительно выделив «сферу правового регулирования», еще в 1970 г. пришел к выводу: «Сфера правового регулирования, а не “промежуточная” (как ее определял В. И. Леушин. – В. Е.) есть совокупность отношений, складывающихся между людьми, сопровождающих их жизненных фактов и обстоятельств, которые объективно могут и с точки зрения современных задач государства должны быть или уже подвергнуты правовой регламентации» [12, с. 38].

В. В. Глазырин и В. И. Никитинский также обращались к проблеме дифференциации сфер правового и индивидуального регулирования общественных отношений и пришли, думаю, к достаточно обоснованному выводу. «Главным критерием... разграничения, – считали ученые, – может служить следующее правило: общие свойства объектов правового воздействия, существенные для правового регулирования данного вида общественных отношений, должны найти отражение в норме права... Индивидуальные же характеристики объектов отражаются на уровне правоприменения...» [13, с. 16].

В развитие этой позиции отмечу, во-первых, общенаучно точнее не ограничиваться констатацией «общих свойств объектов правового воздействия». Думаю, продуктивнее для нашей цели исходить из абстрактных и относительно определенных «мер» «организации» правоотношений, в том числе трудовых правоотношений. Во-вторых, теоретически более обоснованно признать: не «должны найти отражение в норме права», но быть «организованными» «мерами» правового регулирования, в частности принципами и нормами права. В-третьих, конкретные же индивидуальные правоотношения, в частности индивидуальные трудовые правоотношения, учитывая определенное число их участников, следуют «организовывать» ин-

дивидуальным соглашением – трудовым договором, а не регулировать «на уровне правоприменения».

Показательна позиция профессора В. В. Ершова, который в монографии «Регулирование правоотношений» справедливо уделил большое внимание проблемам дифференциации правового и индивидуального регулирования правоотношений. Автор в этой важной работе сделал теоретически обоснованный вывод: «...необходимо дифференцировать правовое и индивидуальное регулирование правоотношений как виды не тождественные, имеющие различную природу, сущность, функциональное назначение и т. д.» [14, с. 328].

Однако, как представляется, дифференциация правовых и индивидуальных регуляторов трудовых правоотношений не исключает их диалектической взаимосвязи. Например, с одной стороны, правовые регуляторы трудовых правоотношений не могут их «организовывать» без учета индивидуальных особенностей. С другой стороны, индивидуальные регуляторы – существенные (общие) признаки трудовых правоотношений. На мой взгляд, диалектическую взаимосвязь правовых и индивидуальных регуляторов правоотношений можно представить как бесконечный процесс «восхождения» от «всеобщих» правоотношений, в том числе трудовых правоотношений, к «конкретному», в частности индивидуальному трудовому правоотношению, оформленному в результате заключения конкретного трудового договора между работником и работодателем. Именно таким образом происходит дифференциация не только «мер» «организации» правовых и индивидуальных регуляторов, но также «всеобщих» и «индивидуальных» правоотношений.

Объективная необходимость индивидуального регулирования в области труда предопределена и относительной неопределенностью общих и специальных правовых регуляторов трудовых правоотношений. Например, А. М. Васильев, на мой взгляд, методологически точно утверждал: «Парность характерна для всех явлений и процессов объективного мира... поэтому теоретическая мысль не просто констатирует наличие парности явлений, а стремится выразить в своем понятийном аппарате характер связей, взаимодействия парных явлений, отношений между ними...» [15, с. 140–141]. Вместе с тем А. М. Васильев далее убедительно констатировал: «Как парные категории следует рассматривать лишь соотносимые, которые отражают взятые с точки зрения единой основы противоположные проявления ее сущности» [15, с. 244] (курсив мой. – В. Е.).

В соответствии с изложенным, думаю, в качестве соотносимых парных правовых категорий можно рассматривать «меры» «организации», правовые и индивидуальные регуляторы правоотношений. Как представляется, правовые и индивидуальные регуляторы правоотношений характеризуются единой «основой», но «противоположными проявлениями их сущности». Правовые регуляторы правоотношений, в том числе трудовых, призваны «организовывать» существенные (общие) признаки правоотношений, в частности трудовых правоотношений, неопределенного числа возможных участников. Индивидуальные регуляторы правоотношений «организовы-

вают» их «единичные» признаки, содержащиеся, например, в заключенном определенными участниками трудовом договоре.

Приведенные теоретические положения позволяют сделать несколько заключительных выводов.

Первый: теоретически дискуссионно, а практически недостаточно продуктивно интегрировать правовые и индивидуальные регуляторы трудовых правоотношений, являющиеся онтологически разнородными «мерами» их «организации», характеризующимися различными по своей природе признаками.

Второй: в «процессе приспособления» к сложной системе фактических трудовых правоотношений, находящихся в сфере правового регулирования,рабатываются «меры» их «организации» – прежде всего принципы и нормы права, «воздействующие» на существенные (общие) признаки фактических трудовых правоотношений, «организующие» деятельность неопределенного числа их участников.

Третий: правовые и индивидуальные регуляторы есть «меры организации» индивидуального трудового правоотношения, действующие как на «общие», так и на «единичные» признаки деятельности его конкретных участников, заключивших трудовой договор.

Четвертый: диалектическую взаимосвязь трудовых правоотношений и индивидуального трудового правоотношения возможно представить как процесс бесконечного «восхождения» от «всеобщих» трудовых правоотношений, «организованных» правовыми регуляторами, к «конкретному» индивидуальному трудовому правоотношению.

Список источников

1. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения : в 2 т. Т. 1. М. : Госполитиздат, 1948. 636 с.
2. Винер Н. Кибернетика и общество / пер. Е. Г. Панфилова ; общ. ред. и предисл. Э. Я. Кольмана. М. : Изд-во иностр. лит., 1958. 200 с.
3. Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М. : Юрид. лит., 1966. 187 с.
4. Алексеев С. С. Теория права. 2-е изд., перераб. и доп. М. : БЕК, 1995. 320 с.
5. Горшнев В. М. Понятие метода правового регулирования и его разновидности // Сборник научных трудов. Вып. 5. Свердловск : Свердл. юрид. ин-т., 1966. С. 388–415.
6. Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Социалистическое право / ред. совет: В. Е. Гулиев и др. М. : Юрид. лит., 1973. 647 с.
7. Красноярский С. Г. Индивидуальное правовое регулирование в советском обществе: (вопросы теории и практики) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1990. 22 с.

8. Дивеева Н. И. Теоретические проблемы индивидуального правового регулирования трудовых отношений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2008. 45 с.
9. Лескова Ю. Г. Саморегулирование как правовой способ организации предпринимательских отношений: проблемы теории и практики : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. 59 с.
10. Леушин В. И. Динамичность советского права и восполнение пробелов в законодательстве : дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1971. 239 с.
11. Демченко Г. В. Неясность, неполнота и недостаток закона // Журнал Министерства юстиции. 1904. № 8. С. 321–352.
12. Лазарев В. В. Сфера и предел правового регулирования // Советское государство и право. 1970. № 11. С. 38–45.
13. Глазырин В. В., Никитинский В. И. Эффективность правопримени- тельных актов // Советское государство и право. 1984. № 2. С. 11–18.
14. Ершов В. В. Регулирование правоотношений : моногр. М. : РГУП, 2020. 564 с.
15. Васильев А. М. Правовые категории. Методологические аспекты разра- ботки системы категорий теории права. М. : Юрид. лит., 1976. 263 с.

References

1. Marx, K., Engels, F. *[Selected works]*. In 2 vols. Vol. 1. Moscow: Publishing House of political literature; 1948. 636 p. (In Russ.)
2. Wiener, N. *[Cybernetics and Society]*. Transl. by E. G. Panfilov, gen. ed. and forew. by E. Ya. Kolman. Moscow: Publishing House of foreign literature; 1958. 200 p. (In Russ.)
3. Alekseev, S. S. *[The mechanism of legal regulation in a socialist state]*. Moscow: Yuridicheskaya literatura; 1966. 187 p. (In Russ.)
4. Alekseev, S. S. *[Theory of law]*. 2nd ed., rev. and enl. Moscow: BECK; 1995. 320 p. (In Russ.)
5. Gorshenev V. M. [The concept of the method of legal regulation and its varieties]. *[Collection of scientific works]*. Issue 5. Sverdlovsk: Sverdlovsk Legal Institute; 1946. Pp. 388–415. (In Russ.)
6. *[Marxist-Leninist general theory of state and law. Socialist law]*. Editorial board: V. E. Guliev, et al. Moscow: Yuridicheskaya literatura; 1973. 647 p. (In Russ.)
7. Krasnoyaruszhskiy, S. G. *[Individual legal regulation in Soviet society: (theoretical and practical issues)]*. Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 1990. 22 p. (In Russ.)
8. Diveeva, N. I. *[Theoretical problems of individual legal regulation of labor relations]*. Abstract of Dr. Sci. (Law) Dissertation. St. Petersburg; 2008. 45 p. (In Russ.)

9. Leskova, Yu. G. *[Self-regulation as a legal way of organizing business relations: problems of theory and practice]*. Abstract of Dr. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 2013. 59 p. (In Russ.)
10. Leushin, V. I. *[Dynamism of Soviet law and filling gaps in legislation]*. Cand. Sci. (Law) Dissertation. Sverdlovsk; 1971. 239 p. (In Russ.)
11. Demchenko, G. V. [Ambiguity, incompleteness and deficiency of the law]. *Zhurnal Ministerstva yustitsii* = *[Journal of the Ministry of Justice]*. 1904;(8):321-352. (In Russ.)
12. Lazarev, V. V. [Sphere and limits of legal regulation]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* = *[Soviet State and Law]*. 1970;(11):38-45. (In Russ.)
13. Glazyrin, V. V., Nikitinsky, V. I. [Effectiveness of law enforcement acts]. *Sovetskoe gosudarstvo i parvo* = *[Soviet State and Law]*. 1984;(2):11-18. (In Russ.)
14. Ershov, V. V. *[Regulation of legal relations]*. Monograph. Moscow: Russian State University of Justice; 2020. 564 p. (In Russ.)
15. Vasiliev, A. M. *[Legal categories. Methodological aspects of developing a system of categories of legal theory]*. Moscow: Juridicheskaya literatura; 1976. 263 p. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

Ершов Валентин Валентинович (мл.), кандидат юридических наук (Москва, Российская Федерация).

Valentin V. Ershov, Jr., Cand. Sci. (Law) (Russian Federation, Moscow).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 15.05.2025; одобрена после рецензирования 27.05.2025; принята к публикации 30.06.2025.

The article was submitted 15.05.2025; approved after reviewing 27.05.2025; accepted for publication 30.06.2025.

Научная статья**УДК 347.441.646****DOI: 10.37399/2686-9241.2025.3.109-121**

Переговоры о заключении договора в контексте цивилистического учения о добреой совести

Артем Сергеевич Райников^{1, 2}¹ Управляющий партнер Адвокатского бюро «Райников, Андреев и партнеры», Иркутск, Российская Федерация² Байкальский государственный университет, Иркутск, Российская Федерацияraynikov@rayand.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5268-4588>**Аннотация**

Введение. Абстрактность, социальная оправданность и объективность как свойства добросовестности обозначены в статье в качестве ключевых факторов в регулировании поведения сторон на этапе заключения контракта. На основании функций добросовестности определяется специфика прав и обязанностей участников переговоров.

Теоретические основы. Методы. Теоретической основой работы выступают фундаментальные исследования принципа добросовестности российскими и зарубежными авторами. При подготовке статьи использованы диалектический и формально-юридический методы исследования.

Результаты исследования. В статье определяются аспекты принципа добросовестности, играющие ключевую роль в регулировании переговоров о заключении договора и преддоговорной ответственности. Доказывается, что права и обязанности участников переговоров не могут быть установлены без учета данного принципа. Демонстрируется, как специфика таких прав и обязанностей предопределяет возникновение обязательственного отношения, порождаемого вступлением в переговоры.

Заключение. Обосновывается вывод, согласно которому правильное применение норм о порядке ведения переговоров возможно лишь с опорой на цивилистическое учение о добреой совести.

Ключевые слова: принцип добросовестности, объективные критерии социальной оправданного поведения, дополняющая и конкретизирующая функции, охранные обязанности, судебное правотворчество

Для цитирования: Райников А. С. Переговоры о заключении договора в контексте цивилистического учения о добреой совести // Правосудие/Justice. 2025. Т. 7, № 3. С. 109–121. DOI: 10.37399/2686-9241.2025.3.109-121.

Original article

Negotiations in the Context of the Civil Law Doctrine on Good Faith

Artem S. Raynikov^{1, 2}

¹ Managing Partner of Raynikov, Andreev and Partners Law Office, Irkutsk, Russian Federation

² Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation

raynikov@rayand.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5268-4588>

Abstract

Introduction. Abstractness, social justification, and objectivity, as attributes of good faith, are identified in the article as key factors in regulating the behavior of parties during contract negotiation. The functions of good faith determine the specifics of the rights and obligations of the negotiating participants.

Theoretical Basis. Methods. The theoretical basis of the work rests on the fundamental research into the principle of good faith by Russian and foreign authors. The dialectical and formal-legal research methods were used in the preparation of the article.

Results. The aspects of the principle of good faith which play a pivotal role in the legal regulation of negotiations are determined in the article. It is proved that rights and responsibilities of negotiators can't be defined without taking into account this principle. It is shown as the specificity of such rights and responsibilities predetermines the occurrence of the obligation which arises as a result of entering negotiations.

Conclusion. In the article the argument is made that proper application of the rules of negotiations is possible only through reliance on the civil law doctrine on good faith.

Keywords: principle of good faith, objective standards of socially justified conduct, complementary and specifying functions, protective duties, judicial law-making

For citation: Raynikov, A. S. Negotiations in the context of the civil law doctrine on good faith. *Pravosudie/Justice.* 2025;7(3):109-121. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2025.3.109-121.

Введение

В той части, в какой свобода переговоров не ограничивается законом, соглашением или обычаем, право вверяет переговорный процесс критерию доброй совести. Инициация преддоговорных контактов, ведение параллельных переговоров, объем подлежащей предоставлению информации, интенсивность и сроки согласования условий будущего контракта, тактика переговоров и, наконец, выход из переговоров – все это подчинено требованию добросовестности. Ни один другой аспект принципа свободы договора не претерпевает столь существенного сдерживающего влияния добросовестности, как свобода ведения переговоров. Это обусловлено тем, что выведение универсальных правил поведения в переговорах является невыполнимой задачей. На переговоры влияет бесчисленное количество факторов, уникальные комбинации которых чаще всего не позволя-

ют установить границы должного и недолжного в отрыве от конкретной переговорной ситуации, и категория добросовестности здесь становится едва ли не единственным инструментом правового воздействия. В связи с этим отмечалось, что центральная роль принципа добросовестности в позитивном регулировании переговоров заслуживает самостоятельного изучения [1].

Теоретические основы. Методы

Благодаря фундаментальным исследованиям принципа добросовестности [2; 3; 4] как основного начала частного права в последнее десятилетие в отечественной цивилистической доктрине оформилась полноценная концепция добросовестности со своим терминологическим аппаратом, функциями и характерным механизмом воздействия на общественные отношения. Это естественным образом сказалось на правовых институтах, черпающих свое начало в данном принципе, одним из которых, как указано выше, является институт переговоров о заключении договора.

Вместе с тем обширность юридического учения о добре совести вынуждает постулировать лишь некоторые относящиеся к нему тезисы, имеющие непосредственное отношение к правовому регулированию переговоров. Соответствующие тезисы предлагаются к обсуждению в настоящей статье.

При подготовке статьи использованы диалектический и формально-юридический методы исследования.

Результаты исследования

1. Добросовестность как критерий социально оправданного и потому правомерного поведения

Целью принципа добросовестности является реализация значимых интересов индивидов, общества в целом и государства в ситуации, когда норма права или договор с этой задачей не справляются¹. Речь идет об обеспечении правового регулирования общественных отношений, исходя из поддерживаемого в обществе поведения участников правоотношений по отношению друг к другу, основанного на здравом смысле и актуальных на данный исторический период ценностях [2, с. 13]. Отражением соответствующей цели являются разъяснения высшей судебной инстанции, согласно которым при оценке действий сторон как добросовестных или недобросовестных следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитываящего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации (абз. 3 п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых

¹ Асосков А. В., Байбак В. В., Бевзенко Р. С. и др. Основные положения гражданского права : постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М. : М-Логос, 2020. 1469 с.

рых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»².

Открытый перечень возможных актов недобросовестности участников переговоров (п. 2 ст. 434.1 ГК РФ) требует обращения к критерию социальной оправданности действий или бездействия негоциантов [5]. Например, сокрытие от другой стороны факта обсуждения условий контракта с альтернативным контрагентом само по себе не является предосудительным, но может стать таковым в момент возникновения у визави обоснованного ожидания того, что соглашение непременно будет заключено (подп. 2 п. 2 ст. 434.1 ГК РФ). Обман указанного ожидания не может быть констатирован без учета названного выше критерия.

2. Абстрактность принципа добросовестности

Обращение к добросовестности не позволяет сформулировать на ее основе правило поведения с четким и определенным содержанием [6], что предопределяет ключевое свойство данной категории – свойство абстрактности. Благодаря ему принцип добросовестности дает возможность находить индивидуальное решение правовой ситуации в случае, когда применение элементов формального права приводит к неадекватным с точки зрения правопорядка результатам. Это решение, как и любой иной акт применения права, базируется на запретах, обязываниях или дозволениях, с той лишь особенностью, что они не закреплены в норме, а выводятся посредством конкретизации принципа добросовестности для совершенно определенных лиц, являющихся субъектами отдельно взятого правоотношения. В отрыве от того или иного случая невозможно установить, соблюдены ли требования доброй совести [2, с. 14, 276, 288, 298].

Так, выдвижение заведомо неприемлемых условий будущего договора как признак продолжения переговоров при заведомом отсутствии намерения достичь соглашения с другой стороной не может быть зафиксировано без привязки к обсуждению условий известного контракта. В равной мере ненадлежащее использование участником переговоров полученной от другой стороны конфиденциальной информации для своих целей требует учета нюансов конкретной ситуации: соблюдены ли условия установления запрета на такое использование и связано ли использование информации с заключением и исполнением договора.

3. Добросовестность как инструмент судебного правотворчества

Абстрактность принципа добросовестности предопределяет невозможность установить вытекающие из него права и обязанности субъектов правоотношения, а также пределы осуществления ими своих прав на этапе возникновения правоотношения (ex ante). Правило поведения формулируется в процессе ретроспективного судебного правотворчества, т. е. по результа-

² Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 8. Постановление Пленума № 25.

там рассмотрения судом конкретного спора (*ex post*). Тем самым правоприменитель творит норму для конкретного случая³. Отсюда следует не только возможность признания тех или иных действий ногоциантов противоречащими требованиям добросовестности, но и констатация судом необходимости совершения участниками переговоров определенных действий в рамках выводимых из принципа добросовестности дополнительных обязанностей.

Иные последствия влечет закрепление неких особых требований к добросовестному проведению переговоров в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации и сохранивших силу постановлениях Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, постановлениях Президиума Верховного Суда Российской Федерации и сохранивших силу постановлениях Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, а также в обзорах судебной практики, утвержденных Президиумом Верховного Суда Российской Федерации. Необходимость рассмотрения нижестоящими судами дел в соответствии с правовыми позициями, сформулированными в перечисленных актах (абз. 8 п. 27 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2020 г. № 12 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде апелляционной инстанции»⁴, абз. 5 п. 28 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2020 г. № 13 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде кассационной инстанции»⁵), превращает такого рода позиции в нормы, действующие в отношении всех. В результате формируется правило поведения, содержание которого известно заранее, и нет оснований отвергать идею о том, что закрепляемые им права и обязанности становятся элементом правоотношения (даже если речь идет о правоотношении, элементы которого определяются лишь данным правилом).

Иллюстрацией изложенному служат разъяснения п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 июня 2018 г. № 26 «О некоторых вопросах применения законодательства о договоре перевозки автомобильным транспортом грузов, пассажиров и багажа и о договоре транспортной экспедиции»⁶, которые уточняют содержание информационных обязанностей сторон при заключении договора перевозки пассажира автомобильным транспортом. На основании требования действовать добросовестно при установлении обязательства (п. 3 ст. 307 ГК РФ) перевозчику необходимо обратить внимание на явные недостатки упаковки багажа и отразить их в провозных документах под угрозой привлечения к ответственности за утрату, недостачу или повреждение багажа. Тем самым пассажир освобождается от обязанности доводить до сведения перевозчи-

³ Асосков А. В., Байбак В. В., Беевзенко Р. С. и др. Указ. соч. С. 188–190. См. также: [7].

⁴ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2020. № 9.

⁵ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2020. № 9.

⁶ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2018. № 8.

ка информацию об указанных недостатках при заключении договора перевозки. Не будучи закрепленным в формальных источниках права, такое решение объясняется наличием у перевозчика особых профессиональных качеств, предъявляющих к нему повышенные ожидания. В расчете на них правопорядок лишает перевозчика возможности апеллировать к недобросовестности пассажира, не сообщившего о явных недостатках упаковки багажа при проведении переговоров о заключении договора перевозки.

4. Добросовестность как объективная характеристика поведения

До недавнего времени отечественная доктрина частного права пребывала в состоянии убежденности в том, что добросовестность представляет собой состояние извинительного незнания лица о чужих правах или фактах. В результате добрая совесть определялась через внутреннее отношение субъекта к своему внешне правомерному поведению, нарушающему права и законные интересы другого лица [8].

Между тем развитые правопорядки имплементировали анализируемую категорию в качестве концепции, которая позволяет сопоставлять формально не запрещенные действия или бездействие с объективными признаками социально оправданного поведения, подразумеваемого правом. В подобных условиях недобросовестным считается не тот, кто знал или должен был знать о каких-либо фактах, а тот, чьи действия (или бездействие) отклоняются от защищаемых представлений о приемлемом [9], и неважно, что он при этом думал или знал. Субъективная же сторона добросовестности имеет значение лишь тогда, когда закон связывает с ней определенные правовые последствия, например, при истребовании имущества от добросовестного приобретателя (ст. 302 ГК РФ), возникновении права собственности по приобретательной давности (ст. 234 ГК РФ), купировании злоупотребления правом в узком смысле как разновидности недобросовестного поведения, основанного на признаке заведомого выхода субъекта за пределы осуществления гражданских прав (п. 1 ст. 10 ГК РФ). Это означает, что для констатации недобросовестности не нужно доказывать обстоятельства, относящиеся к внутреннему состоянию субъекта, – достаточно установить отклонение от поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитываяшего права и законные интересы другой стороны.

Выводимый из буквального прочтения абз. 3 п. 1 Постановления Пленума № 25, этот тезис становится определяющим для правового регулирования переговорного процесса. Так, затягивание переговоров является индикатором их продолжения при заведомом отсутствии намерения достичь соглашения с другой стороной не в связи с доказанностью мотивов недобросовестной стороны, но в связи с очевидным промедлением в согласовании условий контракта. А предоставление визави неполной информации, относящейся к будущему договору, нарушает требования к добросовестному проведению переговоров не по причине определенного отношения нарушителя к своему бездействию, но потому, что эти сведения в силу характера договора должны быть доведены до другой стороны (подп. 1 п. 2 ст. 434.1 ГК РФ).

5. Конкретизирующая и дополняющая функции добросовестности

Абстрактность принципа добросовестности позволяет на его основе уточнять (конкретизировать), когда, каким образом и каким способом необходимо исполнять те или иные обязанности [2, с. 108]. Например, сообщение сведений о программном продукте при обсуждении условий лицензионного соглашения может ограничиваться предоставлением потенциальному лицензиату полной или урезанной версии программы либо сопровождаться направлением ему технической документации, позволяющей составить детальное представление обо всех возможностях продукта. Первый вариант характерен для отношений с участием лиц, не обладающих особыми познаниями в сфере программного обеспечения, второй чаще встречается в отношениях продвинутых пользователей и между предпринимателями, имеющими в штате компетентных специалистов. Решение вопроса о том, в каком объеме, в какой форме и на каком этапе переговоров предоставлять соответствующую информацию, лежит не в плоскости заранее известного правила поведения, но в сфере частного случая, отталкиваясь от обстоятельств которого можно сделать вывод об исполнении или неисполнении лицензиаром лежащей на нем информационной обязанности. Искомое решение здесь формулируется на основании конкретизирующей функции принципа добросовестности.

Индивидуальная юридическая настройка поведения негоциантов с опорой на категорию добросовестности открывает возможность не только для уточнения существующих обязанностей, но и для выведения дополнительных обязанностей, возникающих по месту (ad hoc). Например, переговоры между собственником земельного участка и девелопером о совместной деятельности по строительству на земельном участке торговых или жилых площадей требуют выяснения принципиальной возможности и условий подключения будущих объектов недвижимости к коммунальным сетям. Если к моменту вступления в переговоры собственник располагает документом, содержащим технические условия на подключение, или они известны девелоперу из иных источников, необходимость в совершении сторонами каких-либо действий по получению указанной информации отсутствует. В противном случае девелопер может обратиться к визави с просьбой подать заявления о выдаче технических условий в организации, осуществляющие эксплуатацию сетей инженерно-технического обеспечения, самостоятельно либо выдать рекомендованному девелопером лицу доверенность с полномочиями на подачу таких заявлений. Ведь лицом, имеющим право на получение таких условий, в данном случае является именно правообладатель земельного участка⁷. При таких обстоятельствах на собственнике ле-

⁷ См.: Правила подключения (технологического присоединения) объектов капитального строительства к централизованным системам горячего водоснабжения, холодного водоснабжения и (или) водоотведения, о внесении изменений в отдельные акты Правительства Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных актов Правительства Российской Федерации и положений отдельных актов Правительства Российской Федерации (утв. постановлением Пра-

жит не существующая *ex ante*, но возникающая *ex post* обязанность содействовать получению технических условий подключения к коммунальным сетям. Бездействие будет расцениваться как нарушение требований доброй совести в переговорах, выражющееся в неисполнении обязанности, порождаемой дополняющей функцией принципа добросовестности.

В сфере обязательственного права конкретизирующая и дополняющая функции добросовестности основываются на п. 3 ст. 307 ГК РФ, согласно которому при установлении, исполнении обязательства и после его прекращения стороны обязаны действовать добросовестно, учитывая права и законные интересы друг друга, взаимно оказывая необходимое содействие для достижения цели обязательства, а также предоставляя друг другу необходимую информацию.

6. Охранительный характер обязанностей участников переговоров

Значение предписаний п. 3 ст. 307 ГК РФ для регулирования переговоров невозможно ни распознать, ни уяснить вне сравнительно-правового контекста, который послужил основанием закрепления этой нормы в российском Гражданском кодексе.

Прообразом п. 3 ст. 307 ГК РФ послужили положения абз. 2 § 241 Германского гражданского уложения⁸ (далее – ГГУ), согласно которому в соответствии с содержанием обязательства каждая из сторон может быть обязана учитывать права, правовые блага и интересы другой стороны. Эта новелла, включенная в текст ГГУ в результате реформы обязательственного права Германии в 2002 г., воплощает ранее развившееся в немецкой доктрине и судебной практике учение об охранительных обязанностях. Они преследуют цель обеспечить заботливое отношение должника к правам и интересам кредитора, когда должнику в силу имеющихся у него возможностей значительно легче предотвратить нарушение этих прав и интересов, чем кредитору.

Охранительные обязанности необходимо отличать от обязанностей по предоставлению. В отличие от последних охранительные обязанности не направлены на обмен благами (имуществом), а преследуют цель сохранения в отношениях сторон *status quo* (целостности и баланса прав и законных интересов сторон) [2, с. 117, 122, 128, 386].

Нетрудно заметить, что возникающие на переговорном этапе обязанности полностью соответствуют характеристикам охранительных обязанностей: они направлены к взаимной защите негоциантами правовой сферы друг друга и не предусматривают необходимость совершения одной стороной имущественного предоставления в пользу другой стороны. В связи с этим приобретает особое значение вопрос о месте охранительных обязанностей в системе обязательственного права.

вительства Российской Федерации от 30 ноября 2021 г. № 2130) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 49 (ч. II). Ст. 8316.

⁸ Гражданское уложение Германии: Вводный закон к Гражданскому уложению. 4-е изд., перераб. М. : Инфотропик Медиа, 2015. XIX, 715 с.

Ключевой тезис здесь звучит так: охранительные обязанности возникают только в рамках относительного правоотношения, порождаемого тесным правовым общением конкретных лиц. В этом их главное отличие от запрета посягать на личность или имущество, нарушение которого является деликтом [2, с. 118]. Охранительные обязанности действуют вне какого-либо правонарушения и не исчерпываются запретами. Напротив, содержание этих обязанностей нередко состоит в необходимости совершения сторонами определенных действий с целью не допустить нарушения прав и законных интересов друг друга, что совершенно не характерно для деликта. Но, будучи основанными на дополняющей функции принципа добросовестности, охранительные обязанности предусматривают позитивное регулирование поведения сторон не в режиме заранее известных действий или бездействия, а путем определения требуемого поведения в привязке к конкретному правоотношению. То, как это происходит применительно к обязанностям в рамках переговоров, было продемонстрировано выше (подраздел 5 настоящей статьи).

Понимание генетических отличий охранительных обязанностей от запретов, нарушение которых порождает деликт, привело германского законодателя к указанию в тексте ГГУ на то, что содержание обязательства из переговоров о заключении договора составляют охранительные обязанности. Это было сделано посредством прямой отсылки в абз. 2 § 311 ГГУ, посвященном переговорам, к абз. 2 § 241 ГГУ, закрепляющему указанные обязанности.

Российский же законодатель не сделал в ст. 434.1 ГК РФ аналогичной отсылки к п. 3 ст. 307 ГК РФ, что весьма странно, если учесть, что согласно буквальному смыслу данного пункта охранительные обязанности возлагаются на стороны не только при исполнении или после прекращения обязательства, но и при его «установлении». В результате юристу, не осведомленному об истоках содержащегося в п. 3 ст. 307 ГК РФ правила, связь этого правила с правовым регулированием переговоров о заключении контракта совершенно неочевидна. А непонимание правовой природы охранительных обязанностей, заимствованных российским Гражданским кодексом из ГГУ, приводит тех, кто все же видит связь между ст. 434.1 ГК РФ и п. 3 ст. 307 ГК РФ, к парадоксальному выводу о том, что недобросовестное поведение в переговорах является деликтом, поскольку охранительные обязанности защищают абсолютные права кредитора [10]. При этом не учитывается, что для абсолютной защиты характерна охрана блага от посягательства всех и каждого, тогда как недобросовестное проведение переговоров может быть допущено лишь их участником.

7. Отсутствие разумной осмотрительности против охранительных обязанностей

Возложение на негоциантов обязанности по совершению определенных действий или воздержанию от таковых с целью поддержания целостности и баланса прав и интересов друг друга не освобождает стороны от необ-

ходимости сохранять в переговорах разумную осмотрительность. Участники переговоров находятся в состязательной позиции и преследуют прежде всего свой собственный интерес [11]. Охранительные обязанности лишь купирируют проявления очевидно неприемлемого волюнтаризма, но вовсе не поощряют отсутствие должной заботы о своей личной или имущественной сфере. В этом выражается один из важнейших аспектов принципа добровестности – направленность на обеспечение баланса прав и законных интересов участников конкретного правоотношения.

Еще до закрепления в ГК РФ дополнительных охранительных обязанностей судебная практика отклоняла требования, основанные на нарушении обязанности информирования в переговорах, если истец не проявил требовавшуюся от него по обстоятельствам дела осмотрительность, обычную для деловой практики при заключении подобных договоров⁹. Тенденция сохранилась и после появления п. 3 ст. 307 ГК РФ.

В качестве иллюстрации можно привести одно из дел, рассмотренных арбитражным судом.

По результатам аукциона по продаже прав аренды земельного участка между муниципальным образованием и индивидуальным предпринимателем заключен договор аренды земельного участка с разрешенным использованием: для размещения промышленных объектов.

Обнаружив на участке болото, индивидуальный предприниматель обратился с иском о признании договора аренды недействительным как совершенного под влиянием существенного заблуждения (ст. 178 ГК РФ). Требования мотивированы тем, что на участке планировалось строительство завода по производству бетона, размещение которого на болоте невозможно. Обнаружение болота до заключения договора аренды было бы возможным лишь в случае проведения предпринимателем дорогостоящего специализированного исследования, тогда как арендодатель был осведомлен о характеристиках участка и должен был довести соответствующую информацию до арендатора.

Отказывая в удовлетворении иска, суд указал, что вся необходимая информация об объекте аренды была доступна участникам торгов. В сообщении о проведении аукциона содержалось условие о необходимости самостоятельного осмотра претендентами земельного участка на местности. Имея возможность до заключения договора получить все необходимые сведения о состоянии земельного участка и оценить риски, истец не проявил необходимую осмотрительность, а ответчик, исходя из действий истца, не мог и не должен был знать, что истец заблуждается относительно качеств земельного участка¹⁰.

⁹ Пункт 5 информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 10 декабря 2013 г. № 162 «Обзор практики применения арбитражными судами статей 178 и 179 Гражданского кодекса Российской Федерации» (Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2014. № 2).

¹⁰ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 19 апреля 2017 г. № Ф09-1279/17 по делу № А50-2235/2016.

Если предположить, что арендатор обнаружил наличие на участке болота после объявления победителя торгов, но до заключения договора и отказался от его заключения, потребовав от арендодателя возместить расходы на участие в аукционе, это требование было бы обречено. Ведь заключение предпринимателем договора аренды земельного участка с расчетом на строительство завода без детального (пусть и дорогостоящего) исследования объекта в условиях, когда для такого исследования нет никаких препятствий, свидетельствует о непроявлении участником переговоров разумной осмотрительности. Негативные последствия подобной беспечности не могут быть возложены на другого участника переговоров под предлогом нарушения им дополнительной охранительной обязанности по предоставлению информации.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что содержание и пределы осуществления прав, а также круг и специфика исполнения обязанностей негосиантов во многом (если не преимущественно) определяются юридической категорией доброй совести. Нормы, регулирующие переговоры и устанавливающие ответственность за ненадлежащее поведение в данной сфере, оформились в самостоятельный институт как часть правовой материи принципа добросовестности. Сохраняя такую связь и по сей день, они не могут функционировать в отрыве от базового принципа, а потому его глубокое изучение становится необходимым условием эффективного применения правил о должном и недолжном на этапе заключения контракта.

Список источников

1. Райников А. С. Свобода переговоров как самостоятельный аспект принципа свободы договора: содержание и пределы // *Ex jure*. 2024. № 3. С. 97–110.
2. Нам К. В. Принцип добросовестности. Основы теории и правоприменения в контексте немецкого опыта : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021. 472 с.
3. Ширвиндт А. М. Принцип добросовестности в ГК РФ и сравнительное правоведение // *Aequum ius. От друзей и коллег к 50-летию профессора Д. В. Дождева /* отв. ред. А. М. Ширвиндт. М. : Статут, 2014. С. 203–242.
4. Егоров А. В. Принцип добросовестности в Гражданском кодексе РФ: первые шаги реформы // *Legal Insight*. 2013. № 2. С. 4–10.
5. Райников А. С. Отношение, возникающее при проведении переговоров о заключении договора по российскому праву: антиделиктная концепция // *Вестник гражданского права*. 2023. Т. 23, № 2. С. 50–80.

6. Larenz K. *Lehrbuch des Schuldrechts*. Bd. 1 : Allgemeiner Teil. 14. Aufl. München, 1987. 480 S.
7. Teichmann A. // Soergel. *Bürgerliches Gesetzbuch mit Einführungsgesetz und Neben-gesetzen*. Bd. 2 : Schuldrecht I (§ 241–610). 12. Aufl. Stuttgart ; Berlin ; Köln, 1990. § 242. N. 6.
8. Белов В. А. К вопросу о недобросовестности налогоплательщика: критический анализ правоприменительной практики. М. : Волтерс Кluwer, 2006. 96 с.
9. Хесселинк М. В. Принцип добросовестности // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 8. С. 157–187.
10. Жученко С. П. Убытки: зарубежные подходы и отечественная практика // Защита гражданских прав: избранные аспекты : сб. ст. / отв. ред. М. А. Рожкова. М. : Статут, 2017. С. 104–161.
11. Whittaker S., Zimmermann R. Good faith in European contract law: surveying the legal landscape // Good faith in European contract law / eds. S. Whittaker, R. Zimmermann. Cambridge : Cambridge University Press, 2000. P. 7–62.

References

1. Raynikov, A. S. Freedom of negotiation as a separate aspect of the principle of freedom of contract: content and limits. *Ex jure*. 2024;(3):97–110. (In Russ.)
2. Nam, K. V. *[The principle of good faith. Fundamentals of theory and law enforcement in the context of German experience]*. Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 2021. 472 p. (In Russ.)
3. Shirvindt, A. M. The principle of good faith in the Civil Code of the Russian Federation and comparative law. In: A. M Shirvindt, ed. *Aequum ius. From Friends and Colleagues to the 50th Anniversary of D. V. Dozhdev*. Moscow: Statut; 2014. Pp. 203–242. (In Russ.)
4. Egorov, A. V. The principle of good faith in the Civil Code of the Russian Federation: the first steps of reform. *Legal Insight*. 2013;(2):4–10. (In Russ.)
5. Raynikov, A. S. The relationship arising during negotiations on the conclusion of a contract under Russian law: anti-tort concept. *Civil Law Review*. 2023;23(2):50–80. (In Russ.)
6. Larenz, K. *Lehrbuch des Schuldrechts*. Bd. 1: Allgemeiner Teil. 14. Aufl. München; 1987. 480 S.
7. Teichmann, A. In: Soergel. *Bürgerliches Gesetzbuch mit Einführungsgesetz und Neben-gesetzen*. Bd. 2: Schuldrecht I (§ 241–610). 12. Aufl. Stuttgart; Berlin; Köln; 1990. § 242. Nr. 6.
8. Belov, V. A. *[On the question of tax payer's bad faith: critical analysis of legal practice]*. Moscow: Wolters Kluwer; 2006. 96 p. (In Russ.)

9. Khessellink, M. V. The concept of good faith. *Herald of Economic Justice*. 2020;(8):157-187. (In Russ.)
10. Zhuchenko, S. P. [Damages: foreign approaches and practice in Russian Federation]. In: M. A. Rozhkova, ed. *[Protection of civil rights: selected aspects]*. Collection of articles. Moscow: Statut; 2017. Pp. 104–161. (In Russ.)
11. Whittaker, S., Zimmermann, R. Good faith in European contract law: surveying the legal landscape. In: S. Whittaker, R. Zimmermann, eds. *Good faith in European contract law*. Cambridge: Cambridge University Press; 2000. Pp. 7–62.

Информация об авторе / Information about the author

Райников Артем Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Института юстиции Байкальского государственного университета (Российская Федерация, 664003, Иркутск, ул. Ленина, д. 11), адвокат, управляющий партнер Адвокатского бюро «Райников, Андреев и партнеры» (Российская Федерация, 664025, Иркутск, б-р Гагарина, д. 68в).

Artem S. Raynikov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor at the Civil Law and Process Department, Baikal State University, Institute of Justice (11, Lenin St., Irkutsk, 664003, Russian Federation), Advocate, Managing Partner of Raynikov, Andreev and Partners Law Office (68b, Gagarin Blvd., Irkutsk, 664025, Russian Federation).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 04.03.2025; одобрена после рецензирования 14.03.2025; принята к публикации 24.06.2025.

The article was submitted 04.03.2025; approved after reviewing 14.03.2025; accepted for publication 24.06.2025.

Научная статья

УДК 347+349.3

DOI: 10.37399/2686-9241.2025.3.122-136

Крепкая семья, брак, многодетность: нравственные идеалы и правовое регулирование имущественных отношений

Владимир Анатольевич Болдырев

Северо-Западный филиал, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Санкт-Петербург, Российская Федерация
vabold@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1454-6886>

Аннотация

Введение. Идеалы естественного продолжения жизни, крепкой семьи, брака и многодетности могут проводиться в жизнь через содержание правовых норм и последовательную правоприменительную практику. Цель работы – установить положения действующего законодательства, регулирующего имущественные отношения с участием членов семьи, стимулирующие поведение, расходящееся с идеалами крепкой семьи, брака, многодетности, и предложить направления совершенствования позитивного права и правоприменительной практики.

Теоретические основы. Методы. Задачи различных социальных групп могут серьезно отличаться. Так, идеал многодетности связан с решением задач российского социума. Попытки старших членов семьи соответствовать ему могут приводить к столкновению имущественных интересов детей. Снятие острых противоречий между задачами социальных групп возможно средствами позитивного права. При проведении исследования применялись формально-догматический, историко-сравнительный, сравнительно-правовой методы.

Результаты исследования. Подвергнуты анализу на предмет соответствия идеалам крепкой семьи и многодетности нормы о разделе имущества супругов, нажитого в браке: возможность отступить от принципа равенства долей в интересах детей, необходимость учета оснований и источников средств на приобретение имущества. Описывается круг проблем, связанных с образованием долей в праве собственности детей на основании норм законодательства о семейном капитале.

Обсуждение и заключение. Идеалам крепкой семьи и многодетности соответствует практика, в рамках которой при разделе имущества: 1) любые отклонения от принципа равенства долей со ссылкой на интересы детей рассматриваются как особые исключения; 2) размер долей устанавливается с учетом стоимости отчужденных в период брака вещей, принадлежавших супругу ранее. Обязанность родителей оформить на детей долю в праве на приобретаемую за счет средств семейного капитала жилую недвижимость уменьшает стимулы к самостоятельному и плодотворному труду, противоречит ряду фундаментальных установок российского вещного и наследственного права.

Ключевые слова: расторжение брака, общая собственность, доля в праве, государственный патернализм, семейный капитал, материнский капитал, социальный капитал, майорат, наследование доли, когнитивная психология

Для цитирования: Болдырев В. А. Крепкая семья, брак, многодетность: нравственные идеалы и правовое регулирование имущественных отношений // Правосудие/Justice. 2025. Т. 7, № 3. С. 122–136. DOI: 10.37399/2686-9241.2025.3.122-136.

Original article

Strong Family, Marriage, Having Many Children: Moral Ideals and Legal Regulation of Property Relations

Vladimir A. Boldyrev

*North-West Branch, Russian State University of Justice
named after V. M. Lebedev, St. Petersburg, Russian Federation
vabold@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1454-6886>*

Abstract

Introduction. The ideals of natural continuation of life, strong family, marriage and having many children can be brought to life through the content of specific legal norms and consistent law enforcement practice. The purpose of the work is to establish the provisions of the current legislation regulating property relations involving family members that stimulate behavior that diverges from the ideals of a strong family, marriage, having many children, and to suggest areas for improving positive law and law enforcement practice.

Theoretical Basis. Methods. The tasks of different social groups can differ significantly. Thus, the ideal of having many children is associated with solving the problems of Russian society. Attempts by older family members to comply with it can lead to a clash of property interests of children. Removal of acute contradictions between the tasks of social groups is possible by means of positive law. In the study, formal-dogmatic, historical-comparative, comparative-legal methods were used.

Results. The article analyzes the norms on the division of property of spouses acquired during marriage for compliance with the ideals of a strong family and having many children: the possibility of deviating from the principle of equal shares in the interests of children, the need to take into account the grounds and sources of funds for the acquisition of property. It describes a range of problems associated with the formation of shares in the right of ownership of children based on the norms of the legislation on family capital.

Discussion and Conclusion. The ideals of a strong family and having many children are consistent with the practice within the framework of which: 1) any deviations from the principle of equal shares in the division of jointly acquired property with reference to the interests of children are considered as exceptional cases; 2) when dividing joint property, the value of things alienated during the marriage that previously belonged to the spouse is taken into account. The obligation of parents to “register” a share in the right to property acquired at the expense of family capital for their children reduces incentives for independent and fruitful work, and contradicts a number of fundamental principles of Russian property and inheritance law.

Keywords: divorce, common property, share in the right, state paternalism, family capital, maternity capital, social capital, majorat, inheritance of a share, cognitive psychology

For citation: Boldyrev, V. A. Strong family, marriage, having many children: moral ideals and legal regulation of property relations. *Pravosudie/Justice*. 2025;7(3):122-136. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2025.3.122-136.

Введение

Идеалы естественного продолжения жизни, крепкой семьи, брака и многодетности, отраженные в Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей¹, могут проводиться в жизнь через содержание конкретных правовых норм и последовательную правоприменительную практику. Совершенствование законодательства и актуализация нормативных правовых актов в сфере семейного права, в том числе с учетом опыта зарубежных стран², является одной из важнейших задач, стоящих перед органами государственной власти Российской Федерации.

Нормы позитивного права могут способствовать (или препятствовать) движению кенным идеалам, усиливать конфликты установок, существующих в сознании молодых членов общества, или ослаблять их. Опыт человеческой цивилизации показал, что государственный патернализм и излишнее стремление сделать жизнь детей проще, снять с родителей ответственность за принятие решений, устраниить характерные для материнства и отцовства риски неудач могут приводить к формированию мировоззрения потребителя, снижать резистентность к изменению социальной среды, лишать молодежь стимулов к развитию и продуктивному труду. Убрать из жизни подрастающего поколения необходимые стрессоры – значит сделать его беспомощным.

Цель настоящей работы – установить положения действующего законодательства, регулирующего имущественные отношения с участием членов семьи, стимулирующие поведение, расходящееся с идеалами крепкой семьи, брака, многодетности, и предложить направления совершенствования позитивного права и правоприменительной практики.

Теоретические основы. Методы

Идея «социального капитала», призванного способствовать развитию ребенка, на которой базируются исследовательские программы поддержки семей в экономически развитых странах, строится на ряде предположе-

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 46. Ст. 7977.

² План мероприятий по реализации в 2024–2026 годах Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей (утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 1 июля 2024 г. № 1734-р) (п. 40) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 28. Ст. 4058.

ний, к числу которых относится и то, что наличие в семье более двух детей оказывается негативно на шансах ребенка найти достойное место в обществе, поскольку затрачиваемые родителями на него ресурсы неизбежно окажутся меньше [1, р. 15]. Это означает, что задачи, решаемые большими и малыми социальными группами – обществом и семьей, могут серьезно отличаться.

Идеал многодетности, входящий в систему провозглашенных российских духовно-нравственных ценностей, напрямую связанный с проводимой демографической политикой и обусловленный значительной территорией страны при слабой ее заселенности, может быть охарактеризован как связанный с решением задачи всего российского социума. При переходе на уровень малой социальной группы – конкретной семьи – попытки старших ее членов реализовать идеал многодетности могут приводить к существенным противоречиям имущественных интересов младшего поколения, умаляя шансы на успех отдельных детей.

Говоря об особенностях «культурно-контекстуальных структур» [2, р. 34], в которых происходит наследование имущества, Марк Шидлик указывает на существенную зависимость имущественных отношений от типа политических и экономических режимов; он подчеркивает выраженную различий между рыночной и плановой экономикой. Передача такой структурной единицы «социального капитала», как уровень образования, находится в прямой связи с передачей собственно капитала (имущества): самый малочисленный и наиболее образованный класс наследует чаще всего и получает больше всего имущества, причем со значительным отрывом [2, р. 38–39]. Весьма вероятно, что увеличение продолжительности жизни и доли пожилых людей в обществе приведет с течением времени к тому, что все меньше наследников будут получать все большие суммы денег, а это означает увеличение значимости наследования имущества как фактора социального неравенства [2, р. 42]. Противоречия между установками и принципами, на которых строятся отношения в семье, в таких условиях объяснимы. Поиск оптимальных параметров внутри- и межотраслевого взаимодействия норм вещного и наследственного права и норм права социального обеспечения, регулирующих распределение семейного (материнского) капитала, оказывается задачей чрезвычайной важности.

Результаты исследования

1. Действительные интересы детей и раздел имущества супругов. Интересы несовершеннолетних детей могут служить самостоятельным основанием для отступления от принципа равенства долей супругов при разделе совместного имущества по правилам п. 2 ст. 39 Семейного кодекса Российской Федерации (СК РФ). Круг этих интересов не раскрывается правотворцем и вряд ли может быть определен законодательно [3, с. 69]. Судебная практика строится на идее необходимости точного определения в ходе судебного разбирательства и указания в выносимом решении, как именно

отступление от общего правила о равенстве долей может способствовать защите интересов детей³. Казалось бы, данного обстоятельства вполне достаточно для понимания супругом, не готовым решить вопрос о разделе совместной собственности на основе соглашения, что самого факта оставления судом детей с ним недостаточно для того, чтобы получить больше имущества, чем положено, согласно общей норме закона. Однако, во-первых, нам (автору и его читателю) не стоит переоценивать знание юридических тонкостей обычайтелями, во-вторых, не следует исключать возможности юристов, взявшимся за ведение дела, имеющих собственные интересы, а также прямое указание закона, чтобы утверждать, что суд все же отступит от общего принципа.

«Агентская проблема» – термин, используемый в теории корпоративного управления преимущественно для характеристики противоречия интересов агента и принципала, сегодня получает более широкое распространение и используется при исследовании проблематики любых конфликтных отношений. Ведь лицо, представляющее интересы доверителя, далеко не всегда заинтересовано в быстром разрешении конфликта, особенно когда оплата его услуг осуществляется в зависимости от количества совершенных юридически значимых действий или длительности сотрудничества. На досудебном этапе раздела имущества, нажитого в браке, юристу необходимо стимулировать клиента к участию в судебном процессе – убедить, что сотрудничество с профессионалом сулит выгоду большую, нежели самостоятельное участие в судопроизводстве. Если результат с высокой долей вероятности понятен потенциальному истцу, умеренная плата за составление искового заявления или возражений на него без оказания услуг по ведению дела в суде оказывается разумной альтернативой плате за комплекс услуг, включающий участие представителя в судебных заседаниях. «Юридические битвы, как и войны, обходятся очень дорого и связаны с рисками для обеих сторон. Их стоимость, включая гонорары, длительные отсрочки и прочие нюансы, создает диапазон договоренностей, или зону возможного соглашения» [4, с. 59], – пишет Кристофер Блаттман.

Высокую степень неопределенности рождает именно норма о возможности отступить от начала равенства при разделе имущества в интересах детей. Трудно упрекнуть профессионального юриста, информирующего своего потенциального клиента о соответствующей возможности, и одновременно несложно понять озабоченность клиента, соглашающегося на оказание ему услуг с учетом сделанного «маркетингового хода» потенциальным исполнителем услуг. Использование практических наработок из области когнитивной психологии и потребительской экономики профессионалами – важный навык в работе юриста.

³ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2019) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 27 ноября 2019 г.) (п. 14) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2020. № 4.

Бытовое правосознание, формирующееся в ходе совместной жизни взрослых людей, не удовлетворенных отношениями и бытом, делает поиск вариантов лучшей жизни перманентным, а интерпретацию сигналов, поступающих из внешней среды, предсказуемо неправильной. Существующий шанс сделать жизнь лучше, начать ее с новым человеком, способным для тебя на большее, переоценивается. Результатом становится решение, принятое в условиях неправильного представления о вероятности положительного исхода предстоящего имущественного спора.

Действительные интересы несовершеннолетних детей заключаются, как правило, в том, чтобы папа и мама сохраняли семью, а не в том, чтобы родителю, с которым они останутся, досталось больше имущества. Однако взгляд на изменения законодательства как основное направление деятельности государства, связанное с гармонизацией общественных отношений, не учитывает того, что проведение соответствующей идеи в жизнь чаще всего приводит к дестабилизации существующих социальных связей. Практики корректировки толкования и применения норм позитивного права в разумных границах⁴ видятся нам гораздо более прогрессивными, позволяющими сохранить уважение к закону.

Большую воспитательную роль играют судебные акты, а значит, сохранению семьи как социального института должно способствовать подробное изложение логики принятия судебных актов, включающее освещение доводов нравственного и психологического характера. Полагаем, что в выносимых судебных актах следует делать ссылки на Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, поскольку они способны подкреплять решения – делать их понятными в части, касающейся оценки обстоятельств дела. Особую актуальность они приобретают в тех из решений, где широк потенциал судейского усмотрения, где оцениваются доводы сторон о необходимости учета интересов детей или одного из супругов, например в делах о разделе имущества супругов.

2. Раздел общей собственности супругов с учетом стоимости имущества, приобретенного до брака. Современных брачных аферистов раскрыть не всегда просто – на смену стремительности и напору обольщения приходят хорошие знания когнитивной психологии и норм позитивного права. Мезальянсом в эпоху рыночной оценки качеств брачующихся удивить стало трудно.

С. Г. Побережный полагает, «...что признание в предыдущий период режима общности собственности супругов было юридическим инструментом преодоления экономической зависимости женщины от мужчины и “искусственного” (ускоренного) выравнивания их правового положения

⁴ Толкование закона, явно выходящее за границы буквального значения содержащихся в нем норм, осуществляемое вопреки смыслу, который мог подразумеваться правотворцем, не добавляет авторитета позитивному праву.

в семье» [5, с. 70]. На деле режим общей собственности вкупе с отсутствием учета стоимости имущества, приобретенного до брака и отчужденного в его период с целью приобретения нового имущества, оказывается средством экономического выравнивания положения более зрелого супруга (как правило, мужчины) с положением супруга более молодого (обычно женщины).

Судебную практику⁵ квалификации как личной собственности имущества, приобретенного в период брака исключительно на средства, вырученные от продажи имущества, бывшего собственностью одного из супругов, можно считать справедливой и согласующейся со смыслом закона (ст. 34 СК РФ, ст. 256 ГК РФ). Если супруг в период брака продает свою квартиру, приобретенную до брака, и покупает на вырученные средства дом с земельным участком, то дом с земельным участком не становится общей собственностью супругов. Логика такого подхода проста и понятна: имущество приобретено не за счет общих доходов супругов, полученных во время брака, а значит, его раздел был бы несправедлив. Справедливым является сформированное направление судебной практики, в рамках которого определение размера долей в праве общей собственности супругов при ее разделе осуществляется с учетом добрачных вложений⁶.

Однако в таком подходе видна и слабая сторона: если полученные от продажи личного имущества супруга средства израсходованы на нужды семьи, например, дорогостоящий отдых за рубежом, обучение или лечение детей, об учете того, что оно когда-то принадлежало супругу, говорить при разделе общего имущества не приходится. Более того, если полученные средства от продажи личного имущества одного супруга помещаются на постоянно используемые банковский вклад или карту супруга, то с течением времени теряется связь между деньгами и источником их получения. Есть и другие стратегии «растворения» средств супруга, полученных от продажи его имущества, приобретенного до брака. Когда за период брака продавалось и покупалось несколько объектов недвижимости, выяснение источника средств к приобретению оказывается задачей практически невыполнимой.

⁵ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 12 июля 2022 г. № 77-КГ22-2-К1. Здесь и далее доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс», если не указано иное.

⁶ Как указал Верховный Суд Российской Федерации, «доля сторон в праве собственности на квартиру подлежали определению пропорционально вложенным личным денежным средствам ответчика и совместным средствам сторон» (Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 25 октября 2016 г. № 45-КГ16-16). См. также Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 22 марта 2016 г. № 67-КГ15-26; определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 24 мая 2021 г. № 88-5853/2021 по делу № 2-461/2020; определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 8 июля 2020 г. № 88-11650/2020.

За рубежом отступление от принципа равенства долей супружов при разделе имущества, приобретенного в период брака, может быть следствием учета стоимости имущества, которое было у супружов до брака [6, р. 202]. Соответствующие решения судов в правовых системах, где идея справедливости может доминировать над легализмом, – универсальный ответ правоприменительной практики на динамизм экономических отношений и статичность позитивного и обычного права. Сегодня родовое гнездо – передающаяся из поколения в поколение «семейная» недвижимость – явление довольно редкое. Изменения технологий и макроэкономики меняют потребительскую экономику семьи, делают ее динамичной.

Возможно, закон должен создавать правовой режим имущества, при котором раздел совместной собственности супружов осуществлялся бы на основе принципа учета стоимости имущества, которое было приобретено супругом до брака. Чтобы заработала такая «экономическая арифметика», потребуются изменения позитивного права, которые породят новую проблему: как сравнивать стоимость имущества на момент заключения брака и момент раздела имущества, между которыми чаще всего лежат годы. Поэтому мы полагаем, что предпочтительным является вектор на системное толкование действующих норм законодательства.

3. Стимулирование увеличения числа долей в праве общей собственности законодательством о семейном капитале. История регулирования отношений, связанных с распоряжением семейным капиталом, довольно коротка, чтобы видеть весь круг проблем цивилистического спектра, которые, несомненно, последуют за появлением данной нетипичной юридической конструкции в российском праве социального обеспечения [7, с. 103]. Нетипичность оказывается выраженной в целевом характере выплат и в прямой связи правовой модели семейного капитала⁷ с гражданско-правовыми конструкциями, например с куплей-продажей [8, с. 65]. Так, цена соответствующего договора, порядок расчетов за товар (например, квартиру), а значит, и конечный эффект (переход права собственности на недвижимость) оказываются органично связанными с выполнением сторонами всех условий, предусмотренных нормами права социального обеспечения, зависят от эффективности действий органов, принимающих решение о выплате.

Еще более существенная связь прослеживается между нормами права социального обеспечения, регулирующими выплату семейного капитала, и гражданско-правовым институтом общей собственности. Если деньги использованы для приобретения жилого помещения, у лица, получившего соответствующий сертификат, возникает установленная законом обязан-

⁷ На наш взгляд, упоминания о «материнском» капитале в законе быть не должно: гендерная акцентуация является излишней – упор нужно делать на семейные цели, для достижения которых капитал предназначен.

ность «оформить» такое жилье не только на себя, но и на детей⁸. Как видится, введение данного правила законодателем основано на неверном понимании важности различных интересов членов семьи – на представлении о примате имущественных интересов над интересами неимущественными. Вторичность задачи воспитания ребенка, формирования системы стимулов уважения к труду и родителям, по сути, вытекает из такого законодательного решения. Норма противоречит ряду идей, лежащих в основе вещного и наследственного права.

Нормы современного вещного права изложены так, чтобы количество лиц, обладающих долей в праве общей собственности, не только не увеличивалось, но и, по возможности, сокращалось: для этого в гражданском законодательстве существует норма о преимущественном праве покупки продаваемой доли собственниками (п. 1 ст. 249 ГК РФ). Причина тому – сложности, связанные с пользованием и распоряжением вещью, находящейся в собственности двух или более лиц⁹.

Как показывает практика, при покупке квартиры с использованием семейного капитала основными источниками средств оказываются поддержка родителей молодоженов и банковские кредиты [10, р. 66]. Молодые супруги, считающие необходимым потратить средства семейного капитала на улучшение жилищных условий, попадают в ловушку с отсроченным временем наступления последствий – наряду с ними собственниками становятся их несовершеннолетние дети. Вероятно, в идеальном мире, где интересы родителей и детей полностью совпадают вне зависимости от их возраста и выполняемых ролей, такое положение дел было бы вполне нормальным. Однако в мире реальном соответствующая норма становится предпосылкой длительного совместного и далеко не всегда счастливого проживания людей. Повзрослевший ребенок, имеющий недвижимость в долевой собственности, далеко не всегда будет стимулирован средой к приобретению жилья в процессе упорного труда. В то же время при отсутствии своего жилья ожидать от молодого человека ориентации на семью и многодетность сложно.

Правилами о долях детей в квартире оказывается серьезно уменьшенным воспитательный эффект целого ряда норм наследственного права, проверенных опытом столетий, воспринятых из римского частного права. Конечно, ребенок может быть признан недостойным наследником, лишен наследства и просто не получить другого имущества ввиду того, что оно

⁸ Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» (ч. 4 ст. 10) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 1 (ч. 1). Ст. 19.

⁹ Сложности решения вопросов пользования и распоряжения имуществом, находящимся в общей собственности, в том числе применение в некоторых правопорядках принципа большинства, при котором меньшинство вынуждено согласиться с мнением тех, кого больше, подталкивают правотворца к минимизации числа оснований возникновения общей собственности [9, с. 140].

завещано другим, но доля в квартире, полученная в результате покупки имущества за счет средств семейного капитала, будет по-прежнему принадлежать ему. Нормально пользоваться такой квартирой станет сложно – семейные конфликты окажутся следствием решений правотворца.

Применение сравнительно-исторического и сравнительно-правового методов для анализа решения законодателя также приводит к неутешительным выводам о его качестве.

Наследственная масса в Древней Руси делилась между братьями поровну, однако младший брат имел преимущество: он получал двор отца; данное обстоятельство позволяет говорить о признаках «минората» в раннем русском праве [11, с. 170]. По-видимому, закон решал задачу не большего, а вернейшего обеспечения младшего ребенка, который должен иметь свой кров [12, с. 557]. Для бурят минорат был характерен, поскольку именно на младшего сына ложилась обязанность по содержанию престарелых родителей: праву на наследство соответствовала конкретная обязанность при жизни старших родственников [13, с. 102]. Кавказским народам был известен принцип старшинства и увеличения доли старшего сына в патриархальной семье, однако вопрос о справедливости при распределении наследства и обязанностей по содержанию родителей, нередко ложившихся на плечи младшего сына, стоял очень остро [14]. Минорат существовал там, где была низкая плотность населения и сыновья могли уйти от родителей и завести собственное хозяйство на свободном земельном участке, – в России и Восточной Европе [15, с. 261], а также во многих странах, где исповедовался ислам¹⁰. Он предполагал экстенсивное экономическое развитие за счет освоения новых земель, старых технологий производства и традиционных иерархических связей [15, с. 274–275].

У некоторых коренных народов Индонезии, где сила обычного права велика по сей день, наследование имущества (дома) младшим ребенком объясняется также и тем, что на него ложится забота о родителях, и тем, что именно младший ребенок наименее обеспечен [16, р. 1556]. Справедливое решение вопроса о распределении наследства с учетом действия конкретных, характерных для данного случая факторов осуществляется по результатам обсуждения ситуации семьей и только после смерти наследодателя [16, р. 1556]. Если принять во внимание то обстоятельство, что, с одной стороны, в Индонезии «общественные практики иногда стирают различие между активами, подаренными до смерти, и теми, которые обозначены как наследство» [17, р. 16], а с другой стороны, в ряде мест можно встретить вытекающее из обычного права преимущественное наследование старших [17, р. 22] сыновей (Бали) или дочерей (Южная Суматра), решение вопросов наследования закономерно оказывается трудной задачей даже для национальных властей. Понятно, что в данном случае устоявшийся порядок не делает имущественные отношения

¹⁰ Здесь над земледелием могло преобладать кочевое животноводство, и ценность земельного участка оказывалась иной.

достаточно предсказуемыми ни для населения, ни для возможных иностранных инвесторов. Важно, что не минорат, а майорат стал одной из главных предпосылок эффективной капиталистической экономики [15, с. 278]. Возникновение ситуации, когда появлялись хорошо мотивированные младшие братья, которые уходили на государственную службу, в сферу производства или коммерции, было возможно лишь при неделимости недвижимой собственности и ее неприкосновенности. Создание предпосылок в позитивном праве для дробления собственности или установление для участников гражданского оборота такого правового режима имущества, при котором возникает высокая вероятность споров о его разделе, губительны для экономики.

Последствия законодательного решения¹¹ о приватизации построенного в советский период жилья, в ходе которой у детей образовывались доли в праве собственности, показывают, что некоторых ошибок можно было избежать. Решение о приватизации жилья было во многом вынужденным, связанным с переходом от плановой к рыночной экономике, со сломом социалистической системы. Решение законодателя обязать родителей оформить доли в праве собственности на детей, если жилье куплено с использованием средств семейного капитала, не связано с глобальными политическими или экономическими изменениями.

Обсуждение и заключение

1. Сохранению и упрочению института семьи, уменьшению силы действия стимулов к разрушению данной ячейки общества будут способствовать неуклонное толкование и применение норм права, в ходе которых отклонение от принципа равенства при разделе совместно нажитого имущества в интересах детей станет исключительным случаем. Учет имущественных интересов детей должен осуществляться на основе применения норм об алиментных обязательствах, а не норм вещного права.

2. Возможность принимать во внимание при разделе имущества, приобретенного в период брака, стоимость вещей, принадлежавших супругу до брака, принципиально заложена в закон и реализуется в судебной практике при определении размера долей супругов. Вдумчивое и последовательное использование такой возможности правоприменителем, требующее погружения в ретроспективу экономики семьи, расхода служебного времени судьи, позитивно оказывается на стабильности брака как социального института. Скорое же, формально-юридическое разрешение дел о разделе совместно нажитого имущества, если оно будет системным, может стимулировать недобросовестность в обществе, подтолкнуть к плохо обдуманным решениям о расторжении брака при появлении семейных неурядиц и материальных сложностей.

¹¹ Закон Российской Федерации от 4 июля 1991 г. № 1541-1 «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 28. Ст. 959.

3. Установленная законодательством обязанность родителя оформить долю в праве на приобретаемое за счет средств семейного капитала имущество на детей уменьшает стимулы к их самостоятельному и плодотворному труду, противоречит ряду фундаментальных установок, вытекающих из содержания российского вещного и наследственного права. Такая обязанность должна быть исключена из закона, несмотря на риск возникновения отдельных негативных последствий для семей, моральная зрелость и ответственность родителей в которых недостаточно высоки.

Список источников

1. Runyan D. K., Hunter W. M., Socolar R. R. S. et al. Children who prosper in unfavorable environments: the relationship to social capital // Pediatrics. 1998. Vol. 101. P. 12–18. DOI: 10.1542/peds.101.1.12.
2. Szydlik M. Inheritance and inequality: theoretical reasoning and empirical evidence // European Sociological Review. 2004. Vol. 20, no. 1. P. 31–45. DOI: 10.1093/esr/20.1.31.
3. Ульянова М. В. Принцип равенства прав супругов и основания для отступления при разделе имущества супругов // Правосудие/Justice. 2023. Т. 5, № 4. С. 59–75. DOI: 10.37399/2686-9241.2023.4.59-75.
4. Блаттман К. Зачем мир воюет: причины вражды и пути к примирению / пер. с англ. С. П. Бавина. М. : Эксмо, 2024. 464 с.
5. Побережный С. Г. Совместная собственность супругов: проблемы теории и судебной практики // Российское правосудие. 2019. № 2. С. 66–74. DOI: 10.17238/issn2072-909X.2019.2.66-74.
6. Khairina Kh., Efendi R., Kasmuri A. O. Reforming the rules on the division of joint property: a progressive legal approach // Jurnal Indonesia Sosial Sains. 2024. Vol. 23, no. 1. P. 193–204. DOI: 10.59141/jiss.v5i02.1000.
7. Ахмедшина А. Н. Право на материнский (семейный) капитал в системе мер социального обеспечения // Журнал российского права. 2009. № 1 (145). С. 99–107.
8. Плещакова И. Н. К вопросу о реализации социальных прав граждан: развитие нетипичного в социальном обеспечении // Аграрное и земельное право. 2023. № 12 (228). С. 64–67. DOI: 10.47643/1815-1329_2023_12_64.
9. Филатова У. Б. Особенности принятия решений собственниками в праве общей долевой собственности в России и некоторых европейских правопорядках // Проблемы права. 2012. № 6 (37). С. 139–146.
10. Borozdina E., Rotkirch A., Temkina A., Zdravomyslova E. Using maternity capital: citizen distrust of Russian family policy // European Journal of Women's Studies. 2016. Vol. 23, no. 1. P. 60–75. DOI: 10.1177/1350506814543838.

11. Климов И. П. Эволюция норм наследственного права в процессе становления и развития правовой системы России // Академический вестник. 2010. № 3 (13). С. 170–175.
12. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. М. : Территория будущего, 2005. 800 с.
13. Тумурова А. Т. Обычное право бурят: историко-теоретические аспекты // Российское правосудие. 2010. № 3 (47). С. 100–105.
14. Танкиева Л. Х. Вопросы идеализации младшего сына в волшебных сказках ингушей // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2007. № 4-2. С. 62–67.
15. Синельников А. Б. Россия и Западная Европа: две формы семьи и два варианта социально-экономического развития // Социология. 2019. № 2. С. 261–279.
16. Siregar L. R., Khair N., Tanjung D. Inheritance rights of the youngest child in the Middle Barumun indigenous community from the perspective of Islamic law // Journal of Law, Politics and Humanities. 2024. Vol. 4, no. 5. P. 1549–1558. DOI: 10.38035/jlph.v4i5.
17. Wardi U., Yaswirman Ya., Ismail I., Gafnel G. Comparative analysis of islamic family law and customary law in the settlement of inheritance disputes in Indonesia // Journal of Sharia and Law Studies. 2024. Vol. 3, no. 1. P. 13–25. DOI: 10.57255/hakamain.v3i1.330.

References

1. Runyan, D. K., Hunter, W. M., Socolar, R. R. S., et al. Children who prosper in unfavorable environments: the relationship to social capital. *Pediatrics*. 1998;(101):12-18. DOI: 10.1542/peds.101.1.12.
2. Szydlik, M. Inheritance and inequality: theoretical reasoning and empirical evidence. *European Sociological Review*. 2004;20(1):31-45. DOI: 10.1093/esr/20.1.31.
3. Ulianova, M. V. The principle of equality of rights of spouses and grounds for derogation when dividing property of spouses. *Pravosudie/Justice*. 2023;5(4):59-75. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2023.4.59-75.
4. Blattman, K. *[Why we fight: the roots of war and the paths to peace]*. Transl. from Engl. by S. P. Bavin. Moscow: Eksmo; 2024. 464 p. (In Russ.)
5. Poberezhny, S. G. Joint property of spouses: problems of theory and judicial practice. *Rossijskoe pravosudie* = [Russian Justice]. 2019;(2):66-74. (In Russ.) DOI: 10.17238/issn2072-909X.2019.2.66-74.
6. Khairina, Kh., Efendi, R., Kasmuri, A. O. Reforming the rules on the division of joint property: a progressive legal approach. *Jurnal Indonesia Sosial Sains*. 2024;23(1):193-204. DOI: 10.59141/jiss.v5i02.1000.

7. Akhmedshina, A. N. [The right to maternal (family) capital in the system of social security measures]. *Journal of Russian Law*. 2009;(1):99-107. (In Russ.)
8. Pleshakova, I. N. On the issue of realizing the social rights of citizens: the development of atypical social security. *Agrarnoe i zemel'noe pravo = [Agrarian and Land Law]*. 2023;(12):64-67. (In Russ.) DOI: 10.47643/1815-1329_2023_12_64.
9. Filatova, U. B. Peculiarities of decision-making by the right of common share property in Russia and some European rules of law. *Problems of Law*. 2012;(6):139-146 (In Russ.).
10. Borozdina, E., Rotkirch, A., Temkina, A., Zdravomyslova, E. Using maternity capital: citizen distrust of Russian family policy. *European Journal of Women's Studies*. 2016;23(1):60-75. DOI: 10.1177/1350506814543838.
11. Klimov, I. P. [Evolution of the norms of inheritance law in the process of formation and development of the legal system of Russia]. *Akademicheskij vestnik = [Academic Bulletin]*. 2010;(3):170-175. (In Russ.)
12. Vladimirsy-Budanov, M. F. *[Review of the history of Russian law]*. Moscow: Territoriya budushchego; 2005. 800 p. (In Russ.)
13. Tumurova, A. T. Buryat common law concerning inheritance. *Rossijskoe pravosudie = [Russian Justice]*. 2010;(3):100-105. (In Russ.)
14. Tankieva, L. Kh. Idealization of a younger son in the fairy tales of Ingush people. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika = [Bulletin of St. Petersburg University. Series 9. Philology. Oriental Studies. Journalism]*. 2007;(4-2):62-67. (In Russ.)
15. Sinelnikov, A. B. Russia and Western Europe: two forms of family and two options for socio economic development. *Sotsiologiya = [Sociology]*. 2019;(2):261-279. (In Russ.)
16. Siregar, L. R., Khair, N., Tanjung, D. Inheritance rights of the youngest child in the Middle Barumun indigenous community from the perspective of Islamic law. *Journal of Law, Politics and Humanities (JLPH)*. 2024;4(5):1549-1558. DOI: 10.38035/jlph.v4i5.
17. Wardi, U., Yaswirman, Ya., Ismail, I., Gafnel, G. Comparative analysis of Islamic family law and customary law in the settlement of inheritance disputes in Indonesia. *Journal of Sharia and Law Studies*. 2024;3(1):13-25. DOI: 10.57255/hakamain.v3i1.330.

Информация об авторе / Information about the author

Болдырев Владимир Анатольевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права Северо-Западного филиала Рос-

сийского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (Российская Федерация, 197046, Санкт-Петербург, Александровский парк, д. 5).

Vladimir A. Boldyrev, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor at the Civil Law Department, North-West Branch, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev (5 Aleksandrovsky Park, St. Petersburg, 197046, Russian Federation).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 05.12.2024; одобрена после рецензирования 16.12.2024; принята к публикации 24.06.2025.

The article was submitted 05.12.2024; approved after reviewing 16.12.2024; accepted for publication 24.06.2025.

Научная статья

УДК 347.6

DOI: 10.37399/2686-9241.2025.3.137-146

Сравнительно-правовой анализ основных начал семейного законодательства Российской Федерации и Республики Беларусь

Диана Аслановна Кокова

Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х. М. Бербекова, Нальчик, Кабардино-Балкария, Российской Федерации
d.kokowa@yandex.ru

Аннотация

Введение. Сравнение основных начал семейного законодательства на сегодняшний день представляет собой особый интерес ввиду как возрастающей значимости семейного права в целом, так и постоянно увеличивающегося количества брачно-семейных отношений между гражданами союзных государств.

Теоретические основы. Методы. Теоретическую основу исследования составили труды ученых по данной проблематике. Настоящее исследование базируется на применении общетеоретических методов познания: сравнения, анализа, синтеза, а также частнонаучных методов познания: историко-правового, формально-юридического, методов буквального и системного толкования.

Результаты исследования. Ввиду сложности определения предмета и метода регулирования семейных правоотношений, в особенности когда речь идет об участии в данных правоотношениях субъектов, имеющих гражданство различных государств, сравнительно-правовой анализ положений законодательства стран, имеющих наибольшую тесную связь, позволяет выявить ряд затруднений в соответствующей регламентации и, как результат, предлагает пути их преодоления. Автор предлагает обратить внимание на принципы семейного права как общего регулятора в семейном праве и Российской Федерации, и Республики Беларусь в целях всесторонней реализации прав граждан Союзного государства в области семейных правоотношений.

Обсуждение и заключение. Выявление закономерностей формирования принципов регулирования семейных правоотношений в Российской Федерации и в Беларусь и учет их в правоприменении позволят всесторонне реализовать права российских и белорусских граждан.

Ключевые слова: семейное право, союзные государства, семейные правоотношения, принципы семейного права, Российской Федерации, Республика Беларусь

Для цитирования: Кокова Д. А. Сравнительно-правовой анализ основных начал семейного законодательства Российской Федерации и Республики Беларусь // Семейное право: проблемы и практика. – 2025. – № 3. – С. 137–146.

ларусь // Правосудие/Justice. 2025. Т. 7, № 3. С. 137–146. DOI: 10.37399/2686-9241.2025.3.137-146.

Original article

Comparative Legal Analysis of the Main Principles of Family Legislation of the Russian Federation and the Republic of Belarus

Diana A. Kokova

Berbekov Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Kabardino-Balkaria, Russian Federation

d.kokowa@yandex.ru

Abstract

Introduction. A comparison of the basic principles of family law today is of particular interest both in view of the increasing importance of family law in general and the constantly increasing number of marital relations between citizens of the union states.

Theoretical Basis. Methods. The theoretical basis of the study was the works of scientists on this issue. This study is based on the application of general theoretical methods of cognition: comparison, analysis, synthesis, as well as specific scientific methods of cognition: historical-legal, formal-legal, the method of literal and systemic interpretation.

Results. Due to the complexity of defining the subject and method of regulating family legal relations, especially when it comes to the participation in these legal relations of subjects who have citizenship of different states, a comparative legal analysis of the provisions of the legislation of countries, having the closest connection, allows to identify a number of difficulties in the relevant regulation and, as a result, suggests ways to overcome them. The author suggests paying attention to the principles of family law, as a general regulator in family law of both the Russian Federation and the Republic of Belarus for the purpose of comprehensive implementation of the rights of citizens Union State in the field of family legal relations.

Discussion and Conclusion. Identification of patterns in the formation of principles for regulating family legal relations in the Russian Federation and Belarus will allow for the comprehensive implementation of the rights of Russian and Belarusian citizens.

Keywords: family law, union states, family relations, principles of family law, Russian Federation, Republic of Belarus

For citation: Kokova, D. A. Comparative legal analysis of the main principles of family legislation of the Russian Federation and the Republic of Belarus. *Правосудие/Justice*. 2025;7(3):137-146. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2025.3.137-146.

Сложившаяся на сегодняшний день международная ситуация, затрагивающая и глобальную безопасность, и растущую напряженность в международных отношениях, неизбежно ставит вопрос о налаживании сотрудничества в различных сферах между Российской Федерацией и другими государствами.

В данный момент белорусско-российские отношения находятся на заметном подъеме – уровень взаимодействия по всем направлениям действительно беспрецедентный, причем речь идет не только о публичных отношениях, но и о частноправовых. Исторические предпосылки: общие исторические корни, язык, традиции, культура – стали прочным фундаментом формирования тесных отношений между гражданами Союзного Государства, которые, в первую очередь, проявляются в построении брачно-семейных отношений.

Подобные обстоятельства неизбежно ставят вопрос об анализе и гармонизации норм законодательств Беларуси и России, а также о необходимости устранения правовых коллизий для более эффективной реализации прав граждан двух государств в целях стабильности и устойчивости взаимодействия.

Известно, что именно отношения, которые связаны с семьей, браком, воспитанием детей, составляющие суть семейно-правового регулирования, имеют важное социальное значение. И в Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года¹, и в Государственной программе «Здоровье народа и демографическая безопасность Республики Беларусь»² одной из основных задач демографической политики государств названы укрепление института семьи, возрождение и сохранение духовно-нравственных традиций семейных отношений, а также совершенствование системы поддержки семей с детьми, улучшение условий их жизнедеятельности. Соответствующие положения получили свое развитие в Указе Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»³ и в Государственной программе «Здоровье народа и демографическая безопасность» на 2021–2025 годы.

Для того чтобы реализовать обозначенные задачи, необходимо использовать те правовые средства, которые четко определяют содержание конкретных семейных правоотношений и способствуют реализации соответствующих прав и обязанностей. И именно от правильности выбора положений законодательных и договорных конструкций зависят как социальная обстановка в стране в целом, так и возможность пользоваться своими правами участнику семейных правоотношений. Соответственно, актуальным

¹ Указ Президента Российской Федерации от 9 октября 2007 г. № 1351 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 42. Ст. 5009.

² Постановление Совета Министров Республики Беларусь 19 января 2021 г. № 28 «О Государственной программе “Здоровье народа и демографическая безопасность” на 2021–2025 годы» // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь : [сайт]. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P39800046> (дата обращения: 03.03.2025).

³ Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019>.

представляется рассмотрение отдельных инструментов регулирования, особенно в аспекте сравнительно-правового анализа.

Особенностью семейных правоотношений является значимая роль принципов семейного права. Она проявляется в возможности восполнения пробелов семейно-правового регулирования ввиду наличия множества категорий в семейном праве, имеющих специфическую правовую природу и зачастую представляющих определенные трудности в их использовании и регламентации.

В принципах отражаются также направления государственной политики в той или иной сфере, как отмечает А. М. Рабец, «...в деятельности по созданию правового обеспечения реализации государственной семейной политики важнейшая роль... должна отводиться совершенствованию норм, закрепляющих принципы семейного права» [1, с. 203], из чего следует, что принципы семейного права – это обособленная форма семейного права.

В рамках обсуждения принципов семейного права возникает вопрос, какие из них конкретно следует относить к области семейного права. В доктрине много раз предпринимались попытки выявления принципов семейного права, ибо, будучи частью правового регулирования, они зачастую могут находить непосредственное выражение не в самом СК РФ и даже не всегда могут квалифицироваться законодателем в качестве принципа. Фундаментальное значение принципов семейного права может быть понято таким же образом в связи с неопределенностью субъективных семейных прав и семейно-правовых обязанностей по своему содержанию, что подтверждает, что без наименее общих понятий и категорий справедливого в семейном праве, на котором основано все правовое регулирование, само семейное правоотношение остается бессодержательным.

На наш взгляд, исходя из универсального характера принципов, первоочередным является обозначение основополагающих постулатов, закрепленных в Конституции Российской Федерации как в важнейшем нормативном правовом акте. Законодатель не случайно включил в основной закон страны положения, касающиеся краеугольных вопросов семейно-правового регулирования, получившие в последнее время новый виток развития и регламентации как в самом Семейном кодексе, так и в иных нормативных правовых актах⁴. Кроме того, нельзя не упомянуть давно укрепившие-

⁴ Статья 67.1: «Государство создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим. Государство, обеспечивая приоритет семейного воспитания, берет на себя обязанности родителей в отношении детей, оставшихся без попечения»; ст. 114: «Правительство Российской Федерации... обеспечивает проведение в Российской Федерации... государственной политики в области... социального обеспечения, поддержки, укрепления и защиты семьи, сохранения традиционных семейных ценностей».

ся классические конституционные принципы, касающиеся регулирования семейных правоотношений. Так, в соответствии с п. 1 ст. 38 Конституции Российской Федерации материнство и детство, семья находятся под защитой государства. Это значит, что существуют легальные конституционные основания для выделения принципа государственной поддержки семьи, материнства и детства. Вместе с тем вряд ли этот принцип согласно его трактовке относится к принципам семейного права: «Задача государством материнства, детства и семьи носит комплексный социально-экономический и правовой характер, осуществляется путем принятия государством разнообразных мер по поощрению материнства, охране интересов матери и ребенка, укреплению семьи, обеспечению семейных прав каждого». При этом есть некоторые сомнения при анализе вопроса, адресован ли он участникам семейных правоотношений, поскольку все-таки обращен он именно к государству. Одновременно положения ч. 2 ст. 38 Конституции Российской Федерации, регулирующие обязанность родителей заботиться о детях и воспитывать их, без сомнений, относятся именно к семейным правоотношениям.

В связи с неопределенностью в законе в том, кому именно адресованы конкретные принципы, в науке семейного права предпринимается множество попыток формирования разных классификаций данных принципов. Например, как считает Т. В. Шершень, можно выделить 12 принципов семейного права⁵. А. Н. Левушкин и А. А. Серебрякова разделяют принципы семейного права и цели правового регулирования⁶. По мнению С. А. Муратовой, можно выделить восемь принципов семейного права: шесть названы в законе, а их дополняют принцип единобрачия и принцип свободы расторжения брака под контролем государства⁷. Представляется, что количественный критерий принципов не имеет фундаментального значения ввиду постоянно меняющихся отношений и, как следствие, появления новых принципов права.

Отдельно необходимо также привлечь внимание к общепризнанным принципам международного права, касающимся семейного права. В качестве примера можно привести Конвенцию ООН о правах ребенка⁸, в ст. 3 которой закреплен принцип наилучшего обеспечения прав и интересов ребенка: во всех действиях в отношении детей независимо от того, предпринимаются они государственными или частными учреждениями, занимаю-

⁵ Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв ред. О. Н. Низамиева. М. : Проспект, 2010. С. 11 (автор главы – Т. В. Шершень).

⁶ Левушкин А. Н., Серебрякова А. А. Семейное право : учеб. пособие. Ульяновск : УЛГУ, 2011. С. 14–16.

⁷ Муратова С. А. Семейное право: Схемы, комментарии : учеб. пособие. М. : Новый Юрист, 1998. 160 с.

⁸ Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г.) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLVI. М. : Междунар. отнош., 1993.

щимися вопросами социального обеспечения, судами, административными или законодательными органами, первоочередное внимание уделяется наилучшему обеспечению интересов ребенка. Таким образом, все нормы права, содержащиеся в национальных формах права, а также толкование указанных норм должны быть направлены на наилучшее обеспечение прав ребенка.

И все же при многообразии источников именно Семейный кодекс Российской Федерации остается главным нормативным правовым актом, уточняющим все направления, основополагающие принципы семейно-правового регулирования. Так, ст. 1 СК РФ содержит основные принципы семейного права, определяемые Кодексом с учетом социальной значимости семьи и семейных отношений, а также нравственных ценностей, культурных традиций, укрепляющих правовое положение граждан в социальном государстве. Положения, закрепленные в Кодексе, являются последовательным развитием семейного законодательства.

Примечательно, что на данный момент в Государственной Думе на рассмотрении находится законопроект № 157281-8 «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части регулирования отношений, связанных с правами и законными интересами детей)»⁹, в пояснительной записке к которому однозначно указывается: «Законопроект подготовлен в развитие положений Конституции Российской Федерации... закрепляющих базовые для российских граждан конституционно значимые нравственные ценности семьи, материнства, отцовства, детства, в том числе *конституционные принципы*» (курсив мой. – Д. К.).

В этом контексте уместно упоминание о таких принципах, которые, с одной стороны, адресованы публично-правовым образованиям, но, с другой стороны, учитываются в судебной практике при толковании договоров при оценке поведения субъектов. Здесь можно назвать, например, такой принцип, как приоритетная защита прав несовершеннолетних и нетрудоспособных, а также принцип заботы о благосостоянии и развитии детей. В данном случае подразумевается, что именно государство должно действовать таким образом, чтобы Российская Федерация выступала как социальное государство, а также чтобы в частноправовых отношениях субъекты данных правоотношений, учитывая вышеперечисленные принципы, не ставили в заведомо невыгодное положение более слабых участников таких отношений¹⁰.

Таким образом, принципы – это базис для формирования единообразной системы. Они воспринимаются как сложившиеся представления о том, ка-

⁹ Система обеспечения законодательной деятельности : [сайт]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/157281-8> (дата обращения: 28.01.2025).

¹⁰ Апелляционное определение Свердловского областного суда от 17 июня 2014 г. по делу № 33-6091/2014. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.03.2025).

ким именно образом должны быть воспроизведены права и обязанности. Такого рода представления зависят от уровня развития общества, национальных и нравственных установок, временного периода. Посредством принципов возможно уяснение смысла каждого права и каждой обязанности, определение их логического местоположения в законодательстве.

Что касается закрепления принципов в белорусском законодательстве, то складывается следующая ситуация: без сомнений, в проводимой белорусским государством семейной политике прослеживается влияние советского наследия. Кодекс о браке и семье был принят лишь в 1999 г. как результат первой концептуальной реформы брачно-семейного законодательства, ознаменовав переход от практически полностью императивного регулирования к диспозитивному. Указ Президента Республики Беларусь № 46 от 21 января 1998 г. «Об утверждении основных направлений государственной семейной политики Республики Беларусь»¹¹ положил начало формированию нового семейного законодательства, в частности, закрепил принцип «самостоятельности и автономности семьи в принятии решений относительно своего развития».

При этом необходимо констатировать, что в отличие от СК РФ в Кодексе Республики Беларусь о браке и семье от 9 июля 1999 г. № 278-З¹² не закреплены принципы семейного права. Вместо этого белорусский законодатель устанавливает задачи, стоящие перед государством в отношении поддержки семьи (что можно соотнести со стремлением российского государства участвовать в регулировании семейных правоотношений): укрепление семьи как естественной и основной ячейки общества на принципах общечеловеческой морали, недопущение ослабления и разрушения семейных связей; построение семейных отношений на добровольном брачном союзе женщины и мужчины, равенстве прав супругов в семье, на взаимной любви, уважении и взаимопомощи всех членов семьи; установление прав детей и обеспечение их приоритета; установление прав и обязанностей супругов, родителей и других членов семьи в соответствии с положениями Конституции Республики Беларусь, нормами международного права; охрана материнства и отцовства, прав и законных интересов детей, обеспечение благоприятных условий для развития и становления каждого ребенка; учет наилучших интересов ребенка при принятии государственными органами, иными организациями решений в отношении детей (ст. 1).

В белорусской доктрине справедливо подвергается критике некоторое противоречие в определениях и категориях, используемых в ст. 1 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье. Отдельные ученые подчеркивают,

¹¹ В ред. Указа Президента Республики Беларусь от 28 декабря 2007 г. № 676 (Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь : [сайт]. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P39800046> (дата обращения: 03.03.2025).

¹² Принят Палатой представителей 3 июня 1999 г. Одобрен Советом Республики 24 июня 1999 г.

что понятия, цель, задачи и принципы имеют различные функции и несут разную смысловую нагрузку, поэтому целесообразным было бы их разграничение для более полного обеспечения прав участников семейных правоотношений, определенных в государственной семейной политике Беларуси как стратегически важные [2].

В литературе также предпринимаются попытки классификации принципов в зависимости от значимости и уровня их правового закрепления. Выделяют три подгруппы: *приоритетные*, в которые, к примеру, входит защита прав несовершеннолетних; *взаимные* – такие, как добровольность брачного союза; *ценностные* – безопасная жизнь детей. Разрабатываемая система принципов семейного права устанавливается как неотъемлемая часть концепции государственной стратегии и выбранных основополагающих направлений, базирующихся на основе вектора защиты семьи, детства, материнства и отцовства. Этот подход исходит из восприятия и признания человека, его естественных прав в качестве наивысшей ценности, необходимости соблюдения общих принципов законности и справедливости.

На данный момент правоведы по аналогии используют принципы, закрепленные в Конституции Республики Беларусь, что в целом возможно с учетом особого статуса принципов как регулятора правоотношений в целом. Это следующие закрепленные в ст. 32 Конституции Республики Беларусь положения: «Брак как союз женщины и мужчины, семья, материнство, отцовство и детство находятся под защитой государства. Женщина и мужчина по достижении брачного возраста имеют право на добровольной основе вступить в брак и создать семью. Супруги имеют равные права в браке и семье. Родители или лица, их заменяющие, имеют право и обязаны воспитывать детей, заботиться об их здоровье, развитии и обучении, готовить к общественно полезному труду, прививать культуру и уважение к законам, историческим и национальным традициям Беларуси. Ребенок не должен подвергаться жестокому обращению или унижению, привлекаться к работам, которые могут нанести вред его физическому, умственному или нравственному развитию. Дети обязаны заботиться о родителях, а также о лицах, их заменяющих, и оказывать им помощь. Государство оказывает поддержку семьям с детьми, детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей. Государство обеспечивает приоритет воспитания детей в семье. Дети могут быть отделены от своей семьи против воли родителей и других лиц, их заменяющих, только на основании решения суда, если родители или другие лица, их заменяющие, не выполняют своих обязанностей. Женщинам и мужчинам обеспечивается предоставление равных возможностей в получении образования и профессиональной подготовке, в труде и продвижении по службе (работе), в общественно-политической, культурной и других сферах деятельности, а также создание условий для охраны их труда и здоровья».

В этом контексте важно упомянуть Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 22 декабря 2022 г. № 7 «О применении суда-

ми законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака»¹³, где в первом же пункте обращается внимание на особую значимость ст. 32 Конституции Республики Беларусь.

Можно утверждать, что на основе данных конституционных положений и сконструировано законодательство о браке и семье Республики Беларусь. Однако при этом не следует игнорировать необходимость текстуального закрепления принципов в самом Кодексе. Напротив, ввиду их фундаментального значения и функций, задающих весь последующий вектор регулирования брачно-семейных отношений, возрастает необходимость их включения в Кодекс Республики Беларусь о браке и семье от 9 июля 1999 г.

В результате анализа указанных выше конституционных положений в конечном счете к числу принципов семейного права можно отнести: добровольность брачного союза мужчины и женщины; равенство супругов в семье; гендерное равенство; семейное воспитание детей; приоритетную защиту прав и интересов несовершеннолетних и нетрудоспособных членов семьи.

В целом можно утверждать, что на сегодняшний момент принципы семейного права Республики Беларусь отражают правовую политику государства, ее сущность и стремление к обеспечению масштабного поддержания интересов семьи.

Сравнение положений семейного законодательства Российской Федерации и Республики Беларусь позволяет сделать ряд выводов. Общим и для белорусского, и для российского семейного права является особое понимание принципов и основных начал семейно-правового регулирования, что абсолютно обоснованно ввиду наличия сложностей определения предмета и метода регулирования в семейном праве, а также ввиду большой заинтересованности государства во всеобъемлющей поддержке участников семейных правоотношений. При этом непохожие подходы в закреплении данных принципов опосредуют различный итог в правоприменении. Полемика вокруг природы семейного права, методов его регулирования и в российском законодательстве, и в белорусском всегда актуальна, хотя роль принципов семейного права не может быть переоценена. При анализе сложного вопроса о предмете и методе регулирования семейных правоотношений именно принципы семейного права могут быть положены в основу как универсальный инструмент регламентации данных правоотношений.

Список источников

1. Рабец А. М. Принципы семейного права РФ как «зеркало» государственной семейной политики // Семейное право и законодательство:

¹³ Примечательно, что «белорусский законодатель отнес постановления Пленума Верховного Суда к нормативным правовым актам (О нормативных правовых актах Республики Беларусь: Закон Республики Беларусь, 10.01.2000 г., № 351-3: в редакции Закона Республики Беларусь от 02.07.2009 г.) [3].

- политические и социальные ориентиры совершенствования : Междунар. научн-практ. конф. Тверь : Твер. гос. ун-т, 2015. С. 203–207.
2. Бондаренко Н. Л. Цель, задачи и принципы законодательства о браке и семье Республики Беларусь // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр. Вып. 15. Минск : Право и экономика, 2020. С. 336–343.
 3. Данькова Л. И. Прецедентный характер решений высших органов судебной власти Республики Беларусь // Право: история и современность. 2018. № 1. С. 16–31.

References

1. Rabets, A. M. [Principles of family law Russian Federation as a “mirror” the state family policy]. *[Family law and legislation: political and social guidelines for improvement]*. International Scientific and Practical Conference. Tver: Tver State University; 2015. Pp. 203–207. (In Russ.)
2. Bondarenko, N. L. [The purpose, objectives and principles of the legislation on marriage and family of the Republic of Belarus]. *[Law in modern Belarusian society]*. Collection of scientific works. Issue 15. Minsk: Pravo i ekonomika; 2020. Pp. 336–343. (In Russ.)
3. Dankova, L. I. Precedent decisions of higher judicial bodies of the Republic of Belarus. *Law: History and Modernity*. 2018;(1):16-31. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

Кокова Диана Аслановна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса Института права, экономики и финансов Кабардино-Балкарского государственного университета имени Х. М. Бербекова (Российская Федерация, Кабардино-Балкарская Республика, 360004, Нальчик, ул. Чернышевского, д. 173).

Diana A. Kokova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor at the Civil Law and Procedure Department, Institute of Law, Economics and Finance, Berbekov Kabardino-Balkarian State University (173 Chernyshevsky St., Nalchik, 360004, Kabardino-Balkaria, Russian Federation).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 04.03.2025; одобрена после рецензирования 14.03.2025; принятая к публикации 24.06.2025.

The article was submitted 04.03.2025; approved after reviewing 14.03.2025; accepted for publication 24.06.2025.

Научная статья**УДК 34.096****DOI: 10.37399/2686-9241.2025.3.147-161**

Тенденции правовой защиты инвалидов: национальный и международный аспекты

Юлия Олеговна Хоршева

*Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева,
Санкт-Петербург, Российская Федерация
y.horsheva@szfrgup.ru, <https://orcid.org/0009-0006-9558-6711>*

Аннотация

Введение. Статья посвящена сопоставлению международного и национального правовых механизмов защиты инвалидов. Исследуются тенденции в изменении правового регулирования статуса инвалида. Приводится краткий историко-правовой обзор становления института защиты прав инвалидов в России. Основной целью исследования является выделение положительного международного и национального опыта защиты уязвимых категорий населения для дальнейшего совершенствования отечественного законодательства.

Методы. Основным методологическим принципом исследования выступил принцип единства теории и практики. При проведении исследования был использован системный подход при сопоставлении международного и национального механизмов защиты прав инвалидов. Также использовались общенаучные (исторический, статистический, анализ) и специальные (формально-юридический, историко-правовой, сравнительно-правовой) методы правовых исследований. При изучении вопроса возможного использования положительного правового опыта в современном механизме правового регулирования применялись также элементы метода правового моделирования.

Результаты исследования. В процессе исследования проведен анализ правовой защиты инвалидов на международном и национальном уровнях, выявлены общие тенденции развития института в международном и национальном разрезе, определен круг проблем, которые нуждаются в дальнейшем исследовании, приведены рекомендации возможного использования положительного опыта защиты прав инвалидов в современном законотворческом процессе.

Заключение. Поддержка лиц с ограниченными возможностями, как правило, оказывается в форме предоставления материальных благ (социальные выплаты, жилье) и нематериальных благ (помощь в реабилитации и социализации). Данные формы следует совершенствовать, законодательство должно идти по пути гуманизации, а общество – получать правовое просвещение относительно прав лиц с ограниченными возможностями для более благоприятной социализации таких лиц.

Ключевые слова: инвалиды, правовой статус инвалида, социальная защита инвалидов в России, законодательство, международно-правовая защита

Для цитирования: Хоршева Ю. О. Тенденции правовой защиты инвалидов: национальный и международный аспекты // Правосудие/Justice. 2025. Т. 7, № 3. С. 147–161. DOI: 10.37399/2686-9241.2025.3.147-161.

Original article

Trends in Legal Protection of Persons with Disabilities: National and International Aspects

Yuliia O. Khorsheva

*North-West Branch, Russian State University of Justice
named after V. M. Lebedev, St. Petersburg, Russian Federation
y.horsheva@szfrgup.ru, <https://orcid.org/0009-0006-9558-6711>*

Abstract

Introduction. The article is devoted to a comparison of international and national legal mechanisms for the protection of people with disabilities. Certain trends in changes in the legal regulation of the status of disabled people are explored. A brief historical and legal overview of the formation of the institution for the protection of the rights of people with disabilities in Russia is provided. The main goal of the study is to highlight positive international and national experience in protecting vulnerable categories of the population for further improvement of domestic legislation.

Methods. The main methodological principle of the study was the principle of unity of theory and practice. When conducting the study, a systematic approach was used to compare international and national mechanisms for protecting the rights of people with disabilities. General scientific (historical, statistical, analysis) and special (formal legal, historical legal, comparative legal) methods of legal research were also used. When studying the issue of the possible use of positive legal experience in the modern mechanism of legal regulation, certain tools of the legal modeling method were also used.

Results. During the research process, an analysis of the legal protection of people with disabilities at the international and national levels was carried out, general trends in the development of the institute at the international and national level were identified, and a range of problems that needed further research was identified, recommendations are given for the possible use of positive experience in protecting the rights of people with disabilities in the modern legislative process.

Conclusion. Support for persons with disabilities is usually provided in the form of material benefits (social payments, housing) and non-material benefits (help with rehabilitation and socialization). These forms should be improved, legislation should follow the path of humanization, and society should receive legal education about the rights of persons with disabilities in order to promote their socialization.

Keywords: disabled people, legal status of disabled people, social protection of disabled people in Russia, legislation, international legal protection

For citation: Khorsheva, Yu. O. Trends in legal protection of persons with disabilities: national and international aspects. *Pravosudie/Justice*. 2025;7(3):147-161. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2025.3.147-161.

Введение

Высокий уровень правовой защиты уязвимых категорий населения является одним из наиболее важных показателей развития гражданского общества и реализации основных целей существования социального государства. К категориям населения, нуждающимся в дополнительной правовой защите, можно отнести недееспособных лиц, лиц с ограниченной дееспособностью, раненых и больных, в отдельную категорию зачастую выделяются инвалиды. По данным Комитета ООН по правам инвалидов, в мире насчитывается около миллиарда людей, имеющих инвалидность¹.

На сегодняшний день Конвенция о правах инвалидов и Факультативный протокол к ней (The Convention on the Rights of Persons with Disabilities and its Optional Protocol)² обеспечивают их защиту на международно-правовом уровне. В свою очередь, в Российской Федерации основным нормативным правовым актом, обеспечивающим защиту инвалидов, является Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ³. Следует отметить, что и международный, и национальный механизмы защиты прав инвалидов формировались в течение длительного времени, претерпевая изменения не только с точки зрения их формального содержания, но и с точки зрения отношения общества к защите данной категории населения [1, с. 42].

Актуальность темы исследования свидетельствует о необходимости анализа тенденций правовой защиты инвалидов с целью дальнейшего усовершенствования механизма правового регулирования положения уязвимых категорий населения как на международном, так и на национальном уровнях.

В настоящее время отсутствуют комплексные исследования, посвященные динамике развития механизма правовой защиты инвалидов в международном и национальном аспектах. Существует ряд научных работ, освещающих отдельные аспекты исследуемого вопроса. Например, в статье А. В. Деменевой анализируется защита прав инвалидов в практике Ев-

¹ Комитет по правам инвалидов // Официальный сайт ООН. URL: <https://www.ohchr.org/ru/treaty-bodies/crpd> (дата обращения: 05.02.2024).

² Конвенция о правах инвалидов, принятая 13 декабря 2006 г. на 62-й сессии Генеральной Ассамблеи в соответствии с резолюцией A/RES/61/106 // Официальный сайт ООН. URL: <https://www.ohchr.org/ru/instruments-mechanisms/instruments/convention-rights-persons-disabilities> (дата обращения: 01.02.2024); Факультативный протокол к Конвенции о правах инвалидов, принятый 14 июля 2021 г. Генеральной Ассамблеей ООН // Официальный сайт ООН. URL: <https://www.ohchr.org/ru/instruments-mechanisms/instruments/optional-protocol-convention-rights-persons-disabilities> (дата обращения: 01.02.2024).

³ Здесь и далее доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс», если не указано иное.

ропейского Суда по правам человека и Комитета ООН по правам инвалидов [2]. Т. А. Лыхина рассматривает права инвалидов с точки зрения проблемы международно-правового регулирования и международных обязательств Российской Федерации [3]. В диссертации Н. И. Фадина предложены пути совершенствования механизмов содействия занятости инвалидов в России [4]. Одним из новейших трудов, посвященных комплексному рассмотрению механизма защиты прав инвалидов, является монография Р. Н. Жаворонкова, опубликованная в 2020 г. [5].

Таким образом, на сегодняшний день вопрос основных тенденций правового регулирования статуса инвалида на национальном и международном уровнях недостаточно изучен. В связи с этим основной целью исследования является изучение и анализ таких тенденций для дальнейшего совершенствования международного и национального механизмов защиты прав инвалидов.

Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд задач:

- 1) выявить основные инструменты защиты прав инвалидов в действующем правовом механизме;
- 2) рассмотреть различные аспекты и тенденции в процессе совершенствования механизма защиты изучаемой уязвимой категории как на международном, так и на национальном уровнях;
- 3) определить круг причин, влияющих на совершенствование механизма защиты инвалидов;
- 4) выделить основные проблемы в действующем механизме с целью дальнейшей разработки рекомендаций по совершенствованию правовой защиты лиц с ограниченными возможностями.

Методы

При проведении исследования были использованы системный подход, общенаучные (исторический, статистический, анализ) и специальные (формально-юридический, историко-правовой, сравнительно-правовой) методы правовых исследований. При конструировании возможных путей совершенствования механизма правового регулирования положения инвалидов также использовались отдельные инструменты метода правового моделирования.

Результаты исследования

В России действующими основными актами в сфере защиты прав инвалидов, а также признания лица инвалидом являются: Федеральный закон от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», Федеральный закон от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи», Указ Президента Российской Федерации от 2 октября 1992 г. № 1157 (ред. от 26 июля 2021 г.) «О дополнительных мерах государственной поддержки инвалидов», постановление Правительства Российской Федерации от 5 апреля 2022 г. № 588 (ред. от 28.11.2023) «О признании лица инвалидом» (вместе с «Правилами признания лица ин-

валидом»), «ГОСТ Р 57958–2017. Национальный стандарт Российской Федерации. Условия труда инвалидов. Требования доступности и безопасности»⁴.

Конвенция о правах инвалидов и Факультативный протокол к ней⁵, Резолюция Совета Безопасности 2475 (2019)⁶, Итоговый документ заседания высокого уровня Генеральной Ассамблеи, посвященного вопросам достижения целей в области развития, сформулированных в Декларации тысячелетия, и других согласованных на международном уровне целей в области развития в интересах инвалидов: Путь вперед – повестка дня в области развития с участием инвалидов на период до 2015 года и после него, Стандартные правила обеспечения равных возможностей для инвалидов (1993), Принципы защиты психически больных лиц и улучшения психиатрической помощи (1991), Всемирная программа действий в отношении инвалидов (1982), Декларация о правах инвалидов (1975), Декларация о правах умственно отсталых лиц (1971) – международные акты, затрагивающие или прямо регулирующие правовое положение инвалидов⁷.

Таким образом, на сегодняшний день существует довольно широкая нормативная база, обеспечивающая права инвалидов. Рассмотрим общие и особенные аспекты такой защиты, существующие на национальном и международном уровнях.

Можно выделить общие положения в существующем механизме.

1. Основной целью существующих инструментов по правовой защите изучаемой уязвимой категории является предоставление инвалидам равных с другими гражданами (и иными лицами, проживающими на территории государства) возможностей в реализации различных прав и свобод, закрепленных международным и национальным правом (гражданские, экономические, политические, социальные и культурные).

2. Общим аспектом международного и национального права является создание механизма социальной защиты, направленного на полное вовлечение инвалидов в жизнь общества, в котором они находятся.

3. Использование внутренних ресурсов государства для реализации программ, которые призваны поддержать инвалидов в процессе их социализации.

⁴ Утвержден и введен в действие приказом Росстандарта от 17 ноября 2017 г. № 1776-ст.

⁵ Инвалиды – развитие и права человека для всех // Официальный сайт ООН. URL: <https://www.un.org/ru/rights/disabilities/docs.shtml> (дата обращения: 04.02.2024).

⁶ Резолюция Совета Безопасности 2475 (2019) // Официальный сайт ООН. URL: [https://docs.un.org/en/S/RES/2475\(2019\)](https://docs.un.org/en/S/RES/2475(2019)) (дата обращения: 04.02.2024).

⁷ Инвалиды – развитие и права человека для всех // Официальный сайт ООН. URL: <https://www.un.org/ru/rights/disabilities/docs.shtml> (дата обращения: 04.02.2024).

4. Недопустимость дискриминации по признаку инвалидности – аспект, который определяет невозможность ограничения прав (в то же время достижение равенства – аспект, определяющий предоставление прав).

5. Основные инструменты поддержки уязвимых категорий населения находятся в руках государственных и муниципальных органов, а дополнительно – в руках некоммерческих и благотворительных организаций.

6. Отдельным аспектом также можно выделить доступ к информации инвалидов, а также информационное обеспечение в области социальной защиты.

Следует отметить, что начала защиты инвалидов в России заложены частными лицами и церковью. И только начиная с XVI в. зарождаются механизмы государственной помощи инвалидам. В 1551 году Стоглавый собор Русской православной церкви постановил просить, чтобы «благочестивый царь» повелел «...всех прокаженных и престарелых описати по всем градам» и в них «устроиti богадельни», поместив в последние «не могущих нигде же главы преклонити»⁸. Р. Н. Жаворонков называет период до XVI в. «периодом влияния религиозной модели», а период начиная с XVI в. и до начала XX в. – «периодом влияния модели государственного признания» [5, с. 45]. При Петре I институт признания инвалидов продолжал активно развиваться: в соответствии с Указами 1700, 1710, 1712 гг. старых и увечных предписывалось пожизненно содержать за счет государственной казны, в то время как здоровые, способные к работе молодые люди должны были привлекаться к труду.

В Указе 1724 г. был дан перечень лиц, которые не способны самостоятельно обеспечить себя пропитанием. К этой категории относились сироты, больные, увечные и нищие⁹. Дальнейшее развитие института признания инвалидов получил при Екатерине II: в 1777 г. был подписан Указ «Об учреждении в Москве инвалидного дома»¹⁰. Характерной чертой данного периода является выделение механизма помощи инвалидам (формирование отдельного института) из общего института признания уязвимых категорий населения, среди которых были также раненые, сироты и нищие. В течение XVII–XVIII вв. формируется система материальной помощи инвалидам, что выражалось в определенных разовых и периодических денежных вы-

⁸ Из российской и советской истории формирования системы социальной защиты инвалидов // Сайт РООИ «Перспектива». URL: <https://perspektiva-inva.ru/poleznye-ssylinki/iz-rossijskoj-i-sovetskoj-istorii-formirovaniya-sistemy-soczialnoj-zashchity-invalidov/> (дата обращения: 05.02.2024).

⁹ Указ от 3 июня 1724 г. «О переписи во всех городах, кроме Сибири, мужского и женского пола нищих» // Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание. СПб., 1830. Т. VII (1710). Ст. 4522. С. 298.

¹⁰ Указ от 13 июля 1777 г. «Об учреждении в Москве инвалидного дома» // Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание. СПб., 1830. Т. XX (1775–1780). Ст. 14628. С. 536.

платах и пособиях, а также предоставлении земель и иных материальных благ¹¹.

В XIX веке появляется социальное законодательство, уже предусматривающее пенсионное обеспечение инвалидов¹². Следует, однако, сделать оговорку, что в основном государственное призрение было направлено на инвалидов войны, лиц при определенных чинах. В свою очередь, довольно большая часть инвалидов оставалась под призрением церкви и частных благотворительных организаций. При этом, как указывает Р. Н. Жаворонков, религиозная форма помощи инвалидам в основном выражалась не в материальной помощи, а в предоставлении содержания в специальных заведениях [5, с. 50].

Особенностью призрения инвалидов в указанный период было также то, что данную уязвимую категорию населения рассматривали с двух сторон. С одной стороны, лицо могло стать инвалидом по независящим от его воли обстоятельствам, например, во время участия в военных событиях, исполняя свой долг защиты Родины. С другой стороны, инвалидность могла наступать в результате субъективного выбора самого человека, например, при его неблагоразумном образе жизни (пьянстве, безделье, бродяжничестве), который и повлек за собой ухудшение здоровья. Во втором случае инвалиды не только не получали помощи, так еще и могли подвергаться санкциям¹³.

Вторая половина XIX – начало XX в. ознаменовались формированием новой прослойки общества – рабочих, которые очень часто получали увечья и становились инвалидами на производстве. Изменения в эко-

¹¹ Соборное уложение 1649 г. // Законодательство царя Алексея Михайловича / сост. В. А. Томсинов. М. : Зерцало-М, 2011. С. 60–256; Указ от 15 июля 1665 г. «О даче вышедшим и впредь выходящим из плена денежного и кормового жалованья» // Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание. СПб., 1830. Т. I (1649–1675). Ст. 345. С. 582; Указ от 27 октября 1766 г. «Об отводе места инвалидам из городских выгонных земель, для строения домов, на основании 19 пункта 8 главы Межевой инструкции» // Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание. СПб., 1830. Т. XVII (1765–1766). Ст. 12768. С. 1026; Указ от января 1788 г. «О возложении довольствия жалованием инвалидов на обер-комендантов и комендантов» // Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание. СПб., 1830. Т. XXII (1784–1788). Ст. 16620. С. 1025.

¹² Указ от 21 мая 1803 г. «О сроках службы к награждению отставляемых генералитета, штаб и обер-офицеров армейских» // Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание. СПб., 1830. Т. XXVII (1802–1803). Ст. 20770. С. 627; Указ от 24 августа 1827 г. «О правилах увольнения нижних чинов поселенных полков по выслуге 20 лет» // Полное собрание законов Российской империи. Второе собрание. СПб., 1830. (1825–1881). Т. II (1827). Ст. 1324. С. 700.

¹³ Указ от 21 января 1748 г. «О невыдаче паспортов слепым, дряхлым и увечным крестьянам для прохода в Санкт-Петербург и в другие места, под взысканием штрафа за неисполнение сего указа» // Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание. СПб., 1830. Т. XII (1744–1748). Ст. 9474. С. 821.

номике повлекли изменения социальной структуры, а вслед за этим – необходимость совершенствования законодательства в сфере защиты прав инвалидов. Ученые называют это время этапом становления «экономической модели инвалидности» [5, с. 52]. В этот период активно изменяется нормативное правовое регулирование положения инвалидов¹⁴. Важным аспектом становится распространение социальной защиты инвалидов на все слои населения, вне зависимости от чина. Таким образом, можно наблюдать зарождение идей и начало реализации концепции социального государства.

Экономическая модель инвалидности проявлялась в том, что статус инвалида был привязан к его трудоспособности. Объективная невозможность работать лишала человека какого-либо материального обеспечения. Именно в указанных условиях государство начинает брать на себя ответственность за социальную защиту таких людей.

Советский этап развития механизма правовой защиты инвалидов также имел свои особенности: вводилось социальное страхование¹⁵, обеспечение по инвалидности вследствие общего заболевания и потери трудоспособности в старости¹⁶. Особое место в системе правовой защиты занимала категория инвалидов войны. Экономическая модель инвалидности характеризовалась также появлением механизма предоставления труда инвалидам¹⁷. Дальнейшее развитие защиты прав инвалидов получила с принятием Конституции СССР 1936 г., в ст. 120 которой закреплялось право всех граждан на материальное обеспечение в случае нетрудоспособности¹⁸. В качестве подэтапа можно выделить военное время 1940–1945 гг., когда на категории гражданского населения, работавшего в зоне военных действий распространялись те же социальные льготы, что и на военнослужащих [5, с. 66]. Инвалиды войны получали дополнительные льготы в виде

¹⁴ Правила о вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев рабочих и служащих, а равно членов их семейств в предприятиях фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности, утвержденные 2 июня 1903 г. // Полное собрание законов Российской империи. Третье собрание. СПб., 1905. Т. XXIII (1903). Ч. 1. Ст. 23060. С. 595; Закон от 23 июня 1912 г. «О страховании рабочих от несчастных случаев» // Полное собрание законов Российской империи. Третье собрание. СПб., 1915. Т. XXXII (1912). Ст. 37447. С. 868; Закон от 23 июня 1912 г. «Об обеспечении рабочих на случай болезни» // Полное собрание законов Российской империи. Третье собрание. СПб., 1915. Т. XXXII (1912). Ст. 37446. С. 855.

¹⁵ Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1917. № 2. Ст. 17.

¹⁶ Декрет СНК РСФСР от 31 октября 1918 г. «Положение о социальном обеспечении трудящихся» // Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1918. № 89. Ст. 906.

¹⁷ Кодекс законов о труде // Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1918. № 87, 88. Ст. 905.

¹⁸ Конституция СССР // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1936. № 283.

преимущественного поступления на работу, а также преимущественного права на получение специального образования¹⁹.

Периоды восстановления и стабилизации экономики после войны характеризовались введением дополнительных мер поддержки инвалидов. Конец XX – начало XXI в. ознаменованы формированием медико-социальной модели инвалидности [5, с. 77–94].

На сегодняшний день правовой основой механизма защиты прав инвалидов в Российской Федерации является Федеральный закон от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации». Положения Закона находят развитие в ряде постановлений Правительства Российской Федерации²⁰.

В связи с тем, что Россия является федерацией, нельзя забывать и о том, что в региональных нормативных правовых актах могут быть установлены дополнительные меры поддержки инвалидов. Такие меры могут включать, например, создание доступной среды жизнедеятельности для инвалидов [6, с. 109]. А, например, в Хабаровском крае реализуется ряд программ, направленных на расширение денежных форм социальной поддержки инвалидов [7, с. 181].

Отечественное законодательство не стоит на месте. Одним из последних нововведений стало то, что пенсии по инвалидности начиная с 2024 г. будут назначаться автоматически [8, с. 112].

Следует отметить, что международный механизм защиты прав инвалидов имел похожие с отечественной системой этапы развития, хотя были и особенности. Исторически формы поддержки инвалидов эволюционировали от предоставления им материальных благ (еды, жилья) до защиты прав личности (от дискриминации) и создания благоприятных условий для социализации.

¹⁹ Постановление СНК РСФСР от 6 ноября 1941 г. № 659 «О мероприятиях по трудовому устройству и обучению инвалидов Отечественной войны» // Собрание постановлений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1941. № 7. Ст. 39; Постановление СНК СССР от 6 мая 1942 г. № 640 «О трудовом устройстве инвалидов Отечественной войны» // Собрание постановлений и распоряжений Правительства СССР. 1942. № 5. Ст. 76.

²⁰ Постановление Правительства Российской Федерации от 7 декабря 1996 г. № 1449 «О мерах по обеспечению беспрепятственного доступа инвалидов к информации и объектам социальной инфраструктуры»; постановление Правительства Российской Федерации от 17 июня 2015 г. № 599 (ред. от 29.11.2018) «О порядке и сроках разработки федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления мероприятий по повышению значений показателей доступности для инвалидов объектов и услуг в установленных сферах деятельности» (вместе с «Правилами разработки федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления мероприятий по повышению значений показателей доступности для инвалидов объектов и услуг в установленных сферах деятельности»).

В документах ООН упоминание инвалидов находим с 1970-х гг. Следует отметить, что в настоящее время международный механизм защиты прав инвалидов направлен не только на предоставление помощи, но и на борьбу с любыми проявлениями дискриминации в отношении указанных лиц. Однако в основополагающих международно-правовых актах (Всеобщая декларация прав человека (1948), Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (1966) и Международный пакт о гражданских и политических правах (1966) прямое указание на людей с инвалидностью отсутствует. Данная категория не была выделена вплоть до 70–80-х гг. [9, с. 116]. Так, в 1982 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла Всемирную программу действий в отношении инвалидов²¹. Целью данной Программы было предоставление равных с другими лицами прав в сфере социальной жизни.

В продолжение Программы в 1993 г. последовало принятие акта рекомендательного характера, а именно «Стандартных правил обеспечения равных возможностей для инвалидов»²². Назревало принятие единого систематизированного международно-правового акта. Осознавая эту необходимость, правительство Мексики выступило с инициативой разработки конвенции, которая определяла бы основные положения защиты прав инвалидов. Так появились Конвенция о правах инвалидов и Факультативный протокол к ней (2006). В Российской Федерации данная Конвенция была ратифицирована в 2012 г.²³

Следует отметить, что принятие Конвенции не отменило действие Стандартных правил, а лишь распространило на них условие обязательного исполнения для участников, ратифицировавших Конвенцию [10, с. 48]. Достаточно большое количество государств ратифицировало Конвенцию относительно недавно, а некоторые только подготавливают свое законодательство к ратификации [11, с. 28].

Существует ряд организаций, которые защищают права инвалидов. Кроме Комитета по правам инвалидов вопросами адаптации инвалидов также занимаются Международная организация труда и Всемирная организация здравоохранения [12, с. 104]. Следует упомянуть деятельность региональных международных организаций Азиатско-Тихоокеанского региона в сфере защиты прав инвалидов [13, с. 109]. В изучаемой сфере

²¹ Всемирная программа действий в отношении инвалидов (принята резолюцией 37/52 Генеральной Ассамблеи от 3 декабря 1982 г.) // Сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/prog.shtml (дата обращения: 20.02.2024).

²² Стандартные правила обеспечения равных возможностей для инвалидов (приняты резолюцией 48/96 Генеральной Ассамблеи от 20 декабря 1993 г.) // Сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disabled.shtml (дата обращения: 20.02.2024).

²³ Федеральный закон «О ратификации Конвенции о правах инвалидов» от 3 мая 2012 г. № 46-ФЗ.

осуществляется также международное сотрудничество между государствами – участниками Содружества Независимых Государств [14, с. 318]. Большое внимание на международной арене также уделяется вопросам социальной реабилитации инвалидов [15, с. 85–87]. Большинство государств, ратифицировавших Конвенции, имеют сходные механизмы регулирования положения инвалидов, однако в некоторых есть особенности [16, с. 47–50].

Заключение

Таким образом, и в национальном, и в международном праве существуют общие тенденции к расширению социальной поддержки инвалидов. На сегодняшний день такая поддержка оказывается в различных формах – предоставление материальных благ (социальные выплаты, жилье) и нематериальных благ (помощь в реабилитации и социализации). При этом проблемными остаются вопросы финансирования, удобной инфраструктуры для инвалидов, а также их социализация [17, с. 154].

Дальнейшее международное сотрудничество, а также совершенствование отечественного законодательства помогут оптимизировать существующий механизм правовой защиты инвалидов и разработать новые методы социальной поддержки.

Более того, считаем необходимым проводить различные просветительские мероприятия, направленные на повышение уровня «принятия» населением лиц с ограниченными возможностями. К сожалению, на сегодняшний день в обществе до сих пор присутствует определенная отстраненность от таких лиц. Считаем положительной практикой прохождение повышения квалификации педагогическими работниками в сфере инклюзивного образования. Просветительская деятельность должна проводиться и среди других профессий, а также в самих учебных заведениях, так как и дети с ограниченными возможностями часто сталкиваются с неприятием со стороны сверстников.

Убеждена: само законодательство, касающееся защиты прав инвалидов, должно совершенствоваться, становиться более продвинутым и гуманным по отношению к лицам с ограниченными возможностями.

Список источников

1. Коданева С. И. Доннелли М. Меняющиеся ценности и растущие ожидания: эволюция института дееспособности // Социальные и гуманистические науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4. Государство и право. 2019. № 2. С. 42–45.
2. Деменева А. В. Защита прав инвалидов в практике Европейского Суда по правам человека и Комитета ООН по правам инвалидов: параллельные пути или точки соприкосновения? // Международное правосудие. 2016. № 4 (20). С. 84–98. DOI: 10.21128/2226-2059-2016-4-84-98.

3. Лыхина Т. А. Права инвалидов: проблемы международно-правового регулирования и международные обязательства Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб. : С.-Петербург. ун-т, 2011. 29 с.
4. Фадин Н. И. Совершенствование механизмов содействия занятости инвалидов в России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М. : Всерос. науч.-исследоват. ин-т труда, 2020. 33 с.
5. Жаворонков Р. Н. Социальная защита инвалидов: вчера, сегодня, завтра (правовые аспекты). М. : У Никитских ворот, 2020. 248 с.
6. Пантелеева А. П. Социальная защита и поддержка инвалидов в Псковской области // The Genesis of Genius. 2014. № 3-1. С. 109–112.
7. Воривода А. С., Палагина О. А. Социальная защита и поддержка инвалидов в Хабаровском крае // Ученые заметки ТОГУ. 2022. Т. 13, № 2. С. 178–186.
8. Гришковец А. А., Галицкая Н. В. Актуальные проблемы государственной поддержки и защиты прав инвалидов в современной России (административно-правовые аспекты) // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. 2023. № 2. С. 105–116. DOI: 10.52452/19931778_2023_2_105.
9. Вайман А. Б. Регулирование защиты прав инвалидов на международном уровне // Цивилистика: право и процесс. 2020. № 2 (10). С. 113–123.
10. Галиев Р. С., Баньковский А. Е. Международно-правовые и конституционно-правовые аспекты регулирования отношений в сфере защиты прав инвалидов // Вестник Калининградского филиала С.-Петербургского университета МВД России. 2018. № 3 (53). С. 47–50.
11. Гайбов А. Г., Шодихон Д., Гозиев Д. Г., Искандарова М. Х. Некоторые аспекты нормативно-правового регулирования в сфере социальной защиты инвалидов в Таджикистане // Вестник последипломного образования в сфере здравоохранения. 2022. № 2. С. 24–32.
12. Ларицкая М. Л. Права лиц с ограниченными возможностями и механизмы их защиты на международном, европейском и российском уровнях // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 373. С. 104–107.
13. Яковлева Е. Н. Деятельность региональных международных организаций Азиатско-Тихоокеанского региона в сфере улучшения положения инвалидов // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2020. Т. 34, № 2. С. 108–113. DOI: 10.21779/2224-0241-2020-34-2-108-113.
14. Борков А. Е. Международное правовое регулирование социальной защиты инвалидов // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета. 2017. № 14. С. 316–319.

15. Быкова О. И., Григорьева Н. А. Социальная реабилитация инвалидов в международной практике: исторический опыт, тенденции и противоречия // Курортная медицина. 2020. № 2. С. 84–89.
16. Батырев Д. Н., Валетова Г. В., Горяева А. А. Международный и российский опыт организации социально-правовой защиты инвалидов в современном обществе // Проблемы и перспективы социально-экономического реформирования современного государства и общества : материалы XX Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 29–30 дек. 2015 г. М. : Науч.-информац. изд. центр «Институт стратегических исследований», 2015. С. 46–51.
17. Ляхов А. И. К вопросу о социальной защите инвалидов и свойственных ей проблемах в Российской Федерации // Аллея науки. 2022. Т. 1, № 5 (68). С. 153–155.

References

1. Kodaneva, S. I. Donnelly M. Changing values and growing expectations: the evolution of capacity law. *[Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 4: State and Law]*. 2019;(2):42-45. (In Russ.)
2. Demeneva, A. V. Rights of the disabled persons in the practice of the European Court of human rights and the un Committee on the rights of persons with disabilities: parallel paths or contact points? *Mezhdunarodnoe pravosudie = [International Justice]*. 2016;(4):84-98. (In Russ.) DOI: 10.21128/2226-2059-2016-4-84-98.
3. Lykhina, T. A. *[Rights of persons with disabilities: problems of international legal regulation and international obligations of the Russian Federation]*. Abstract of Cand. Sci (Law) Dissertation. St. Petersburg; 2011. 29 p. (In Russ.)
4. Fadin, N. I. *[Improving mechanisms for promoting employment of persons with disabilities in Russia]*. Abstract of Cand. Sci (Law) Dissertation. Moscow; 2020. 33 p. (In Russ.)
5. Zhavoronkov, R. N. *[Social protection of persons with disabilities: yesterday, today, tomorrow (legal aspects)]*. Moscow: U Nikitskikh vorot; 2020. 248 p. (In Russ.)
6. Panteleeva, A. P. Social protection and support disabled in the Pskov region. *The Genesis of Genius*. 2014;(3-1):109-112. (In Russ.)
7. Vorivoda, A. S., Palagina, O. A. Social protection and support for the disabled in the Khabarovsk Territory. *Uchenye zametki TOGU = [Scientific Notes of Pacific National University]*. 2022;13(2):178-186. (In Russ.)
8. Grishkovets, A. A., Galitskaya, N. V. Actual problems of state support and protection of the rights of persons with disabilities in modern Russia (administrative and legal aspects). *Vestnik of Lobachevsky*

- State University of Nizhni Novgorod.* 2023;(2):105-116. (In Russ.) DOI: 10.52452/19931778_2023_2_105.
9. Vayman, A. B. Regulation of the protection of disabled rights on the international level. *Tsivilistika: pravo i protsess* = [Civilistics: Law and Process]. 2020;(2):113-123. (In Russ.)
 10. Galiev, R. S., Bankovsky, A. E. International and constitutional legal aspects of regulation of relations in the sphere of protection of the rights of persons with disabilities. *Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Petersburgskogo universiteta MVD Rossii* = [Bulletin of the Kaliningrad Branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. 2018;(3):47-50. (In Russ.)
 11. Gaibov, A. G., Shodikhon, D., Goziev, D. G., Iskandarova, M. Kh. Some aspects of legal regulation in the sphere of social protection of the disabled in Tajikistan. *Vestnik poslediplomnogo obrazovaniya v sfere zdravookhraneniya* = [Bulletin of Postgraduate Education in Health Care]. 2022;(2):24-32. (In Russ.)
 12. Laritskaya, M. L. The rights of people with disabilities and mechanisms of their protection at international, European and Russian levels. *Tomsk State University Journal.* 2013;(373):104-107. (In Russ.)
 13. Yakovleva, E. N. Activities of regional international organizations in the Asia-Pacific region to improve the situation of persons with disabilities. *Law Herald of Dagestan State University.* 2020;34(2):108-113. (In Russ.) DOI: 10.21779/2224-0241-2020-34-2-108-113.
 14. Borkov, A. E. [International legal regulation of social protection of disabled people]. *Trudy molodykh uchenykh Altajskogo gosudarstvennogo universiteta* = [Works of Young Scientists of Altai State University]. 2017;(14):316-319. (In Russ.)
 15. Bykova, O. I., Grigorieva, N. A. Social rehabilitation of the disabled in international practice: historical experience, trends and contradictions. *Kurortnaya meditsina* = [Spa Medicine]. 2020;(2):84-89. (In Russ.)
 16. Batyrev, D. N., Valetova, G. V., Goryaeva, A. A. [International and Russian experience in organizing social and legal protection of disabled people in modern society]. *[Problems and prospects of socio-economic reforming of the modern state and society]*. Proceedings of the XX International Scientific and Practical Conference, Moscow, December 29-30, 2015. Moscow: Scientific and Information Publishing Center “Institute of Strategic Studies”; 2015. Pp. 46-51. (In Russ.)
 17. Lyakhov, A. I. [On the issue of social protection of disabled people and the problems inherent to it in the Russian Federation]. *Alleya nauki* = [Alley of Science]. 2022;1(5):153-155. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

Хоршева Юлия Олеговна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (Российская Федерация, 197046, Санкт-Петербург, Александровский парк, д. 5).

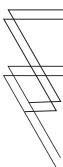
Yuliia O. Khorsheva, Cand. Sci. (Law), Senior Lecturer at the State and Legal Disciplines Department, North-West Branch, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev (5 Aleksandrovsky Park, St. Petersburg, 197046, Russian Federation).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 16.10.2024; одобрена после рецензирования 12.11.2024; принята к публикации 24.06.2025.

The article was submitted 16.10.2024; approved after reviewing 12.11.2024; accepted for publication 24.06.2025.

Научная статья

УДК 343.1

DOI: 10.37399/2686-9241.2025.3.162-178

Влияние информационных технологий на систему гарантий прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства

Елена Викторовна Марковичева

Российский государственный университет правосудия
имени В. М. Лебедева, Москва, Российская Федерация
markovicheva@yandex.ru

Аннотация

Введение. Современное уголовное судопроизводство трансформируется под влиянием глобального тренда на цифровизацию как публичных институтов, так и системы доступа к государственным услугам для граждан. Хотя специфика уголовного процесса закономерно тормозит скорость его информатизации, на уровне нормативного регулирования и правоприменительной практики в рамках обозначенного тренда все чаще предлагаются решения, качественно преобразующие деятельность органов предварительного расследования и суда. Такие изменения затрагивают права и законные интересы участников уголовного судопроизводства, но система их гарантий, обладая определенной универсальностью, недостаточно адаптирована к более активному использованию информационных технологий правоприменителями.

Теоретические основы. Методы. Теоретическую базу исследования составили научные работы российских и зарубежных ученых, посвященные различным аспектам цифровизации судебной деятельности, использования электронных доказательств, дистанционного проведения следственных действий, использования прикладных интеллектуальных систем и технологий, а также обеспечения прав участников процесса. Выводы относительно эффективности системы правового регулирования исследуемых в статье вопросов сделаны с применением формально-юридического, сравнительно-правового и общенаученных методов исследования.

Результаты исследования. В статье предлагаются некоторые подходы к теоретическому переосмыслинию и нормативному преобразованию системы уголовно-процессуальных гарантий прав и законных интересов участников процесса в условиях более активного использования в следственной и судебной деятельности цифровых технологий.

Обсуждение и заключение. Универсализм созданной системы уголовно-процессуальных гарантий в условиях последовательной цифровизации судопроизводства может превратиться из достоинства данной системы в ее недостаток, не отвечая потребностям в обеспечении прав отдельных участников процесса в условиях многообразия правоприменительных ситуаций в сочетании с техническими ограничениями. Предлагается изменение доктринальных и правоприменительных подходов к гарантированию прав отдельных субъектов в условиях цифровизации уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: суд, уголовный процесс, процессуальные гарантии, права и законные интересы, информационные технологии, дистанционные процессуальные действия

Для цитирования: Марковичева Е. В. Влияние информационных технологий на систему гарантий прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства // Правосудие/Justice. 2025. Т. 7, № 3. С. 162–178. DOI: 10.37399/2686-9241.2025.3.162-178.

Original article

The Impact of Information Technology on the System of Guarantees of Rights and Legitimate Interests of Participants in Criminal Proceedings

Elena V. Markovicheva

*Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev,
Moscow, Russian Federation
markovicheva@yandex.ru*

Abstract

Introduction. Modern criminal proceedings are undergoing changes under the influence of the global trend towards digitalization of both institutions and the system of access to public services for citizens. Although the specifics of the criminal process naturally slow down the speed of its informatization, at the level of normative regulation and law enforcement practice, within the framework of the designated trend, solutions are increasingly being proposed that qualitatively transform the activities of preliminary investigation bodies and the court. Such changes affect the rights and legitimate interests of participants in criminal proceedings, but the system of their guarantees, while possessing a certain universality, is not sufficiently adapted to the more active use of information technology by law enforcement officers.

Theoretical Basis. Methods. The theoretical basis of the study was made up of scientific works of Russian and foreign scientists devoted to various aspects of digitalization of judicial activity, use of electronic evidence, remote investigative actions, use of applied intelligent systems and effectiveness of the legal regulation system of the issues studied in the article were made using formal-legal, comparative-legal and general scientific research methods.

Results. The article proposes several approaches to the theoretical rethinking and normative transformation of the system of criminal procedural guarantees of the rights and legitimate interests of participants in the process in the context of more active use of digital technologies in investigative and judicial activities.

Discussion and Conclusion. The universalism of the present system of criminal procedural guarantees may become a disadvantage rather than an advantage in the context of consistent digitalization of legal proceedings, not meeting the needs to ensure the rights of individual participants in the process in the context of a variety of law enforcement situations combined with technical limitations. The author proposes a change in doctrinal and law enforcement approaches to guaranteeing the rights of individual subjects in the context of digitalization of criminal proceedings.

Keywords: court, criminal process, procedural guarantees, rights and legitimate interests, information technology, remote procedural actions

For citation: Markovicheva, E. V. The impact of information technology on the system of guarantees of rights and legitimate interests of participants in criminal proceedings. *Pravosudie/Justice*. 2025;7(3):162-178. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2025.3.162-178.

Введение

В последнее десятилетие одним из основных направлений развития общественных отношений стали активное использование информационных технологий в деятельности государственных органов и цифровизация взаимодействия граждан с публичными институтами. Этот тренд наблюдается в большинстве государств и затрагивает в той или иной степени деятельность правоохранительных органов и судебной системы. С одной стороны, это связано с потребностью обеспечить качественно иной уровень реализации права граждан на доступ к правосудию и оптимизировать бюджетные ресурсы, затрачиваемые на функционирование судебной системы, т. е. с реализацией концепции процессуальной экономии. С другой стороны, использование подобных технологий при расследовании и рассмотрении уголовных дел обусловлено изменениями характеристик современной преступности, которая все активнее встраивается в информационную среду, а раскрытие и расследование преступлений часто опираются на так называемые цифровые доказательства и достижения в области распознавания лиц.

Информатизация судопроизводства в рамках концептуальных программных векторов развития судебной системы началась в России двадцать лет назад, когда создавалась Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие», функционирующая с осени 2006 г.

Отметим, что особенности уголовно-процессуальных правоотношений изначально тормозили активное проникновение информационных технологий в досудебное и судебное производство по уголовным делам. Защита публичных интересов в сочетании с принуждением, сложный субъектный состав таких правоотношений закономерно не позволяют рассматривать уголовное правосудие как государственную услугу в цифровом формате, хотя в контексте общих вопросов преобразования судебной деятельности этот вопрос обсуждался на национальном и международном уровнях [1]. Не только Россия, но и многие другие государства сталкиваются с циф-

ровыми вызовами, которые могут быть как потенциально полезными, так и потенциально опасными для общества и государственных институтов. Поскольку игнорировать цифровые вызовы системе уголовного судопроизводства уже не удается, в рамках национальных правовых систем оформляются различные подходы к применению современных технических возможностей в решении тех или иных прикладных задач в рамках отправления правосудия. Например, показательным в данном плане является опыт Республики Казахстан, решающей сложную задачу комплексной цифровизации движения уголовного дела.

В рамках такого тренда на определенном этапе развития отечественного уголовного процесса началась достаточно активная законотворческая деятельность по «цифровому преобразованию» действующей нормативной системы его правового регулирования.

В итоге в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (УПК РФ) появились нормы, регламентирующие: в 2012 г. – хранение электронных носителей информации как вида вещественных доказательств; в 2016 г. – использование электронных документов в уголовном судопроизводстве, а также возможность осмотра и выемки электронных сообщений и иных передаваемых по сетям электросвязи сообщений; в 2018 г. – порядок работы с электронными носителями информации при производстве следственных действий и аудиопротоколирование судебных заседаний; в 2021 г. – особенности дистанционного производства допроса, очной ставки и опознания; в 2022 г. – дистанционное участие в судебном заседании; в 2023 г. – получение участниками процесса по их ходатайству копии обвинительного заключения в форме электронного документа.

Ускорение процесса информатизации уголовного судопроизводства исследователи обоснованно связывают с пандемией COVID-19, когда обеспечение значимых публичных интересов в области эпидемиологической безопасности вступило в противоречие с другими публичными интересами, связанными с открытостью и доступностью правосудия, законностью производства следственных и судебных действий [2, с. 5].

Тем не менее информатизация уголовного процесса по-прежнему носит ограниченный характер, что связано с причинами и процессуального, и непроцессуального характера. Первые обусловлены отсутствием в УПК РФ системных подходов к информатизации уголовно-процессуальной деятельности и созданию нормативных контуров для появления жизнеспособной конструкции электронного уголовного дела, а также спецификой самого уголовного процесса, охраняющего значимые публичные интересы, неизбежно носящего принудительный характер и ограничивающего права и свободы граждан. Вторые, так или иначе, обусловлены техническими возможностями информатизации, наличием достаточного числа специалистов, поддерживающих правоприменителей в использовании таких технологий в их правоприменительной деятельности, киберугрозами, что может вызвать утрату значимой процессуальной информации или несанкционированный доступ к ней.

В результате в современной легальной конструкции цифровизации уголовного процесса эти факторы получили фрагментарное нормативное закрепление. В частности, использование систем видео-конференц-связи, аудиопротоколирование ставятся в зависимость от наличия именно технических возможностей. А стремление законодателя снизить риски, связанные с разглашением охраняемой законом тайны, не позволяет применять современные технологии или ограничивает их применение по уголовным делам, где есть такая тайна и возникает необходимость в ее охране.

Однако наличие подобных сложностей и ограничений не может остановить обозначившуюся тенденцию к дальнейшей цифровизации уголовного судопроизводства. Закономерно встает вопрос о влиянии более активного использования органами предварительного расследования и судами современных технологий на обеспеченность прав и законных интересов участников процесса. Система процессуальных гарантий оформилась в отечественном уголовном судопроизводстве эволюционно и в значительной мере в доцифровой период развития общественных отношений. Вопрос о влиянии информатизации на эту систему остается открытым и малоисследованным. Это объясняется и относительно непродолжительным периодом технологической трансформации уголовного судопроизводства, и междисциплинарностью проблематики, и определенным консерватизмом правовой науки, и отсутствием полноценной обратной связи между учеными, законодателем и правоприменителями.

Данная статья посвящена лишь отдельным аспектам гарантирования прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства применительно к уже нормативно закрепленным информационным подходам и потенциально возможным легальным новеллам в обозримой перспективе.

Теоретические основы. Методы

Теоретическая база исследования образована научными работами отечественных и зарубежных ученых по актуальным проблемам информатизации судебной деятельности и уголовного судопроизводства, гарантированности прав и законных интересов его отдельных участников, обеспечения баланса публичных и частных интересов.

Результаты исследования получены с использованием общенаучных и частнонаучных методов исследования. Анализ норм отечественного и зарубежного законодательства потребовал применения формально-юридического и сравнительно-правового методов исследования. Применение статистического метода позволило сделать ряд значимых выводов относительно использования видео-конференц-связи в уголовном процессе. В основу деятельности, связанной с изучением научных позиций, законодательных изменений, был положен метод системного анализа, позволивший определить риски информатизации уголовного процесса с позиции реализации гарантий прав его участников и наметить некоторые перспективные направления для изменения легальных подходов в системе действующего правового регулирования.

Результаты исследования

Уголовно-процессуальные гарантии прав участников уголовного процесса как особый вид правовых гарантий науке известен достаточно давно и контекстно чаще всего связан с другой устойчивой близкородственной конструкцией «обеспечение прав». Такая содержательно-терминологическая близость является вполне оправданной с точки зрения этимологии данных понятий и позволяет рассмотреть правовые средства, связанные с реализацией и защитой прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства в их системной взаимосвязи. Хотя значение и содержание понятия «уголовно-процессуальные гарантии» нормативно не определены, а в науке вариативны, его использование в различных текстах обычно не вызывает затруднений у читателя, понимающего из контекста, что тот или иной автор отнес к гарантиям применительно к целям своей работы. Это справедливо по отношению как к научным текстам, так и к позициям, выраженным в решениях высших судебных инстанций. С определенной долей условности можно утверждать, что и в судебной практике понятие гарантий прав используется скорее как общеупотребительный термин, не предполагающий отдельной расшифровки в тексте судебного решения.

Отметим, что в уголовно-процессуальной доктрине присутствует известная вариативность в понимании уголовно-процессуальных гарантий, в отнесении того или иного правового средства именно к системе гарантий. Однако такая вариативность чаще всего не доходит до уровня принципиальных различий. Исследователи включают в эту систему, как правило, уголовно-процессуальную форму, принципы уголовного процесса, нормативно определенные права и обязанности субъектов, процессуальный, в первую очередь судебный контроль за их соблюдением [3, с. 33]. Как подчеркивает В. И. Качалов, особенностью гарантий является то, что они придают правам и обязанностям «реально действующий характер» [4, с. 88].

В целом можно говорить о формировании в современном уголовном процессе системы гарантий, интегрирующей правовые средства, создающие для участника уголовного процесса саму возможность реализации прав и законных интересов, а для публичных субъектов уголовно-процессуальных правоотношений определяющие их процессуальные полномочия и процессуальные обязанности по созданию необходимых условий для такой правореализации и по защите и восстановлению нарушенных прав. По своей сути гарантии отражают и особенности, присущие уголовно-процессуальным правоотношениям, принципиально отличающимся от иных видов правоотношений как субъектным составом, так и содержанием.

Следует признать и тот факт, что окончательное оформление системы уголовно-процессуальных гарантий в ее современном виде происходило преимущественно до начала активного проникновения информационных технологий в уголовное судопроизводство. И эти гарантии не претерпели принципиальных изменений в последнее десятилетие, когда цифровизация в уголовном процессе стала устойчивым трендом. В связи с этим возникают закономерные вопросы: трансформируют ли информационные

технологии уголовно-процессуальные правоотношения до такой степени, чтобы возникла объективная потребность в преобразовании системы гарантий прав и законных интересов участников процесса, или универсализм сложившейся системы обеспечит ее устойчивость и в изменяющихся условиях?

Ответ на эти вопросы прямо вытекает из разрешения не менее фундаментального вопроса относительно влияния информационных технологий на саму сущность уголовного процесса. В ходе научной дискуссии, которая активно идет в течение последних лет, оформилось несколько подходов к пониманию такого влияния. В частности, Л. В. Головко полагает, что информатизация не затрагивает сущностное ядро уголовного процесса, а влияние ее ограничивается лишь организационными изменениями право-применительной деятельности органов предварительного расследования и суда [5, с. 15]. Следует отметить, что выдвигаемые ученым аргументы являются весомыми и требующими осмысления. Нельзя не согласиться с тем, что нередко в научных и законодательных подходах к обсуждаемой проблематике присутствуют поверхностность, радикальное отрицание предыдущего опыта, а идеи революционного преобразования современного уголовного судопроизводства не приводят к появлению какой-то иной, принципиально новой содержательной концепции производства по уголовному делу [6, с. 29; 7, с. 52].

Действительно изменение организации судебной деятельности с использованием современных технических достижений является одним из наиболее видимых результатов, но с оговоркой относительно того, что именно уголовное судопроизводство такая информатизация затрагивает в минимальной степени. И это связано со спецификой уголовно-процессуальной деятельности, с особенностями уголовно-процессуальных правоотношений, с дополнительной правовой охраной значимых для государства и общества публичных интересов. Такой подход является оправданным и применяется в большинстве современных государств, изначально признающих, что информатизация уголовного процесса будет идти более медленно и осторожно в сравнении с другими видами судопроизводства. Однако этот же подход наводит нас на мысль о том, что признание возможностей ограниченного применения достижений цифровизации в уголовном процессе является косвенным подтверждением на государственном уровне того факта, что их влияние не ограничивается только организационными вопросами, а несет некие риски для решения задач уголовного судопроизводства, обеспечения прав и законных интересов участников процесса.

Целый ряд исследователей достаточно активно изучает информатизацию уголовного процесса как неизбежное следствие трансформации современной преступности, а соответственно, и деятельности по раскрытию и расследованию преступлений и ставит вопрос о преобразовании собственно процесса доказывания в рамках производства по уголовному делу. В рамках данного направления продуктивно изучаются использование цифровых технологий для обнаружения лиц, подозреваемых в совер-

шении преступления, в предотвращении последующей противоправной деятельности, новые подходы к получению, исследованию и оценке доказательств, которые авторы именуют электронными или цифровыми [8, с. 155; 9, с. 24]. Сразу оговоримся, что вопросы обеспечения прав и законных интересов участников уголовного процесса в рамках этого исследовательского направления на первое место, как правило, не ставятся, рассматриваются контекстно и не предметно. Однако такие вопросы неизбежно возникают на практике. Можно долго спорить в рамках науки о терминологических проблемах, но исследование судом электронных или цифровых доказательств всегда сопряжено с целым рядом сложностей. Если же речь заходит об оценке таких доказательств, то здесь правоприменительная практика в целом ряде случаев носит еще более проблемный характер.

Достаточно осторожно большинство исследователей подходит к вопросу о возможности использования информационных технологий в деятельности суда, связанной с принятием решений. Уже имеется минимальный опыт применения таких систем в отдельных государствах, но юридическое сообщество промежуточные итоги подобных правовых экспериментов оценивает достаточно осторожно, подчеркивая, что на современном этапе развития общества попытки заменить полную автономию воли судьи на гибридный вариант принятия им решения на основе рекомендаций, предлагаемых некоей интеллектуальной системой, несут достаточно большие риски как для самой судебной системы, так и для участников процесса [10, с. 45; 11, с. 707].

Относительно продуктивным в плане изучения уголовно-процессуальных гарантий участников процесса является научное направление, в рамках которого исследуются дистанционные следственные и судебные действия, перспективы появления так называемого электронного уголовного дела. Здесь научная дискуссия может опираться на уже формирующуюся следственную и судебную практику, связанную с применением отдельных норм, регламентирующих, например, производство дистанционного допроса [12, с. 22].

Следует отметить и попытки ряда авторов исследовать технологическое преобразование уголовного процесса не только с чисто правовых, но, скорее, с этико-правовых позиций, когда целесообразность информатизации уголовного процесса рассматривается в контексте некоторых нравственных, этических аспектов, которые ученые связывают с правами и свободами непубличных субъектов уголовно-процессуальных правоотношений [13, с. 136; 14, с. 188].

В такой весьма пестрой научно-исследовательской картине о концептуальных подходах к системе уголовно-процессуальных гарантий обычно речи не идет. Чаще всего внимание того или иного автора останавливается на каком-то одном аспекте, связанном с узким аспектом цифровизации.

Безусловно, такие исследовательские подходы оправданы и позволяют решать целый ряд задач. Но приходится признать, что при этом не формируется целостное представление о влиянии информационных технологий

(или отсутствии такого влияния) на традиционную систему гарантий прав и законных интересов участников процесса. Это как раз та ситуация, которую образно описывают фразой «за деревьями леса не видно».

Остановимся ниже на некоторых аспектах взаимодействия сложившейся системы уголовно-процессуальных гарантий прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства и нормативно закрепленных или доктринально предлагаемых технологических решений, призванных оптимизировать производство по уголовному делу. При этом необходимо понимать, что законные интересы одних участников процесса могут находиться в оппозиции законным интересам других участников в связи с тем, что они представляют разные стороны и преследуют разные цели. Обвиняемый и его защитник будут подходить к «модернизации» производства по уголовному делу с позиции лучшего или худшего обеспечения права на защиту. Потерпевший и его представитель рассматривают насыщение уголовного процесса технологическими составляющими с позиции реализации собственных прав и законных интересов, связанных с максимально возможным восстановлением их нарушенных прав, привлечением виновного к уголовной ответственности, назначением ему соразмерного содеянному наказания. Очевидно, это приводит нас к вопросу, могут ли одни и те же технологии системно обеспечить столь разнонаправленные интересы.

Следует сделать еще одну оговорку. Между правовыми средствами, традиционно включенными в систему процессуальных гарантий, и элементами информатизации уголовного судопроизводства возможно существование сложных двусторонних связей, поскольку речь должна идти не только о возможных изменениях таких средств под влиянием технологий, но и о том, что именно их система, обеспечивающая стабильность ядра уголовного процесса, будет корректировать рамки допустимых преобразований.

Хотя на доктринальном уровне уже привычной исследовательской операцией стало препарирование системы гарантий на отдельные элементы, полагаем, что в данном случае в этом нет большой теоретической и практической необходимости, поскольку предлагается исходить из гипотезы, что если мы признаем влияние информационных технологий на тот или иной элемент этой системы, то нам придется согласиться и с тем, что оно затрагивает и другие элементы, поскольку правовые средства, именуемые гарантиями, образуют не просто совокупность, а систему, в которой существуют именно системные внутренние связи. С такой же исследовательской позиции можно рассматривать и аргументы относительно отсутствия влияния цифровизации на важнейшие элементы уголовного процесса.

Остановимся далее лишь на некоторых вопросах, которые возникают или могут возникнуть в плане обеспечения прав и законных интересов участников уголовного процесса в связи с обозначившимися направлениями его цифровизации.

Отечественное уголовное судопроизводство эволюционно базируется на определенной универсальной уголовно-процессуальной форме, которая рассматривается как важнейший элемент в системе гарантий. Возможно-

сти дифференциации, ведущие к ее усложнению или упрощению, изначально ограничены и связаны, как правило, с достижением конкретных значимых задач: с наилучшим обеспечением прав отдельных участников процесса, процессуальной экономией, вовлечением представителей народа в отправление правосудия и т. д. Как отмечают исследователи, именно уголовно-процессуальная форма выходит на первый план, поскольку она задает некий алгоритм не просто осуществления процессуальных действий, но именно правообеспечительной деятельности властных субъектов уголовного судопроизводства [15, с. 73].

В рамках определенной процессуальной формы субъектами реализуются процессуальные права и обязанности, осуществляется в том или ином виде контроль за такой реализацией. Производство по уголовному делу дистанционных процессуальных действий, их видео- и аудиофиксация, элементы электронного документооборота в теории не должны приводить к трансформации самой основы уголовного судопроизводства – его процессуальной формы. Однако на законодательном уровне, как пишет С. Б. Россинский, применяется иной подход, когда идет проникновение «...правил делопроизводства в законодательную материю», а уголовно-процессуальный закон содержит «положения сугубо технического и технологического характера» [16, с. 123].

Очевидно, что перед тем, как обсуждать возможность полного перехода на форму электронного уголовного дела, важно обозначить отправные точки такого перехода, которые будут касаться: 1) сохранения или изменения существующего фундамента уголовно-процессуальной формы; 2) освобождения закона от избыточной детализации, не влияющей на права и законные интересы участников процесса; 3) возможностей дифференциации уголовно-процессуальной формы, продиктованной объективными потребностями обеспечения прав и законных интересов участников процесса при использовании информационных технологий; 4) синхронизации процессуальной формы с иными элементами системы уголовно-процессуальных гарантий.

В настоящее время научная дискуссия преимущественно концентрируется именно на технологических элементах преобразования уголовно-процессуальной формы, в то время как сама способность такой конструкции более эффективно обеспечить достижение назначения уголовного судопроизводства остается за скобками. И действительно, такой подход преобладает и на нормотворческом уровне. В результате в УПК РФ появляются объемные статьи, которые, например, регламентируют элементы дистанционного производства по уголовному делу. Но при этом остается целый ряд вопросов, которые выпали из поля зрения законодателя, являясь при этом сущностными, требующими ответа для обеспечения именно прав и законных интересов участников процесса. Особенности юридической техники действующего уголовно-процессуального законодательства таковы, что правоприменитель при наличии тех самых объемных статей испытывает затруднения в разрешении действительно важных вопросов относительно: конфликта отдель-

ных специальных норм, допустимости применения различных технологий с целью обеспечения прав участников процесса, ограничения одних законных интересов с целью защиты иных, признаваемых более значимыми в конкретной ситуации, учета личностных особенностей субъектов уголовно-процессуальных отношений при использовании таких технологий и т. д. При этом ряд вопросов не требует разрешения именно на уровне уголовно-процессуального закона, а мог бы быть обеспечен подзаконным регулированием, допускающим какую-то правоприменительную вариативность.

Например, традиционно принципы уголовного судопроизводства рассматриваются как еще один элемент системы гарантий – элемент, неразрывно связанный как с процессуальной формой, так и с правами участников процесса и деятельностью властных субъектов по их обеспечению. Отметим, что в уголовно-процессуальной доктрине вопрос принципов является тоже дискуссионным. Одни авторы подходят к пониманию принципов более широко, чем предлагается законодателем на нормативном уровне, на котором легализована конструкция дифференциации базовых для уголовного процесса норм с выделением в отдельной главе именно норм-принципов, действующих во всех стадиях и базирующихся на конституционных подходах к судопроизводству, и неких норм-условий, которые по своей сути являются принципами для того или иного этапа производства по уголовному делу [17, с. 34].

У данной точки зрения есть и оппоненты, которые предлагают избегать произвольности в вопросе признания «...того или иного положения в качестве принципа уголовно-процессуальной деятельности» [18, с. 567]. Ряд исследователей выделяют особые черты, отличающие условия от иных уголовно-процессуальных норм [19, с. 204].

Поскольку этот вопрос для нас важен именно с позиции правоприменения, опустим эту полемику, отметив лишь применительно к предмету нашей статьи следующее. Независимо от того, как в доктрине и законе мы будем именовать те или иные базовые нормы, важно то, как проникновение тех самых информационных технологий трансформирует систему обеспечения прав и законных интересов участников процесса, обеспечиваемую действием того или иного принципа или условия. И здесь сразу же возникает вопрос относительно того, что мы закрепляем на законодательном уровне, а что разрешаем на уровне подзаконном, чтобы обеспечить и устойчивость конструкции уголовного судопроизводства, и решение конкретных правоприменительных задач.

В частности, в ст. 18 УПК РФ уже закреплен принцип, из которого вытекает право участников процесса, не владеющих или владеющих на недостаточном уровне языком уголовного судопроизводства, на привлечение переводчика. В настоящее время переводчик определяется как человек, лицо, привлекаемое для перевода. Однако реалии современной жизни таковы, что человечество все чаще прибегает к машинному переводу. И в правоприменительной практике также фиксируются такие попытки перевода, которые в настоящее время находятся вне правового поля, но нередко продик-

тованы вынужденной необходимостью, экстренностью ситуации. Можно предположить, что в обозримом будущем такой машинный перевод будет легализован в нормах уголовно-процессуального закона, что потребует корректировки определенных норм. В аспекте внесения таких изменений важно отделить технологические вопросы от вопросов сугубо фундаментальных, связанных с действием принципа языка уголовного судопроизводства, с правами участников процесса, с возможной трансформацией процессуальной фигуры переводчика и т. д., разрешив их на подзаконном уровне.

Применительно к условиям судебного разбирательства целесообразно было бы определиться с позицией относительно непосредственности судебного следствия и допустимости, например, ситуации, когда и в досудебном производстве, и в суде допрос свидетеля произведен только дистанционным образом. Исследователи указывают и на ряд рисков дистанционного участия обвиняемого подсудимого в судебном заседании с использованием систем видео-конференц-связи, связанных как с обеспечением права на защиту, так и с реализацией целей доказывания [20, с. 250].

Гласность и открытость судебного разбирательства как условия, вытекающие из конституционного принципа, могут быть ограничены в целях охраны иных законных интересов. При этом трансформируется право на защиту, элементом обеспечения которого уже стало аудиопротоколирование судебного заседания. Конструкция такого ограничения вызывает вопросы в теории уголовного процесса [21, с. 170] и критику со стороны правоприменителей, справедливо указывающих на то, что предлагаемый перечень исключений не охватывает всего многообразия ситуаций, что наблюдается несоответствие не только одних уголовно-процессуальных норм другим, но и норм материального и процессуального права. Представляется, что к такой ситуации привел именно технологический подход в конструировании законодателем отдельных статей УПК РФ.

Нет четкого концептуального понимания и относительно действия принципа свободы оценки доказательств в суде с участием присяжных заседателей, когда присяжные должны оценивать достоверность показаний анонимного свидетеля, искаженный голос которого транслируется им из другого помещения с помощью технических средств связи.

Обсуждение перспектив более активного использования в уголовном процессе информационных технологий не затрагивает чаще всего и вопросы допустимости их использования в производстве по уголовному делу с участием субъектов, имеющих значимые в плане реализации процессуальных прав особенности (возраст, состояние физического и психического здоровья). Отсутствие именно концептуальных подходов по данному вопросу в сочетании с особенностями законодательной техники приводит к ситуациям, когда возникает риск нарушения прав таких участников или их необоснованного ограничения.

Параллельно насыщению уголовного процесса технологиями исследователи поднимают вопрос о необходимости наделения отдельных субъектов уголовно-процессуальных правоотношений не только процессуальными, но и

цифровыми правами [22, с. 110]. Данная область является малоисследованной, хотя, безусловно, заслуживает внимания применительно к пониманию процессуального положения и следователя, и суда, и невластных участников процесса. Но решение этих вопросов будет сложным даже на теоретическом уровне, поскольку потребует гибких междисциплинарных подходов.

Обсуждение и заключение

Консервативность любой правовой системы является данностью, обеспечивающей ее стабильность. Однако изменение общественных отношений под влиянием процессов информатизации неизбежно затрагивает и устоявшиеся институты, к которым относится и уголовное судопроизводство.

Разработка таких теоретических подходов, которые позволяют сохранить содержательное ядро уголовного процесса, но при этом адаптировать уголовно-процессуальную деятельность под требования «цифровой реальности», пока не отличается продуктивностью. Большинство выполняемых работ являются практико-ориентированными, т. е. представляют собой попытки предложить алгоритм решения той или иной проблемы (с изменением законодательства или в рамках действующих норм). Однако ограниченность такого способа преобразования правовой жизни проявилась со всей очевидностью уже на протяжении всего периода действия современного уголовно-процессуального закона, в который постоянно вносятся изменения и дополнения именно по этому принципу. Следствием законодательных «латок» нередко является именно необеспеченность прав и законных интересов участников процесса.

Представляется, что пришло время в рамках уголовно-процессуальной науки сместить исследовательские акценты с тех технологических вопросов, которые на данном этапе не являются приоритетными, и перейти к обсуждению того, как уголовному судопроизводству сохраниться в условиях цифровой трансформации, не утратив все то, что отвечает его назначению, гарантировать права участников процесса и при этом обеспечить отклик уголовно-процессуальной деятельности на вызовы все нарастающей цифровизации. Только имея такое видение и понимание правового положения участников уголовного судопроизводства, можно переходить к обсуждению каких-то конкретных решений, касающихся применения той или иной технологии в досудебном и судебном производстве по уголовному делу.

Список источников:

1. Качалова О. В. Правосудие как услуга: мировой тренд // Уголовный процесс. 2019. № 11. С. 10.
2. Андреева О. И., Качалова О. В. Российский уголовный процесс в эпоху коронавируса: вызовы времени // Вестник Томского государственного университета. Право. 2020. № 36. С. 5–15. DOI: 10.17223/22253513/36/1.

3. Францифорова С. Ю. Процессуальные гарантии в уголовном судопроизводстве // Следователь. 2008. № 4. С. 33–37.
4. Качалов В. И. О процессуальных гарантиях прав обвиняемого // Российское правосудие. 2019. № 9. С. 86–93. DOI: 10.1738/issn2072-909X.2019.9.86-93.
5. Головко Л. В. Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция? // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 15–25. DOI: 10.24411/2414-3995-2019-10002.
6. Головко Л. В. М. С. Строгович и «искусственный интеллект»: о современной реинкарнации старых теорий и их этической ничтожности // Судебная власть и уголовный процесс. 2021. № 3. С. 29–36.
7. Головко Л. В. Изменение подходов к применению видеоконференц-связи в уголовном процессе Франции: от санитарно-технологического к ценностно-процессуальному дискурсу // Законность. 2022. № 6. С. 52–54.
8. Пастухов П. С. Оптимизация предварительного расследования с использованием электронной информации // Вестник экономической безопасности. 2023. № 2. С. 154–158. DOI: 10.24412/2414-3995-2023-2-154-158.
9. Смирнов А. В. Электронные доказательства, электронное доказывание, искусственный интеллект: что далее? // Уголовное судопроизводство. 2024. № 1. С. 24–31. DOI: 10.18572/2072-4411-2024-2-24-31.
10. Сунь Ю. Исторический опыт и перспективы создания «умных судов» в КНР: проблемы применения технологии искусственного интеллекта // История государства и права. 2023. № 5. С. 44–47. DOI: 10.18572/1812-3805-2023-5-44-47.
11. Чистилина Д. О. Использование возможностей искусственного интеллекта в уголовном процессе // Вестник Удмуртского университета. Сер.: Экономика и право. 2021. Т. 31, № 4. С. 705–710. DOI: 10.35634/2412-9593-2021-31-4-705-710.
12. Тютерева Ю. С. Способен ли дистанционный порядок производства по уголовному делу обеспечить процессуальные гарантии его участников? // Российский следователь. 2022. № 7. С. 22–25. DOI: 10.18572/1812-3783-2022-7-22-25.
13. Миронова Е. Ю. Нравственные начала уголовного процесса в условиях цифровизации: принципиальная незыблемость или неизбежная трансформация // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18, № 1. С. 136–149. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.146.1.136-149.
14. Чистилина Д. О. Нравственные и правовые аспекты цифровой трансформации уголовного процесса в России и зарубежных странах // Известия Юго-Западного государственного университета. Сер.: История и право. 2023. Т. 13, № 6. С. 186–198. DOI: 10.21869/2223-1501-2023-13-6-186-198.

15. Чистилина Д. О. Перспективы развития российской уголовно-процессуальной формы // Юридический вестник Самарского университета. 2024. Т. 10, № 2. С. 72–78. DOI: 10.18287/2542-047X-2024-10-2-72-78.
16. Россинский С. Б. Уголовно-процессуальная форма vs правила уголовно-процессуального делопроизводства // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2023. Т. 18, № 1. С. 116–135. DOI: 10.35427/2073-4522-2023-18-1-rossinskij.
17. Вилкова Т. Ю. Принципы уголовного судопроизводства и общие условия судебного разбирательства, характеризующие деятельность суда // Российская юстиция. 2017. № 1. С. 34–36.
18. Манова Н. С., Баранова М. А. Принципы уголовного судопроизводства как воплощение нравственных основ уголовно-процессуальной деятельности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 45. С. 564–593. DOI: 10.17072/1995-4190-2019-45-564–593.
19. Лантух Н. В. Законодательная регламентация общих условий отдельных стадий уголовного судопроизводства // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2022. № 3. С. 202–218. DOI: 10.55001/2587-9820.2022.26.98.020.
20. Трубникова Т. В., Грищенко А. В. Баланс публичных и частных интересов при применении видеоконференц-связи в уголовном процессе // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 497. С. 236–253. DOI: 10.17223/15617793/497/25.
21. Вилкова Т. Ю. Принцип гласности уголовного судопроизводства: история, современность, перспективы. М. : Юрайт, 2024. 286 с.
22. Першин А. Н. Цифровые права лиц, осуществляющих предварительное расследование // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 2. С. 108–115. DOI: 10.17803/2311-5998.2021.78.2.108-115.

References

1. Kachalova, O. V. Justice as a service: a global trend. *Ugolovnyj protsess = [Criminal Procedure]*. 2019;(11):10. (In Russ.)
2. Andreeva, O. I., Kachalova, O. V. Russian criminal trial in the era of coronavirus: challenges of time. *Tomsk State University Journal of Law*. 2020;(36):5-15. (In Russ.) DOI: 10.17223/22253513/36/1.
3. Franciforova, S. Yu. [Procedural guarantees in criminal proceedings]. *Sledovatel' = [Investigator]*. 2008;(4):33-37. (In Russ.)
4. Kachalov, V. I. On procedural guarantees of the rights of the criminal proceedings. *Rossijskoe pravosudie = [Russian Justice]*. 2019;(9):86-93. (In Russ.) DOI: 10.17238/issn2072-909X.2019.9.86-93.

5. Golovko, L. V. The digitalization in criminal procedure: local optimization or global revolution? *Vestnik ekonomicheskoy bezopastnosti* = [Bulletin of Economic Security]. 2019;(1):15-25. (In Russ.) DOI: 10.24411/2414-3995-2019-10002.
6. Golovko, L. V. [M. S. Strogovitch and the “artificial intelligence”: about the contemporary reincarnation of the old theories and their ethical nullity]. *Sudebnaya vlast’ i ugolovnyj protsess* = [Judicial Power and Criminal Procedure]. 2021;(3):29-36. (In Russ.).
7. Golovko, L. V. Changing approaches to the use of video conference in the criminal proceedings in France: from the sanitary and technological to the axiological and procedural discourse. *Zakonnost’* = [Legality]. 2022;(6):52-54. (In Russ.).
8. Pastukhov, P. S. Optimization of preliminary investigation using electronic information. *Bulletin of Economic Security*. 2023;(2):154-158. (In Russ.) DOI: 10.24412/2414-39952023-2-154-158.
9. Smirnov, A. V. Electronic evidence, electronic proving, artificial intelligence: what next? *Ugolovnoe sudoproizvodstvo* = [Criminal Proceedings]. 2024;(1):24-31. (In Russ.) DOI: 10.18572/2072-4411-2024-2-24-31.
10. Sun, Y. History and prospects of creation of “smart courts” in the PRC: problems of application of the artificial intelligence technology. *Istoriya gosudarstva i prava* = [History of State and Law]. 2023;(5):44-47. (In Russ.) DOI: 10.18572/1812-3805-2023-5-44-47.
11. Chistilina, D. O. Using the capabilities of artificial intellect in criminal proceedings. *Bulletin of Udmurt University. Series: Economics and Law*. 2021;31(4):705-710. (In Russ.) DOI: 10.35634/2412-9593-20.
12. Tyutereva, Yu. S. Can the remote criminal procedure provide for procedural guarantees for its participants. *Russian Investigator*. 2022;(7):22-25. (In Russ.) DOI: 10.18572/1812-3783-2022-7-22-25.
13. Mironova, E. Yu. Moral principles of the criminal procedure in the context of digitalization: fundamental inviolability or inevitable transformation. *Actual Problems of Russian Law*. 2023;(1):136-149. (In Russ.) DOI: 10.17803/1994-1471.2023.146.1.136-149.
14. Chistilina, D. O. Moral and legal aspects of the digital transformation of criminal proceedings in Russia and foreign countries. *Proceedings of Southwest State University. The series: History and Law*. 2023;(6):186-198. (In Russ.) DOI: 10.21869/2223-1501-2023-13-6-186-198.
15. Chistilina, D. O. Prospects for the development of Russian criminal procedure form. *Juridical Journal of Samara University*. 2024;10(2):72-78. (In Russ.) DOI: 10.18287/2542-047X-2024-10-2-72-78.
16. Rossinskiy, S. B. The criminal procedure form vs rules of criminal judicial procedure. *Proceedings of the Institute of State and law of the Russian Academy of Sciences*. 2023;18(1):116-135. (In Russ.) DOI: 10.35427/2073-4522-2023-18-1-rossinskij.

17. Vilkova, T. Yu. Principles of criminal procedure and the general conditions of the trial, characterizing the activities of the court. *Rossijskaya yustitsiya* = [Russian Justice]. 2017;(1):34-36. (In Russ.)
18. Manova, N. S., Baranova, M. A. Principles of criminal proceedings as implementation of moral foundations of criminal procedural activities. *Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2019;(45):564-593. (In Russ.) DOI: 10.17072/1995-4190-2019-45-564-593.
19. Lantukh, N. V. Legislative regulation of general conditions for certain of criminal proceedings stages. *Forensics: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2022;(3):202-218. (In Russ.) DOI: 10.55001/2587-9820.2022.26.98.020.
20. Trubnikova, T. V., Grischenko, A. V. Balance of public and private interests when using videoconferencing in the criminal procedure. *Tomsk State University Journal*. 2023;(497):236-253. (In Russ.) DOI: 10.17223/15617793/497/25.
21. Vilkova, T. Yu. *[The principle of publicity of criminal proceeding: history, modernity, prospects]*. Moscow: Yurajt; 2024. 286 p. (In Russ.)
22. Pershin, A. N. Digital rights persons carrying out a preliminary investigation. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2021;(2):108-115. (In Russ.) DOI: 10.17803/2311-5998.2021.78.2.108-115.

Информация об авторе / Information about the author

Марковичева Елена Викторовна, доктор юридических наук, доцент кафедры уголовно-процессуального права имени Н. В. Радутной Российской государственной университета правосудия имени В. М. Лебедева (Российская Федерация, 117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69).

Elena V. Markovicheva, Dr. Sci. (Law), Associate Professor at the Radutnaya Criminal Proceedings Law Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev (69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 12.05.2025; одобрена после рецензирования 16.05.2025; принята к публикации 24.06.2025.

The article was submitted 12.05.2025; approved after reviewing 16.05.2025; accepted for publication 24.06.2025.

Научная статья

УДК 341.3

DOI: 10.37399/2686-9241.2025.3.179-192

Квалификация кибератак как «применения силы» или «акта агрессии» в международном праве: анализ статьи 51 Устава ООН и перспективы самообороны в киберпространстве

Константин Константинович Лазарь*Дипломатическая академия МИД России, Москва,
Российская Федерация**lazariconstantin@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0008-4763-1922>***Аннотация**

Введение. В современном мире кибератаки становятся все более серьезной угрозой международной безопасности, способной причинять значительный ущерб государствам, нарушая критически важную инфраструктуру и подрывая национальную безопасность. Однако международное право до сих пор не дает однозначного ответа на вопрос о том, могут ли кибератаки квалифицироваться как «применение силы» или «акт агрессии» в контексте Устава ООН, что создает правовые пробелы и затрудняет применение права на самооборону. Поэтому целью исследования заявлены анализ международно-правовых норм и практик, связанных с квалификацией кибератак, а также рассмотрение перспектив развития международного права в области самообороны в киберпространстве. Ставятся задачи изучить понятие «применение силы» в международном праве применительно к кибератакам; рассмотреть возможность квалификации кибератак как «акта агрессии»; проанализировать применение права на самооборону в свете ст. 51 Устава ООН; выявить политico-правовые и доктринальные споры по данной тематике; оценить перспективы кодификации и унификации норм в области кибербезопасности.

Теоретические основы. Методы. Исследование опирается на нормы *jus ad bellum* Устава ООН (ст. 2(4), 51) и доктрину их применения к киберпространству в следующей логике: квалификация кибероперации определяется не способом, а масштабом и последствиями (физический вред, жертвы, долговременная утрата функциональности критической инфраструктуры, системный экономический ущерб). В этом аспекте различаются действия ниже порога силы, применение силы и вооруженное нападение; порог оценивается по интенсивности, длительности и совокупным эффектам. Кейс Stuxnet демонстрирует возможность материального ущерба киберсредствами. Выбор режима ответа зависит от атрибуции: самооборона требует вооруженного нападения и надлежащей атрибуции, тогда как контрмеры допустимы ниже порога силы при необходимости.

мости, пропорциональности и обратимости. Подходы государств расходятся (США/Великобритания – адаптация действующих норм; Россия/Китай – акцент на киберсуверенитете и развитии специальных правил). МГП применяется при наличии вооруженного конфликта и задаёт критерии *ratione materiae/temporis*. Используется качественный метод исследования, включающий доктринальный анализ правовых норм и сравнительный подход к изучению позиций различных государств (Россия, США, Китай) и международных организаций по вопросам киберсуверенитета и самообороны.

Результаты исследования. Установлено, что кибератаки могут квалифицироваться как «применение силы» или «акт агрессии» при наличии существенного ущерба, сопоставимого с последствиями традиционного вооруженного нападения. Однако отсутствие четких международных норм и различия в позициях государств создают трудности в применении права на самооборону в киберпространстве.

Обсуждение и заключение. Необходима адаптация международного права к реалиям цифровой эпохи путем разработки новых международных норм и механизмов, учитывающих специфику киберпространства. Международное сотрудничество и диалог между государствами являются критическими для создания эффективной системы противодействия киберугрозам и обеспечения безопасности в цифровую эпоху.

Ключевые слова: кибератака, международное право, применение силы, акт агрессии, самооборона, Устав ООН, кибербезопасность

Для цитирования: Лазарь К. К. Квалификация кибератак как «применения силы» или «акта агрессии» в международном праве: анализ статьи 51 Устава ООН и перспективы самообороны в киберпространстве // Правосудие/Justice. 2025. Т. 7, № 3. С. 179–192. DOI: 10.37399/2686-9241.2025.3.179-192.

Original article

Qualification of Cyberattacks as “Use of Force” or “Act of Aggression” in International Law: Analysis of Article 51 of the UN Charter and Perspectives of Self-Defense in Cyberspace

Constantin C. Lazari

*Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia,
Moscow, Russian Federation*

lazariconstantin@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0008-4763-1922>

Abstract

Introduction. In the modern world, cyberattacks have become a significant threat to international security, capable of causing substantial harm to states by disrupting critical infrastructure and undermining national security. However, international law does not yet provide a definitive answer on whether cyberattacks can be qualified as “use of force” or an “act of aggression” under the UN Charter, creating legal gaps and complicating the application of the right to self-defense. Purpose of the study is to analyze in-

ternational legal norms and practices related to the qualification of cyberattacks and to consider prospects for the development of international law in the field of self-defense in cyberspace. Tasks: to study the concept of "use of force" in international law as applied to cyberattacks; to consider the possibility of qualifying cyberattacks as an "act of aggression"; to analyze the application of the right to self-defense in light of Art. 51 of the UN Charter; to identify political-legal and doctrinal disputes on this topic; to assess the prospects for codification and unification of norms in the field of cybersecurity.

Theoretical Basis. Methods. The article relies on *jus ad bellum* under the UN Charter (Arts. 2(4), 51) and an instrument-neutral, scale-and-effects reading for cyberspace: qualification turns on magnitude and consequences (physical harm, casualties, long-term loss of critical infrastructure functionality, systemic economic impact) rather than means. This framework distinguishes below-force measures, use of force, and armed attack; thresholds are assessed via intensity, duration, and aggregate effects. Stuxnet illustrates material damage by cyber means. Response regimes hinge on attribution: self-defence presupposes an armed attack attributable to a state, whereas countermeasures address wrongful acts below the force threshold, subject to necessity, proportionality, and reversibility. State approaches diverge (US/UK – adapt existing law; Russia/China – emphasize cyber-sovereignty and tailored norms). IHL applies where operations occur in armed conflict, informing *ratione materiae/temporis* analysis.

A qualitative research method is used, including doctrinal analysis of legal norms and a comparative approach to studying the positions of various states (Russia, USA, China) and international organizations on issues of cyber sovereignty and self-defense.

Results. It has been established that cyberattacks can be qualified as "use of force" or an "act of aggression" when there is significant damage comparable to the consequences of a traditional armed attack. However, the absence of clear international norms and differences in state positions create difficulties in applying the right to self-defense in cyberspace.

Discussion and Conclusion. There is a need to adapt international law to the realities of the digital age by developing new international norms and mechanisms that take into account the specifics of cyberspace. International cooperation and dialogue among states are critical for creating an effective system to counter cyber threats and ensure security in the digital era.

Keywords: cyberattack, international law, use of force, act of aggression, self-defense, UN Charter, cybersecurity

For citation: Lazari, C. C. Qualification of cyberattacks as "use of force" or "act of aggression" in international law: analysis of article 51 of the un charter and perspectives of self-defense in cyberspace. *Pravosudie/Justice*. 2025;7(3):179-192. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2025.3.179-192.

Введение

В современном мире кибератаки стали неотъемлемой частью международной системы безопасности. Они способны причинять значительный ущерб, нарушая работу критически важной инфраструктуры, подрывая экономику и создавая угрозы национальной безопасности государств. Несмотря на рост числа подобных инцидентов, международное право до сих пор не дает однозначного ответа на вопрос о том, могут ли кибератаки квалифицироваться как «применение силы» или «акт агрессии» в контексте Устава ООН.

Статья 2(4) Устава ООН¹ запрещает государствам применять силу против территориальной целостности или политической независимости любого государства, за исключением случаев, предусмотренных самим Уставом. Статья 51 Устава предоставляет право на индивидуальную или коллективную самооборону в случае вооруженного нападения. Однако эти положения были разработаны в эпоху, когда угрозы исходили преимущественно от традиционных вооруженных конфликтов и не учитывали специфики киберпространства.

В свете этих обстоятельств возникает необходимость детального анализа правовых критериев, на основании которых кибератаки могут быть квалифицированы как «применение силы» или «акт агрессии» согласно ст. 51 Устава ООН. Также важно изучить механизмы адаптации международных норм для защиты государств в условиях кибератак и применения права на самооборону.

Цель исследования заключается в анализе существующих международно-правовых норм и практик, связанных с квалификацией кибератак, а также в рассмотрении перспектив развития международного права в этой области. Особое внимание уделяется тому, как международное сообщество может адаптировать действующие правовые механизмы для эффективного противодействия киберугрозам и обеспечения безопасности государств в цифровую эпоху.

В данной статье используется качественный метод исследования, включающий доктринальный анализ и сравнительный подход. Доктринальный анализ сосредоточен на изучении правовых норм, таких как Устав ООН и решения Международного Суда ООН. Сравнительный подход позволяет сопоставить стратегии и позиции различных государств (Россия, США, Китай) по вопросам киберсуверенитета и самообороны.

Также рассматривается деятельность международных организаций, таких как ООН и НАТО, с целью выявления правовых пробелов и оценки перспектив создания международно-правовых механизмов в сфере кибербезопасности.

Теоретические основы. Методы

Понятие «применение силы» в международном праве

Статья 2(4) Устава ООН четко запрещает применение силы в международных отношениях, кроме случаев самообороны или действий, санкционированных Советом Безопасности ООН. Однако термин «применение силы» в контексте кибератак остается недостаточно определенным. Согласно «Таллинскому руководству 2.0»² применение силы в киберпространстве следу-

¹ Устав Организации Объединенных Наций. Подписан в Сан-Франциско 26 июня 1945 г., вступил в силу 24 окт. 1945 г. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text>.

² Jensen E. T. The Tallinn Manual 2.0: Highlights and Insights // Georgetown Journal of International Law. 2017. Vol. 48, no. 3. P. 735–778. URL: <https://>

ет оценивать по последствиям, аналогичным традиционным вооруженным атакам [1]. Это означает, что кибератака может считаться применением силы, если она приводит к физическому ущербу, человеческим жертвам или значительным разрушениям инфраструктуры [2].

Для квалификации кибератаки как применения силы необходимо учитывать ее реальные последствия. Ярким примером является кибератака Stuxnet в 2010 г., которая привела к физическому повреждению иранских ядерных центрифуг [3]. Данное событие демонстрирует, что кибератака способна причинить ущерб, сопоставимый с традиционными военными действиями, и, следовательно, может рассматриваться как применение силы в соответствии с международным правом.

Резолюция 3314 (XXIX) Генеральной Ассамблеи ООН³ определяет агрессию как вооруженное нападение на суверенитет, территориальную целостность или политическую независимость другого государства. Хотя в этой Резолюции не упоминаются кибератаки, по аналогии с традиционными формами агрессии можно предположить, что серьезные кибератаки могут квалифицироваться как акты агрессии, если они наносят значительный ущерб государству.

Соединенные Штаты Америки рассматривают кибератаки⁴ на критическую инфраструктуру как потенциальное основание для применения права на самооборону [4]. В свою очередь, Россия и Китай, продвигая концепцию киберсуверенитета, утверждают, что любые кибератаки, нарушающие суверенитет государства, могут рассматриваться как агрессия, даже если они не приводят к физическому ущербу [5; 6].

Методы исследования

Анализ правовых норм базируется на изучении доктринальных источников и материалов международных организаций (ООН, НАТО). Сравнительный подход позволяет сопоставить национальные стратегии (Россия, США, Китай) применительно к квалификации кибератак и их правовых последствий. В рамках качественного метода рассмотрены также решения судов и официальные заявления государств, раскрывающие позиции относительно права на самооборону в киберпространстве. Такой комплексный подход помогает выявить пробелы в международном праве и определить направления возможной кодификации.

www.law.georgetown.edu/international-law-journal/wp-content/uploads/sites/21/2018/05/48-3-The-Tallinn-Manual-2.0.pdf.

³ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 3314 (XXIX) «Определение агрессии». Принята 14 декабря 1974 г. Документ ООН A/RES/3314 (XXIX). Нью-Йорк : ООН, 1974. URL: [https://undocs.org/ru/A/RES/3314\(XXIX\)](https://undocs.org/ru/A/RES/3314(XXIX)).

⁴ National Cyber Strategy of the United States of America (Национальная киберстратегия Соединенных Штатов Америки). Washington (DC) : The White House, September 2018. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2018/09/National-Cyber-Strategy.pdf>.

Результаты исследования

Возможность квалификации кибератаки как «акта агрессии»

Агрессия традиционно ассоциируется с физическими вооруженными действиями. Однако в условиях современного мира кибератаки способны причинять сопоставимый ущерб без непосредственного применения физической силы [7; 8]. Для того чтобы кибератака была квалифицирована как акт агрессии, необходимо оценить масштаб и характер причиненного ущерба.

Критериями могут служить разрушение критически важной инфраструктуры, серьезный экономический ущерб или массовые человеческие жертвы [9]. Например, кибератаки США против Ирана в 2019 г., направленные на системы управления и военные инфраструктуры⁵, демонстрируют, как кибероперации могут использоваться в качестве средства агрессии⁶.

Различные государства по-разному интерпретируют кибератаки. Соединенные Штаты и их союзники склонны считать серьезные кибератаки актами агрессии, оправдывающими применение права на самооборону [4]. В то же время Россия и Китай акцентируют внимание на защите суверенитета и выступают против широкого применения силы в ответ на кибератаки, особенно если нет явных доказательств и установленной атрибуции [10; 6].

«Таллиннское руководство 2.0» предлагает рассматривать кибератаки как вооруженные нападения, если их последствия эквивалентны традиционному применению силы. Однако отсутствие консенсуса среди государств и недостаточная кодификация данных норм усложняют их применение на практике [11; 12].

Право на самооборону в свете ст. 51 Устава ООН

Статья 51 Устава ООН предоставляет государствам право на индивидуальную или коллективную самооборону в случае вооруженного нападения. Применительно к кибератакам возникает вопрос: могут ли они считаться достаточным основанием для использования этого права?

Для применения права на самооборону в ответ на кибератаку должны быть выполнены определенные условия [13]. Во-первых, кибератака должна квалифицироваться как вооруженное нападение, т. е. вызывать ущерб, сопоставимый с последствиями традиционного вооруженного нападения [7; 8]. Во-вторых, ответные меры должны соответствовать принципам необходимости и пропорциональности, т. е. быть необходимыми для защиты и соразмерными нанесенному ущербу [4; 12].

⁵ Sanger D. E., Perlroth N. U.S. Cyberattacks against Iran: escalating online conflict // The New York Times. 2019. June 15. URL: <https://www.nytimes.com/2019/06/15/us/politics/trump-cyber-russia-grid.html>.

⁶ Nakashima E. Trump approved cyber-strikes against Iranian computer database used to plan attacks on oil tankers // The Washington Post. 2019. June 22. URL: https://www.washingtonpost.com/world/national-security/with-trumps-approval-pentagon-launched-cyber-strikes-against-iran/2019/06/22/250d3740-950d-11e9-b570-6416efdc0803_story.html.

Примером практического применения этих принципов является реакция США на кибератаку WannaCry в 2017 г.⁷ Обвинив Северную Корею в организации атаки, США предприняли ответные кибермеры⁸. Однако законность таких действий остается предметом дискуссий, учитывая сложности с атрибуцией и оценкой пропорциональности ответных мер [14].

Использование права на самооборону для оправдания наступательных киберопераций вызывает критику. Нарушение принципов пропорциональности и необходимости может подрывать международные правовые нормы и повышать риск эскалации конфликтов [15]. Кроме того, отсутствие четких соответствующих международных норм и механизмов регулирования усложняет оценку правомерности таких действий [16; 17].

Политико-правовые и доктринальные споры

В рамках Группы правительственные экспертов ООН (GGE)⁹ было признано, что международное право применимо к киберпространству. Однако государства не достигли единого мнения относительно квалификации кибератак как акта агрессии или вооруженного нападения [12].

Россия выступает за ограничение применения силы в ответ на кибератаки и за укрепление принципа киберсуверенитета¹⁰. Российская позиция основана на необходимости разработки новых международных норм, учитывающих специфику киберпространства и предотвращающих эскалацию конфликтов [18].

Соединенные Штаты поддерживают возможность применения права на самооборону в ответ на серьезные кибератаки и считают, что существующие международные нормы могут быть адаптированы к киберпространству [4]. Они акцентируют внимание на необходимости сдерживания и готовности к ответным действиям.

Китай продвигает концепцию киберсуверенитета и государственного контроля над киберпространством¹¹, выступая за строгий национальный

⁷ The White House (U.S.). Press briefing on the attribution of the WannaCry malware attack to North Korea. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/press-briefing-on-the-attribution-of-the-wannacry-malware-attack-to-north-korea-121917/>.

⁸ Department of justice (U.S.). North Korean regime-backed programmer charged with conspiracy to conduct multiple cyber attacks and intrusions. URL: <https://www.justice.gov/archives/opa/pr/north-korean-regime-backed-programmer-charged-conspiracy-conduct-multiple-cyber-attacks-and-intrusions>.

⁹ Доклад Группы правительенных экспертов ООН по развитию в области информационно-коммуникационных технологий в контексте международной безопасности. Документ ООН A/68/98, 2013 г. URL: <https://undocs.org/A/68/98>.

¹⁰ МИД России. Позиция Российской Федерации по международной информационной безопасности. 2018. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/information_security/-/asset_publisher/.

¹¹ Cyberspace administration of China (CAC). International strategy of cooperation on cberspace (Международная стратегия Китая по сотрудничеству в кибер-

контроль и против внешнего вмешательства [10; 6]. Китайская позиция подразумевает также необходимость международного сотрудничества для разработки новых норм и правил поведения в киберпространстве.

Не каждое нарушение суверенитета через кибератаку может быть приравнено к применению силы. Проблема атрибуции – точного установления источника кибератаки – усложняет применение права на самооборону [14]. Часто невозможно с полной уверенностью определить, какое именно государство или актор несет ответственность за атаку, что затрудняет принятие правомерных ответных мер¹².

Перспективы кодификации и унификации норм

Одной из ключевых инициатив в области регулирования киберпространства является деятельность Открытой рабочей группы ООН (OEWG), учрежденной Генеральной Ассамблеей ООН в 2018 г.¹³ Цель этой группы состоит в разработке общепринятых норм, правил и принципов ответственного поведения государств в киберпространстве. В 2021 году группа опубликовала доклад¹⁴, подтверждающий применимость международного права в киберпространстве и подчеркивающий необходимость международного сотрудничества [15]. Продление мандата группы до 2025 г. свидетельствует о намерении продолжить работу над рекомендациями.

Кроме того, Группа правительственный экспертов ООН (GGE) занимается изучением мер по укреплению безопасности и стабильности в киберпространстве¹⁵. В докладе 2021 г. GGE¹⁶ подтвердила, что международное право, включая Устав ООН, применимо к киберпространству. Были разработаны добровольные нормы ответственного поведения государств, что является важным шагом на пути к кодификации.

пространстве). URL: https://www.xinhuanet.com/english/china/2017-03/01/c_136094371.htm.

¹² Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 74/247. Противодействие использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях, 2019 г. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/74/247>.

¹³ Организация Объединенных Наций. Рабочая группа открытого состава по вопросам безопасности в сфере использования ИКТ и самих ИКТ (2021–2025). Официальная страница заседаний (UNODA Meetings Place). URL: <https://meetings.unoda.org/open-ended-working-group-on-information-and-communication-technologies-2021>.

¹⁴ Организация Объединенных Наций. Итоговый доклад Рабочей группы открытого состава по вопросам развития в сфере информационно-коммуникационных технологий в контексте международной безопасности (2019–2021). A/75/816. Нью-Йорк : ООН, 2021. URL: <https://undocs.org/ru/A/75/816>.

¹⁵ Организация Объединенных Наций. Доклад Группы правительственный экспертов по достижениям в области информационно-коммуникационных технологий в контексте международной безопасности. Документ ООН A/70/174. Нью-Йорк : ООН, 2015. URL: <https://undocs.org/ru/A/70/174>.

¹⁶ См.: Документ ООН A/75/816.

Будапештская конвенция о киберпреступности 2001 г.¹⁷ остается единственным действующим международным договором, регулирующим вопросы киберпреступности¹⁸. В настоящее время ведется работа над Вторым дополнительным протоколом, целью которого является улучшение международного сотрудничества в этой области.

Различные региональные организации также принимают меры для укрепления кибербезопасности. Европейский союз принял Директиву NIS2, направленную на повышение уровня кибербезопасности в Европе [19]. НАТО признает киберпространство как сферу военных операций и работает над развитием киберспособностей своих членов [20].

Несмотря на значительные усилия государств и организаций, существуют серьезные препятствия на пути к унификации норм в киберпространстве. Поляризация позиций государств по вопросам киберсуверенитета и свободы интернета затрудняет достижение консенсуса [10; 15]. Различия в подходах к регулированию киберпространства и недоверие между государствами, вызванное опасениями относительно вмешательства и шпионажа, осложняют международный диалог¹⁹.

Технические сложности, такие как проблема атрибуции кибератак, также препятствуют разработке эффективных правовых механизмов. Без возможности точно установить источник атаки применение международного права и привлечение виновных к ответственности становятся затруднительными²⁰.

Перспективы развития международного права в области кибербезопасности связаны с продолжением работы международных организаций и укреплением сотрудничества между государствами. Многосторонний подход, включающий партнерство между государствами, частным сектором и гражданским обществом, может способствовать разработке общепринятых норм и стандартов.

Обсуждение и заключение

Применение правовых критерииев и международных норм на практике

Национальные стратегии кибербезопасности различных государств демонстрируют разнообразие подходов к применению правовых норм в киберпространстве.

¹⁷ Совет Европы. Конвенция о киберпреступности (Будапештская конвенция). Будапешт, 23 ноября 2001 г. ETS No. 185. URL: <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/185>.

¹⁸ Международный комитет Красного Креста. Международное гуманитарное право и кибероперации во время вооруженных конфликтов. Женева : МККК, 2019. URL: https://www.icrc.org/sites/default/files/document/file_list/icrc_ihl_and_cyber_operations_during_armed_conflict_ru.pdf.

¹⁹ North Atlantic Treaty Organization (NATO). NATO 2022 Strategic Concept (Стратегическая концепция НАТО 2022 г.). Adopted in Madrid, 29 June 2022. Brussels : NATO, 2022. URL: <https://www.nato.int/strategic-concept/#download>.

²⁰ См.: Документ ООН A/RES/74/247.

Россия в Доктрине информационной безопасности²¹ рассматривает кибератаки, нарушающие суверенитет, как потенциальные акты агрессии, даже если они не приводят к физическому ущербу. Россия подчеркивает необходимость разработки новых международных норм, признающих киберсуверенитет и обеспечивающих национальную безопасность.

Соединенные Штаты Америки квалифицируют серьезные кибератаки на критическую инфраструктуру как применение силы. В Национальной стратегии кибербезопасности 2018 г. США заявляют о готовности применять право на самооборону в ответ на такие угрозы²². США считают, что существующие нормы международного права могут быть адаптированы к киберпространству без необходимости разработки новых договоров.

Великобритания признает возможность квалификации кибератак как акта агрессии при наличии значительного ущерба. В Национальной стратегии кибербезопасности 2022 г. подчеркиваются необходимость адаптации существующих норм международного права и важность международного сотрудничества²³.

Китай занимает позицию, согласно которой кибератаки, подрывающие национальные интересы, являются угрозой суверенитету. Китай продвигает концепцию киберсуверенитета и государственного контроля над киберпространством, выступая за создание новых международных норм, признающих право государств на контроль над своими киберсистемами²⁴.

Различия в подходах затрудняют разработку единых международных норм. Однако практика применения государствами национальных стратегий и участие в международных инициативах демонстрируют стремление найти баланс между национальными интересами и необходимостью глобального регулирования.

Заключение

Проведенный анализ международно-правовых актов и доктрины международного права демонстрирует, что кибератаки могут квалифицироваться как «применение силы» или «акт агрессии», если они вызывают существенный ущерб, сопоставимый с последствиями традиционного вооруженного нападения. Однако отсутствие четких международных норм и различия в

²¹ Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646). URL: <https://base.garant.ru/71556224/>.

²² См.: National Cyber Strategy of the United States of America, 2018.

²³ HM Government (United Kingdom). National Cyber Strategy 2022 (Национальная стратегия кибербезопасности 2022 г.). London : HM Government, Dec 2021. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/national-cyber-strategy-2022>.

²⁴ Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. International Strategy of Cooperation on Cyberspace (Международная стратегия сотрудничества Китая в киберпространстве). Beijing, 2017 Mar 1. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/sites/default/files/documents/3521689/Document-12-Ministry-of-Foreign-Affairs-People-s.pdf>.

позициях государств создают значительные трудности в применении права на самооборону в киберпространстве.

Необходимость адаптации международного права к реалиям цифровой эпохи становится все более очевидной. Традиционные нормы, разработанные для регулирования физических вооруженных конфликтов, не всегда эффективно применимы к кибератакам, что требует их переосмысления и обновления. Проблема атрибуции остается одним из ключевых препятствий, поскольку сложности в установлении источника кибератак затрудняют правоприменение и принятие обоснованных ответных мер.

Международное сотрудничество приобретает сущностное значение: только через диалог и совместные усилия возможно разработать унифицированные нормы и механизмы противодействия кибератакам. Различия в национальных подходах подчеркивают важность компромисса и поиска баланса интересов для эффективного регулирования киберпространства.

Рекомендуется инициировать переговоры по созданию международных договоров, учитывающих специфику киберпространства и интересы всех государств. Усиление международного сотрудничества, создание платформ для обмена информацией и проведения совместных расследований помогут повысить эффективность противодействия киберугрозам и уровень доверия между государствами. Признание киберсуверенитета и уважение права государств на контроль над своим киберпространством могут способствовать стабильности и предсказуемости в международных отношениях.

Создание международного механизма атрибуции кибератак, основанного на общепринятых методологиях и стандартах, позволит привлекать виновных к ответственности и снизить риск ошибочных обвинений. Взаимопонимание и сотрудничество государств являются ключевыми факторами в обеспечении безопасности в киберпространстве. Совместными усилиями международное сообщество сможет создать эффективную систему противодействия киберугрозам, обеспечив мир и стабильность в цифровую эпоху.

Список источников

1. Schmitt M. N. *Tallinn Manual 2.0 on the international law applicable to cyber operations*. Cambridge : Cambridge University Press, 2017. 569 p.
2. Гаркуша-Божко С. Ю. Международное гуманитарное право в киберпространстве: *Ratione materiae, ratione temporis* и проблема квалификации кибератак // *Digital Law Journal*. 2021. Vol. 2, no. 1. P. 64–82.
3. Zetter K. *Countdown to Zero Day: stuxnet and the launch of the world's first digital weapon*. New York : Crown, 2015. 448 p.
4. Hathaway O., Crootof R., Levitz P. et al. The law of cyber-attack // *California Law Review*. 2012. Vol. 100, issue 4. P. 817–885.
5. Горелик И. Б. Формирование международно-правовой системы противодействия киберпреступности: от терминологии до проекта уни-

- версальной конвенции // Международное право. 2022. № 4. С. 60–71. DOI: 10.25136/2644-5514.2022.4.39376.
6. Huang Z., Ying Y. The Chinese approach to jus ad bellum in international law and cyberwarfare // The Cambridge Handbook of China and International Law / eds. I. Rasilla, C. Cai. Cambridge : Cambridge University Press, 2024. P. 203–218.
 7. Lin H. S. Offensive cyber operations and the use of force // Journal of National Security Law & Policy. 2010. Vol. 4, issue 1. P. 63–86.
 8. Roscini M. Cyber operations and the use of force in international law. Oxford : Oxford University Press, 2014. 301 p.
 9. Терентьева Л. В. Понятие киберпространства и очерчивание его территориальных контуров // Российский юридический журнал. 2018. № 4. С. 66–71.
 10. Jiang C. Decoding China’s perspectives on cyber warfare // Chinese Journal of International Law. 2021. Vol. 20, issue 2. P. 257–312. DOI: 10.1093/chinesejil/jmab022.
 11. Капустин А. Я. Международное право и вызовы XXI века // Журнал российского права. 2014. № 7. С. 5–19. DOI: 10.12737/4819.
 12. Schmitt M. N. Cyber operations in international law: use of force, collective security, self-defense, and armed conflicts // Proceedings of a Workshop on deterring cyberattacks. Washington (DC) : National Academies Press, 2010. P. 151–178. DOI: 10.17226/12997.
 13. Waxman M. C. Cyber-attacks and the use of force: back to the future of Article 2(4) // Yale Journal of International Law. 2011. Vol. 36, issue 2. P. 421–459.
 14. Deeks A. Defend forward and cyber countermeasures. Hoover institution, national security, technology, and law working group, aegis series paper No. 2004. Stanford : Stanford University, 2020. 26 p.
 15. Данельян А. А. Международно-правовое регулирование киберпространства // Образование и право. 2020. № 1. С. 261–269.
 16. Иванова К. А., Мылтыкбаев М. Ж., Штодина Д. Д. Понятие киберпространства в международном праве // Правоприменение. 2022. Т. 6, № 4. С. 32–44.
 17. Shackelford S. J. From nuclear war to net war: analogizing cyber attacks in international law // Berkeley Journal of International Law. 2009. Vol. 25, no. 3. P. 191–250.
 18. Ватрушкин А. А. Правовые основы обеспечения кибербезопасности критической инфраструктуры Российской Федерации // Евразийская адвокатура. 2017. № 6 (31). С. 78–84.
 19. Bradford A. The Brussels effect: how the European Union rules the world. New York : Oxford University Press, 2020. 404 p. DOI: 10.1093/oso/9780190088583.001.0001.

20. Lewis J. A cyber stability, conflict prevention, and capacity building. Washington, D. C. : Center for Strategic and International Studies (CSIS), 2020. 20 p.

References

1. Schmitt, M. N. *Tallinn Manual 2.0 on the international law applicable to cyber operations*. Cambridge: Cambridge University Press; 2017. 569 p.
2. Garkusha-Bozhko, S. Yu. [International humanitarian law in cyberspace: ratione materiae, ratione temporis and the problem of qualifying cyberattacks]. *Digital Law Journal*. 2021;2(1):25-46. (In Russ.)
3. Zetter, K. Countdown to Zero Day: stuxnet and the launch of the world's first digital weapon. New York: Crown; 2015. 448 p.
4. Hathaway, O., Crootof, R., Levitz, P., et al. The Law of cyber-attack. *California Law Review*. 2012;100(4):817-885.
5. Gorelik, I. B. [Formation of the international legal system for combating cybercrime: from terminology to the draft of a universal convention]. *Mezhdunarodnoe pravo = [International Law]*. 2022;(4):60-71. (In Russ.) DOI:10.25136/2644-5514.2022.4.39376.
6. Huang, Z., Ying, Y. The Chinese approach to *jus ad bellum* in international law and cyberwarfare. In: I. Rasilla, C. Cai, eds. *The Cambridge Handbook of China and International Law*. Cambridge: Cambridge University Press; 2024. Pp. 203-218.
7. Lin, H. S. Offensive cyber operations and the use of force. *Journal of National Security Law & Policy*. 2010;4(1):63-86.
8. Roscini, M. *Cyber operations and the use of force in international law*. Oxford: Oxford University Press; 2014. 301 p.
9. Terentyeva, L. V. [The concept of cyberspace and outlining its territorial contours]. *Rossijskij yuridicheskij zhurnal = [Russian Legal Journal]*. 2018;(4):66-71. (In Russ.)
10. Jiang, C. Decoding China's perspectives on cyber warfare. *Chinese Journal of International Law*. 2021;20(2):257-312. DOI: 10.1093/chinesejil/jmab022.
11. Kapustin, A. Ya. [International law and the challenges of the 21st century]. *Journal of Russian Law*. 2014;(7):5-19. (In Russ.) DOI: 10.12737/4819.
12. Schmitt, M. N. Cyber operations in international law: use of force, collective security, self-defense, and armed conflicts. In: *Proceedings of a Workshop on deterring cyberattacks*. Washington (DC): National Academies Press; 2010. Pp. 151-178. DOI: 10.17226/12997.
13. Waxman, M. C. Cyber-attacks and the use of force: back to the future of Article 2(4). *Yale Journal of International Law*. 2011;36(2):421-459.
14. Deeks, A. *Defend forward and cyber countermeasures. Hoover institution, national security, technology, and law working group, aegis series paper No. 2004*. Stanford: Stanford University; 2020. 26 p.

15. Danelian, A. A. [International legal regulation of cyberspace]. *Obrazovanie i pravo = [Education and Law]*. 2020;(1):261-269. (In Russ.)
16. Ivanova, K. A., Myltkubaev, M. Zh., Shtodina, D. D. The concept of cyberspace in international law. *Law Enforcement Review*. 2022;6(4):32-44. (In Russ.)
17. Shackelford, S. J. From nuclear war to net war: analogizing cyber attacks in international law. *Berkeley Journal of International Law*. 2009;25(3):191-250.
18. Vatrushkin, A. A. [Legal foundations for ensuring cybersecurity of the Russian Federation's critical infrastructure]. *Eurasian Advocacy*. 2017;(6):78-84. (In Russ.)
19. Bradford, A. *The Brussels effect: how the European Union rules the world*. New York: Oxford University Press; 2020. 404 p. DOI: 10.1093/oso/9780190088583.001.0001.
20. Lewis, J. *A cyber stability, conflict prevention, and capacity building*. Washington, D. C. : Center for Strategic and International Studies (CSIS); 2020. 20 p.

Информация об авторе / Information about the author

Лазарь Константин Константинович, аспирант кафедры международного права Дипломатической академии МИД России (Российская Федерация, 119021, Москва, ул. Остоженка, д. 53/2).

Constantin C. Lazari, Postgraduate Student at the International Law Department, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (53/2 Ostozhenka St., Moscow, 119021, Russian Federation).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 28.10.2024; одобрена после рецензирования 09.12.2024; принята к публикации 24.06.2025.

The article was submitted 28.10.2024; approved after reviewing 09.12.2024; accepted for publication 24.06.2025.